

Арпад Ардер

Где Царь Арпада?

В поисках цели жизни

Арпад Ардер

Перевод *Тойво и Татьяны Утриайнен*
Редактор *Константин Прохоров*
Корректор *Эльвира Цорн*
Обложка и вёрстка *Татьяны Крук*

Фото на обложке: *www.unsplash.com*

Ардер А.,
А79 Где Царь Арпада? В поисках цели жизни / Пер. с эстон. –
Корнталь: Свет на Востоке, 2021. – 256 с. Издание первое.
ISBN 978-3-944772-85-1

Автобиографические заметки Арпада Ардера (1922–1995),
известного служителя братства евангельских христиан-баптистов
Эстонии, о своей непростой жизни и поисках Бога.

Изд. № 01.568
ISBN 978-3-944772-85-1

© «Свет на Востоке», 2021.

Арпад Ардер

Где Царь Арпада?

В поисках цели жизни

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Оглавление

В начале была песня	9
На берегах голубого Дуная	10
Свет и тень над миром юности	12
Любовь отца	15
Дядя Яан и кульминация лета	20
Увлечение спортом	21
Мечты юности	23
Встреча с двумя пророками и миссионером	26
Последнее мирное лето	28
В Таллинской мужской коммерческой гимназии	32
День независимости 1941 года	35
Бог начинает говорить	37
His Master's Voice	41
Из огня да в полымя	45
Поворот в жизни Паулины Плинкманн	47
Передышка	48
На хуторе	49
На пути в Финляндию	50
Я заключённый	53
Камера № 42	54
Метс волнуется	56
Допросы	58
Проблема питания	59
Фабрикант	61
Домовой	62

Полосатый	63
Реха	64
Товарищ Кингу	65
Майор Мешков	66
Владелец часов	67
Чёрные	68
Если бы камни возопияли	69
Почётный гость	70
Чудо-юдо	71
Старые друзья	72
Подарок на Рождество	75
Леонид	77
Тарас Филиппович	78
И всё-таки Феликс!	80
Строительство новой Европы	81
Наши охранники	84
Две Германии	85
Зондерфюрер	87
Круг замыкается	87
Вильянди	88
Дни первой любви	89
Штабной переводчик	90
Мой Царь	91
Отступление	93
Пяру	95
Путешествие по морю	95
В Гданьске	99
Нойхаммер	99
Время	101
На фронте	109
9 мая	121

На пути домой	123
Обед	143
Ангел для заключённых	145
Intermezzo	146
Финал	148
Дорога на Север	150
На канале имени Сталина	151
Работа	153
В Медвежьегорске	155
Моя смерть	157
Последние допросы	159
Домой!	162
Приют	165
Высшая математика	168
Женитьба	171
Дети	174
Чудесная история обращения к Богу	176
Олевисте	179
Освальд Тярк	183
Уйди – приди!	184
Три Библии Гриши	186
Лучшая проповедь в церкви Олевисте	189
Раквереская церковь	190
Встреча с Ваном К्लीберном	192
Доброе воспоминание	194
Йоханнес Липсток и наши Библейские курсы	197
Мост в Финляндию	200
Настоящим вздохом является песня	203
Сказка минувших дней	206
Айно Каллас	209
Христос церкви Каарли	210

Окно в Европу	211
Мой двойник и брат во Христе	214
Подполье	216
Второе детство	217
Лучший шведский друг моей мамы	220
Царь	225
Пятидесятилетие Финляндии	226
Тучи сгущаются	227
По следам Кастрена	230
Сууре-Яани	237
В Гернгуте	239
Вторая поездка в Швецию	242
Встреча мамы с невесткой	243
Летние ветра	244
И в конце ещё одна песня	253

В начале была песня

В засыпающую деревню в ночной тиши из леса доносились звонкоголосая песня мальчугана. Ею часто заслушивался священник Краавиской православной церкви, думая о том, как хорошо подошёл бы такой прекрасный голос для пения хвалы Господу. Священник выяснил, что поющего ночного ходока зовут Карп Ардер. Он пригласил мальчика к себе и спросил, не хотел бы тот разучивать песни и посвятить свой дар для служения Богу. Мальчик согласился, своё согласие дал и его отец.

Так Карп попал в Петербург, в царскую капеллу, куда собирали юные дарования с чудесными голосами со всей России. В этой капелле Карп Ардер состоял около пяти лет, параллельно обучаясь игре на скрипке и фортепиано, а также постигая музыкальную теорию. Позднее Карп Ардер стал псаломщиком при православном храме и хормейстером в Вяйке-Ляхтру в Ляанэмаа.

У Карпа и его жены Марии родилось семеро детей, и всем им отец дал начальное музыкальное образование. Один из их сыновей, Александр, имел особые музыкальные способности. Он мог различить даже четверть тона! Сашу и отправили в Рижскую духовную семинарию учиться на священника. Учёба в семинарии была бесплатной, и за долгие годы её существования, помимо латышей, около тысячи эстонских православных юношей получили в ней хорошее образование. В этой семинарии даже учился первый президент Эстонской Республики Константин Пятс. При подготовке священников особое внимание уделялось пению. Этот учебный предмет настолько полюбился Александру, что он в итоге стал не священником, а профессиональным певцом.

В это же время в одной из Ревельских (Таллинских) женских гимназий училась худенькая девушка Татьяна, дочь градоначальника Яана Поска. Она была самой набожной из шести дочерей в этой православной семье. Стены её комнаты были увешаны иконами, а по утрам, перед началом учебных занятий, Таня имела обыкновение проводить целый час в молитве. По окончании гимназии Татьяна хотела уйти в монастырь. И как раз незадолго до этого события в семью Яана Поска стал вхож молодой талантливый певец. Чарующий голос Александра прогнал прочь мысли о монастыре из головы Татьяны, и вскоре они поженились.

Таким образом, своим появлением на свет я дважды обязан песне – как дедушкиной, так и папиной. Ну и конечно, Краавискому священнику.

На берегах голубого Дуная

Врач Эрнё Шлабей

Незадолго до моего рождения мама слушала какой-то курс лекций при Будапештском университете. Она надеялась до родов вернуться домой, но неожиданно тяжело заболела (воспаление почек), и её положили в больницу. Там собрался консилиум из нескольких врачей. Пожилые доктора были единодушны: чтобы спасти мать, следует

пожертвовать ребёнком. И только один молодой врач, двадцатидевятилетний Эрнё Шлабей, считал, что можно спасти обоих.

Спросили мнение самой пациентки. Мама доверилась Богу и молодому врачу, согласившись riskовать своей жизнью. Хотя доктор Шлабей сам только недавно женился, для спасения молодой женщины и ребёнка он

Спасённый

подолгу задерживался на работе. И вот 6 декабря 1922 года в 15:30 Эрнё торжественно спросил у мамы: «Вы хотите баса или тенора?»

После родов мама была так слаба, что не смогла мне сразу дать имя. Она хотела назвать меня Александром, но по православной традиции я должен был стать Николаем, так как родился в день святого Николая. В конечном итоге имя для меня вместе выбрали наш спаситель Эрнё Шлабей и дядя Яан Поска (младший). Так я стал Арпадом.

Великий Арпад в давние времена перевёл венгров через Карпаты, и они поселились на своей современной территории. Он был основателем первой венгерской династии. Еврейские дети говорят: «Наш праотец Авраам». А венгры скажут: «Наш отец Арпад». Я ношу с благодарностью это венгерское имя в память о том мадьяре, который спас мне жизнь. И также радуюсь тому, что святая Елизавета была потомком Арпада¹.

---

¹ Елизавета Венгерская (Тюрингская), 1207–1231, принцесса из венгерской династии Арпадов, святая Католической церкви, прославившаяся своим служением бедным людям. (Здесь и далее – прим. ред.)

Я эстонец, родившийся в 5-ю годовщину Финляндской Республики в Будапеште. Многие из моих соотечественников успешно примкнули к финно-угорским народам, я же непосредственно родился в этой среде.

Свет и тень над миром юности

Мой папа был солистом Эстонского оперного театра, одним из талантливейших баритонов своего времени. Однако театр «Эстония» был спроектирован таким образом, что между его залами располагался ресторан. И в этом заведении погиб не один многообещающий талант и разбилось не одно семейное счастье.

И для моего отца бутылка стала важнее семьи и работы. Мама пыталась помочь ему, но безуспешно. Последним средством оказать влияние на отца был развод, и мама втайне надеялась, что это отрезвит его. Чтобы у неё самой не возникло искушения преждевременно вернуться к папе, мама решила уехать в Париж и продолжить своё обучение в Сорбонне.

Мне тогда было четыре года. Мама определила меня в какую-то монастырскую школу, где мне постоянно доставалось от других детей. Затем меня перевели в другую школу, где атмосфера была настолько спокойной, что я нередко засыпал во время уроков. Когда я вспоминаю Париж, перед моим мысленным взором встают виды залитой яркими огнями Эйфелевой башни и один старый слон в зоопарке, настолько древний, что его спина покрылась мхом.

После завершения маминой учёбы мы вернулись в Эстонию. Мама надеялась, что разлука благотворно скажется

на папе и у них будет возможность всё начать сначала. Однако папа за это время снова женился. Так мы остались с мамой вдвоём.

Вначале мы какое-то время жили в Тарту. Маме нужно было закончить дипломную работу для Парижского университета. Её тема звучала так: «Ян Тыниссон как журналист». Для этого нужны были некоторые консультации в Тарту. Затем мы вернулись в Таллин.

Мой первый школьный день прошёл в Вестгольмской гимназии. Я поступил туда летом 1930 года. Директор школы господин Вестгольм написал на доске: «Ты прекрасна, Родина!» Я должен был переписать эти слова

к себе в тетрадь и прочитать отрывок из журнала «Ластэ Рыым» («Детская радость»). Этим одним днём, впрочем, и ограничилось моё пребывание в Вестгольмской гимназии.

Мама решила сама заняться моим образованием. Особое внимание она уделяла иностранным языкам, которым обучала меня сама, но для некоторых занятий нанимала и домашних учителей. Моим первым иностранным языком стал русский. Две мои няни – «тётя Смирнова» и Ольга Николаевна – были милыми русскими женщинами. Спустя тридцать лет, на

Мне четыре года

смертном одре, «тётя Смирнова» почему-то много раз повторила моё имя...

Позднее мама нашла для меня двух учителей немецкого языка – фрейлейн Домберг и Тони Аппель. Тони была первой, кому я сделал предложение руки и сердца. Ей тогда было девятнадцать, а мне – восемь...

Особое внимание мама уделяла французскому языку. Моими домашними учителями были месье Дмитрий Черкасов и Имре Пульман. Беседуя с ними, мы прогуливались каждую неделю по два часа в парке Кадриорг. За такую заботу обо мне я был благодарен маме на протяжении всей своей жизни.

Для учёбы во втором классе я поступил во Французский лицей. Я вошёл в кабинет, где учитель по фамилии Радамус попросил меня, закрыв глаза, ответить, сколько пуговиц на моём пиджаке. Затем, продолжая стоять с закрытыми глазами, я должен был сказать, сколько окон в помещении, в котором мы находились. На основании ответов на эти два вопроса я был принят во второй класс Французского лицея.

Во время учёбы все мы, и мальчики, и девочки, были равны. В нашем классе, например, учились дочери генерала и сапожника, и к ним тоже все относились одинаково. Каждый день у нас был урок французского. Моей первой классной руководительницей стала госпожа Теккель. И она оставалась нашим духовным наставником вплоть до самой своей смерти (а прожила она почти до девяноста лет!). Мы навещали её, будучи сами уже дедушками и бабушками. Мне было приятно осознавать, что своими любимыми учениками она считала Энделя и Арпада. Для нас было большой честью и радостью носить её портфель.

Следующей классной руководительницей, с которой нам тоже очень повезло, стала Флора Йоханссон. Она была полькой и ревностной католичкой. Её дом сделался нашим вторым домом, куда мы могли приходить по

воскресеньям. Там мы готовили классную газету под названием «Мейе Матс» («Наш Матс»).

Мы никогда не подводили нашу дорогую Флору Йоханссон. Она могла выходить из класса во время контрольной работы, и никто не осмеливался списывать даже в её отсутствие. Настолько большим был у неё авторитет.

Из учителей лицея мне ещё запомнился преподаватель эстонского языка Пауль Вийрес. Никогда не забуду его любимые фразы, которые мы писали под диктовку: «По мере приближения к городу всё яснее виднелись башни... Пока слуги накрывали на стол в столовой, гости беседовали в зале». Он нам привил хороший литературный вкус и любовь к писателю Ф. Тугласу, который был к тому же превосходным переводчиком, я им не перестаю восхищаться. Думаю, что в переводе Тугласа произведения Айно Каллас только выиграли.

Пятиклассники Французского лицея казались мне великанами. Среди них был Георг Отс. Наши мамы учились в одной школе, папы были коллегами, и мы с Георгом подружились.

Любовь отца

В четыре года я остался без отца, однако в восьмилетнем возрасте появился человек, заполнивший эту пустоту, – мой отчим Эдуард Лааман. Его роль в формировании моей личности стала определяющей. Он был моим наставником с восьми до восемнадцати лет, как раз в то время, когда юная душа наиболее восприимчива ко всему новому.

Я присутствовал при судьбоносной встрече моей мамы и Эдуарда. В 1930 году, в чудесный весенний день,

прогуливаясь с мамой по Нымме¹, мы повстречали на улице Эдуарда Лаамана. Последний раз они виделись в 1919 году в Париже. Мама тогда была молоденькой студенткой, только что вышедшей замуж, а Лааман – секретарём делегации от молодой Эстонской Республики на Версальской мирной конференции. С тех пор они оба многое пережили и были одиноки.

Эдуард Лааман

Во время нашей общей встречи в Нымме мне больше всего запомнился велосипед Лаамана. Он был ещё царских времён, сделанный на рижском заводе, и верно прослужил своему владельцу тридцать лет. За этой встречей последовали и другие, а в новогодний вечер 1930 года мама и Эдуард отпраздновали свадьбу. Два разочарованных в жизни человека обрели счастье, потерянное в первом браке.

А я приобрёл настоящего отца. На его старом велосипеде мы ездили на природу. Сидя на раме, я прижимался к его сильной груди и испытывал настоящую радость, которая не оставляла меня на протяжении всех последующих десяти лет. Мы жили тогда в Кадриорге, и отец часто брал меня с собой на прогулку в парк и на взморье. Мы с ним беседовали о морском праве (по образованию он был юрист) и об астрономии.

Моё ежедневное обучение продолжалось и за обеденным столом. Эдуард был главным редактором газеты «Ваба Маа» («Свободная земля»), и из его уст мы первыми

---

¹ Район в юго-западной части Таллина.

слышали самые свежие новости. Благодаря ему мы жили словно в центре мировых событий.

Однажды редакцию «Ваба Маа» посетил журналист с мировым именем Х. Никербокер. Он возвращался домой из Советского Союза, где брал интервью в городе Гори у матери Сталина. Она сожалела о том, что её сын не стал священником. В самом деле, если бы Сталин стал священником, а Гитлер художником, весь мир от этого бы только выиграл.

Мне позволялось заглядывать в толстый редакторский портфель Лаамана, в котором каждый день появлялись новые номера «Таймс», «Ле Матин», «Нойе Цюрихер Цайтунг», «Известий» и других газет. Он приносил домой почти все эстонские журналы и книги, которые присылались на рецензию в редакцию. Вряд ли во всей Эстонии ещё какой-то подросток, кроме меня, имел возможность читать столько интересных новинок.

У нас в гостях бывали единомышленники Лаамана. Особенно мне запомнился писатель Антон Хансен Таммсааре, у которого с Эдуардом были родственные души. Мне разрешалось присутствовать на беседах этих мудрых мужей. Больше всего Лааман повлиял на меня именно масштабом своей личности. К тому же он был истинным джентльменом.

Моя мама родила Эдуарду двух дочерей: Илону и Сильвию. И хотя Илла и Силла были его родными детьми, я никогда тоже не оставался без его внимания. Он стал моим настоящим отцом.

Я обязан ему многим не только в каком-то широком смысле слова, но и в самом буквальном. Однажды он спас меня, когда я тонул. Это произошло в Хаапсалу, когда мне было около десяти лет. Мама записала меня на курсы по плаванию к будущему тренеру олимпийской сборной Рахману, который учил меня плавать при помощи пояса, прикрепленного к большой удочке. Когда я был

уже вполне уверен в своём умении держаться на воде, то решил это продемонстрировать маме у лодочного моста Паралепа. На своё несчастье, двигаясь вдоль края моста, я заплыл чуть дальше в сторону моря. Там я скоро выбился из сил и решил встать ногами на дно, но дна подо мной не оказалось...

Я начал тонуть, то всплывал, то погружался под воду. Мама поняла, что случилась беда. Она сама плавать не умела, но громко закричала, зовя на помощь. Эдуард, только что переодевшийся после купания, выбежал на мост и прыгнул в воду. Он сумел вытащить меня в последний момент. Затем ему пришлось долго сушить свой костюм и из золотых карманных часов вытряхивать капли солёной морской воды. И даже при таких обстоятельствах он не сказал мне ни единого укоризненного слова. Говорят, человек особенно прекрасен тогда, когда прощает. Эдуард всегда был для меня образцом, но в тот момент – особенно.

А. Х. Таммсааре у нас в гостях (в центре).
На руках у Лаамана моя сестра Илоне

Первый раз я попал на страницы газет, помнится, в 1931 году. Я нашёл в Кадриорге, недалеко от нашего дома, десятилитровый бутыль с водкой. Мы доставили эту находку на склад нелегального алкоголя. Через какое-то время водку продали, а мне даже выплатили вознаграждение. На эти деньги я смог купить восемь небольших подарков на Рождество для своих близких. Сообщение об этом событии Эдуард поместил в свою газету, в рубрику «Происшествия и преступления».

Мой первый самостоятельный материал в газете, насколько я помню, появился в 1937 году. Это была статья о польских панах, которую я перевёл с французского, и её использовали в качестве заглавной статьи в «Ваба Маа». За это я тоже получил гонорар, целых 10 крон.

Мне хорошо запомнились два случая в жизни Лааамана. Однажды «Пяэвалехт» («Дневная газета») сделала ему предложение занять должность главного редактора. Ему предложили оклад в размере 800 крон в месяц (в «Ваба Маа» платили 500 крон). Однако Лаааман отклонил это предложение. Он был выходцем из пролетарских слоёв общества и не мог отказаться от своих политических взглядов из-за денег. В другой раз президент Константин Пятс предложил ему должность посла в Москве с зарплатой 2000 крон в месяц плюс бесплатная квартира, отопление, электричество, питание и ещё какие-то суммы на представительские расходы. Узнав об этом, я был в восторге, но Лаааман вновь отклонил заманчивое предложение, которое было ему не по душе, и послом тогда стал Аугуст Рей. Однако позднее, в период размещения первых советских военных баз в Эстонии, когда политическая обстановка обострилась и Константин Пятс вновь предложил ему работу в Москве (на этот раз – место пресс-атташе в посольстве), так как правительство нуждалось в максимально полной, насколько это возможно, информации о русских, Лаааман согласился.

Эдуард был родом из Крыма, о котором у него остались светлые воспоминания. Его предки переселились туда во времена пророка Малтсвета¹. Об этом он говорил часто и с удовольствием, всегда добавляя: «А у нас в Крыму...»

Дядя Ян и кульминация лета

Вспоминается одно лето. Кажется, это было в 1926 году. Мы поехали в Вызу на пароходе с гребным колесом. В Вызу имелся кегельбан. Мы прогуливались с папой по лесу, и я помню, как он убил там гадюку. Мама сфотографировала нас со спины. Эти фотографии хранятся где-то у нас до сих пор.

Однако большую часть лета я провёл тогда в городе Хаапсалу. Там у семьи Поска, недалеко от курзала, было несколько домов, в которых все их сёстры и братья собирались со своими семьями на лето. Бабушка Констанса умерла в 1927 году. Тётя Ксения проживала в Хаапсалу, а летом каждый год ездила отдыхать в Вызу. В Хаапсалу приезжали и мои тёти – Анна, Вера и Нина, а также дяди – Юри и Ян. Моего двоюродного брата Ивара Грюнтхала все называли Коффке, а меня – Вунтс (т. е. Ус).

Там же, неподалёку от нас, находился дом семьи В. Пухка, известного дипломата.

Множество радостных дней в моём детстве связано с дядей Яном. У него был такой обычай: один раз за лето свозить всё наше большое семейство на остров Хястхольм. На остров Хястхольм! – не правда ли, звучит здорово?!

---

¹ Юхан Лейнберг (1812–1885), «пророк Малтсвет», был лидером сектантского религиозного движения в Эстонии. В начале 1860-х годов часть его последователей вместе со своим пророком переселилась в Крым.

Можно сказать и проще – на Хобулайд (в переводе с эстонского – Лошадиная гряда). Для этого путешествия дядя Яан арендовал у лодочника Эрикссона парусник. Лодочник считал себя шведом. Чтобы это подчеркнуть, он никогда не говорил «ва», но всегда произносил это как «фа». Поэтому его звали Фана Эрикссон (по-эстонски правильно: Вана Эрикссон, т. е. Старина Эрикссон). Каждый раз наше путешествие начиналось с покупки множества пирожных в кафе Хейманна, после чего вся семья направлялась к паруснику Эрикссона, и дядя Яан доставлял нас на остров. Там мы ели пирожные с клубникой, пили молоко, загорали и купались. Это событие для нас становилось кульминацией каждого лета.

А ещё каждый год дядя Яан преподносил мне какой-нибудь подарок, например, большой конверт с заграничными марками, которые он приобретал в Обществе эстонцев, живущих за границей. Это были самые чудесные дни моего детства. Марки стали моей страстью, и свой первый взнос за учёбу в университете я когда-то сделал из средств, вырученных от их продажи.

Увлечение спортом

Вряд ли на всём белом свете найдётся мальчишка, который был бы совершенно равнодушен к спорту. Я до сих пор помню свой первый в детстве рекорд по прыжкам в длину – 1 м 99 см. Я всё больше увлекался спортом, и наши летние посещения Хаапсалу в немалой степени этому способствовали. Здесь нас, детей, собиралось вместе с моими двоюродными братьями и сёстрами не меньше десятка, и то, что мы, бесконечно метая в саду копьё и диски, не покалечили друг друга, уже было настоящим чудом.

По утрам мы бегали на спортивную площадку Трои, за город. С мыслью о спортивных упражнениях мы просыпались утром и засыпали вечером.

Своего пика это моё увлечение достигло во время олимпийских игр в Берлине в 1936 году. Они начались с фиаско эстонских спортсменов. Все у нас были уверены, что эстонец Вийдинг станет чемпионом в толкании ядра. Но в результате он не попал даже в число претендентов на медаль. Моя скорбь была так велика, что я купил конверты с чёрной каймой и отправлял свои письма в таком «траурном» виде. Однако затем последовали блестящие победы Палусалу, которые смягчили мою боль. Особые ожидания

Учащийся Французского лицея на своём любимом месте – стадионе

у нас тогда были связаны с плаванием. Все терялись в догадках, кто выиграет заплыв свободным стилем на 100 метров. Фаворитами считались американцы и японцы, но победу одержал венгр Ференц Чик. Это событие так вдохновило меня, что я закричал на весь бассейн Бергфельда, что прыгну сейчас с вышки. И прыгнул, но неудачно. На дне бассейна оказался острый выступ. Во время прыжка я его задел головой и из воды вышел весь окровавленный. Йоаким Пухк, один из самых богатых людей Эстонии, находившийся неподалёку, увидел моё бедственное

положение и дал мне своё белое полотенце, чтобы я мог остановить кровь. Затем я спешно направился через весь город в больницу, где мне наложили швы. Так что мой венгерский энтузиазм долго напоминал о себе шрамом на лбу.

На следующий год моё увлечение привело меня в спортивный лагерь Христианского юношеского общества в Койтярве. В лагерь я ехал с некоторым предубеждением, но вернулся оттуда очень довольным. Главным занятием там, конечно, у нас были спортивные состязания. В лагере я одержал свои первые победы – в беге на 60 и 200 метров, а также в прыжках в длину. Приятное впечатление на меня произвёл начальник лагеря Херберт Нийлер, который каждый вечер у костра произносил какую-то речь. А перед тем как идти спать, мы всегда пели: «Наполняй, дорогая рука Отца, моё сердце миром...»

Постепенно увлечение спортом стало уступать место более серьёзным вещам, я начал задумываться о цели своей жизни.

Мечты юности

На память приходит ещё одна история из детства. Как-то раз на улице я встретил «дядю Древерка», одного из владельцев типографии газеты «Ваба Маа». Он спросил меня, не интересуюсь ли я оловянными солдатиками. Конечно, я интересовался ими! Я покупал их довольно дорого у одной продавщицы в Кадриорге. Господин Древерк предложил мне вместе изготовить партию солдатиков, у него дома для этого оказались специальные формочки. «Но олово принеси своё!» – прокричал он мне вслед.

И вот я уже в гостях у Древерка. Мама дала мне немного денег, и я купил на них кусочек олова. Он умещался на моей ладони.

Увидев мои запасы олова, хозяин дома рассмеялся, подошёл к шкафу и вытащил из него большую коробку, в которой находился хороший английский свинец. Вероятно, Древерк принёс его из типографии. Мы принялись за дело и в итоге, кроме солдатиков, отлили ещё и немало симпатичных цыплят. Вернувшись домой, я расставил в своей комнате новые игрушки. Всё свободное место в ней заняли свинцовые солдатика и цыплята.

Юность – пора мечтаний и подражания известным людям. Моими первыми идеалами в жизни стали выдающиеся личности: норвежский полярный исследователь Руаль Амундсен, погибший, спасая своего коллегу У. Нобиле, и президент Америки Авраам Линкольн, который ценой собственной жизни освободил свою страну от рабства.

Приблизительно к шестнадцати годам я начал ощущать своё будущее призвание. Идея, которая меня тогда увлекала, была связана с созданием Школы талантов. Я понимал, что для моего маленького народа, численностью всего около одного миллиона человек, единственной возможностью достичь успеха было создание чего-то очень качественного. Поэтому мне представлялось необходимым находить и развивать наши национальные таланты в самом раннем возрасте и давать возможность одарённым детям из бедных семей учиться бесплатно. Такая школа должна была учитывать индивидуальность каждого ученика и помогать воспитывать мыслящую личность.

В выпускном классе средней школы я, следуя данным мне советам, решил пройти тестирование, которое должно было мне помочь определиться с будущей профессией. Этим делом у нас занимался доктор Кирсимяе. Сначала он подверг меня небольшому ознакомительному опросу,

а затем, заинтересовавшись первыми результатами, провёл очень подробное тестирование, которое длилось два часа. Доктору Кирсимяе понадобилось некоторое время для анализа моих ответов, поэтому он попросил меня зайти позднее. Наконец он сообщил результаты, согласно которым у меня имелись лидерские способности, так что мне рекомендовалась работа с людьми. О себе мой экзаменатор сказал, что он человек, призванный заниматься небольшими делами, но основательно. Мне же, согласно его прогнозу, предстояло в жизни совершить нечто более масштабное, но с не менее основательным подходом. Также доктор Кирсимяе посоветовал мне развивать решительность, не беспокоиться чрезмерно о своих недостатках и возможных ошибках.

После этого мне пришлось в голову связаться с ещё одним знакомым профессором по фамилии Рамул, с кафедры психологии Тартуского университета. Я попросил его проверить у меня слух и зрение. Это тестирование тоже показало вполне хорошие результаты.

Затем я составил себе план жизни до шестидесяти лет и, поскольку являлся большим почитателем десятичной системы Дьюи, разделил свой план на десять этапов, а каждый из них – ещё на десять частей и т. д. По временной шкале моя жизнь была спланирована таким образом, что до сорока лет я должен был заниматься накоплением капитала, а в промежутке с сорока до шестидесяти лет посвятить себя основанию и развитию Школы талантов. Весь этот мой план составил более ста страниц печатного текста, плюс таблицы и иллюстрации.

Первым шагом на пути к моей цели стала смена места учёбы. Это был переломный момент, так как все предыдущие годы я рос в гуманитарной среде. Мне пришлось распрощаться со своим родным Французским лицеем и поступить в Таллинскую мужскую коммерческую гимназию.

Встреча с двумя пророками и миссионером

Суличным пророком Рейтсом мне довелось повстречаться лишь однажды. Выбрав для разнообразия новую дорогу домой, которая проходила через Русский базар, я среди толпы увидел этого странного человека. Он шёл с непокрытой головой и в длинном одеянии. Всё его внимание было сосредоточено на тревожном послании. Он восклицал: «Грядёт беда!» Провозглашая свою весть, пророк не смотрел по сторонам, его взгляд был устремлён только вперёд, куда-то перед ним. В это время рынок был заполнен товарами, всего было в достатке, поэтому послание пророка не казалось людям вполне убедительным. И я в глубине своего юношеского сердца решил, что этот странный человек просто набивает себе цену.

Спустя десять лет, когда я уже был верующим, мне в руки попал дневник Рейтса. Должен признаться, что я отнёсся к нему довольно скептически. В начале дневника описывалась долгая борьба Рейтса с нежеланием идти проповедовать ту весть, которую ему открыл Бог. Господь допустил серьёзные испытания в жизни Рейтса, после которых он всё же пошёл к людям.

Сегодня эстонский народ признаёт Рейтса истинным пророком. Но как это часто бывает, в период его служения людям он был очень одинок. Даже самые близкие друзья и братья от него отвернулись. Рейтса прогоняли из церквей и собраний, где он только начинал говорить. Как же непросто Истине достучаться до этого мира! И пророк Рейтс дорого заплатил за своё служение людям. Латышские коммунисты расстреляли его в поле, где он бесстрашно

им проповедовал. На этом поле он и похоронен – во свидетельство своему народу, который он так любил.

С ещё одним пророком я повстречался лично в конце его жизненного пути. Это был некто Каарепа (именуемый когда-то Матфеем). Этот пророк, в отличие от Рейтса, оставил после себя книги. Одна из них называлась «Почему вы хотите умереть?». Эти книги он издавал за свой счёт и рассылал нашим общественным деятелям. Тираж его книг составлял около тысячи экземпляров. Одним из адресатов Каарепа был и Эдуард Лааман. В то время как другие люди обычно выбрасывали книжонки Каарепа в мусорные корзины, Лааман сохранял их. Послания пророка адресовались военачальникам «Кайтселийта»¹ и другим влиятельным лицам, призывали их к покаянию. Никакого ответа от них не последовало, но мы знаем, что произошло вскоре со всеми этими мужами – большинство из них были репрессированы.

Непростым оказался жизненный путь и самого Каарепа. Отправлять свои предупреждения сильным мира сего, включая Гитлера и Сталина, было делом его жизни. Пророк слал письма. Однако Сталин никому не позволял себя учить, и Каарепа арестовали. По прошествии некоторого времени его, впрочем, чудесным образом освободили из заключения. Я встречался с ним неоднократно в то время и мог убедиться, что он находился в добром здравии. Каарепа свидетельствовал во многих молитвенных домах по всей Эстонии до 1948 года, когда Господь призвал Своего верного слугу домой. Его труд на земле завершился.

Кроме этих двух пророков моим третьим свидетелем о Боге стала Лийзи Ардер, супруга моего дяди. Она была первой, кто по-настоящему уверовал в Бога в нашей семье, очень верной Его слугой. Лийзи жила в деревне, но, приезжая в город, всегда заходила к нам в гости и непременно свидетельствовала мне о Христе. Я в ту пору был

---

¹ Союз обороны Эстонии в 1918–1940 гг.

гимназистом и считал себя умнее всех, полагая, что мои взгляды значительно выше убеждений Лийзи. Но выше её любви ко Христу и ко мне ничего не существовало. В тот день, когда я вступил в ряды немецкой армии, она как раз была у нас в гостях. Попрощавшись и уже выходя во двор, я услышал сильный шум на лестнице. Это Лийзи бежала в своих огромных крестьянских сапогах. Она устремилась за мной только для того, чтобы трогательно сказать на прощание: «Помни о Христе!»

Увы, я тогда Его забыл, но позднее осознал, что Христос не забыл меня!

Последнее мирное лето

Лето 1939 года – последний период мирного времени, который наша семья провела в Печорах. За это лето у нас сложились добрые отношения с обитателями Псково-Печорского монастыря. Его настоятель архиепископ Николай крестил двух моих младших сестёр. Илле тогда было пять лет, а Силле три года. Меня же архиепископ излечил от болезни. Его имя в миру было Николай Лейсман. Он знал состав одного лекарства, которое местная аптека готовила по его рецепту. Оно помогло мне избавиться от сильного кашля.

Мы наслаждались летним отдыхом, ходили купаться, какое-то время вместе с нами провёл и Эдуард Лааман. В его сохранившихся дневниках (позднее мама нелегально вывезла их в Швецию) можно найти выразительные описания тех дней. Записи Эдуарда – это беглые наброски, простое описание повседневной жизни, соседствующее с его размышлениями о важных политических событиях, и всё это разбавлено забавными историями.

В Печорах, август 39 г. Граф Апраксин, когда немцы завладели Богемией и Моравией, сказал: «Теперь Сталин должен поставить пудовую свечу за Гитлера, так как все бросились к нему как к меньшему злу».

Госпожа Бюнтинг (тёща Апраксина) рассказала о печорском мужике, который после речи Лайдонера на русском певческом празднике в Печорах пошёл в магазин и купил фотографию «этого бравого генерала». Продавец спросил: «Почему бравого, вы что, воевали под его началом?» – «Нет, но он осмелился в присутствии нашего префекта держать речь на русском языке и называть Петсери¹ Печорами».

Гулянье в деревне Мыльниково. На закате дня полицейские разгоняют людей по домам, так как, видимо, сами хотят идти спать. Один молодой человек, не повернувшийся сразу к полицейскому после обращения к нему, получил четыре удара резиновой дубинкой, хотя не сказал ни единого плохого слова. Конго!

Вчера вечером в Рогозино в 11 часов резиновыми дубинками разогнали ещё одно гулянье, после того как один парень едва не ударил ножом свою девушку. Пожилая русская женщина в деревне сказала: «Хорошо, что разгоняют, меньше будет убийств».

Я вскоре вернусь к дневнику Лаамана.

В Печорах мы жили у баронессы Бюнтинг. Её муж занимал пост губернатора Эстляндской губернии в 1905 году. Поскольку он был немцем, его соотечественники просили расстрелять большое количество неугодных им эстонцев. Многие эстонские общественные деятели сидели тогда в Тоомпеаской тюрьме. Госпожа Бюнтинг помнит, что под третьим номером в этом списке был Яан Поска. Губернатор отказал жаждающим крови. Бюнтинг считал расстрелы делом несправедливым и, сославшись на недостаточную осведомлённость, перенёс решение по данному вопросу на более позднее время.

---

¹ Эстонское произношение Печор.

Пришёл 1939 год, и вот уже опять стали сгущаться тучи, составляться новые списки. Здесь мне кажется уместным вновь обратиться к дневнику Эдуарда Лаамана, наиболее ярким из него отрывкам.

1.9.39 г.

Речь Гитлера истерична. Auf alle Zeiten с Советами до конца! Национал-социализм должен продлиться 100 лет. Как сильно это отличается от выдержанной и спокойной речи Чемберлена.

23.9 и 24.9.39 г.

Лайдонер и Ээнпалу, очень оптимистичные речи о готовности страны к обороне и о её неприкосновенности.

И вдруг – 25.9 – бац! В Москву приглашается Сельтер. На повестке дня Гибралтарский договор о морских базах и взаимопомощи. Просили базу в Таллине. Сельтер указал на Палдиски.

Молотов: «А это где?»

Пийп: «Вот и приехали, встречайте похороны независимости».

27–28.9.39 г.

Ночной кризис. Из-за потопления «Металлиста»¹ русские требуют послать 25 тысяч человек «для поддержания внутреннего порядка». В три часа ночи в Таллине встаёт вопрос о мобилизации. Утром у чиновников из министерства внутренних дел бледные лица.

На послеобеденном заседании Сталин немного смягчается: 25 тысяч человек «для охраны баз в военное время». Базы в Палдиски, на Сааремаа и Хийу.

---

¹ Пароход «Металлист», по сообщениям советской печати, был потоплен неизвестной подводной лодкой у берегов Эстонии 27 сентября 1939 г. Этот инцидент СССР использовал для давления на Эстонию и размещения на её территории своих военных баз.

9.10.39 г.

В сапожном магазине «Абрамка» русский матрос: «У меня последние сапоги на ногах, и те совершенно прохудились, вот товарищи могут подтвердить!» Не поняли. Позвали хозяина. В конце концов выяснилось, что, видимо, по советским порядкам теперь можно получить новые сапоги вот таким образом. Матрос очень обрадовался, узнав, что можно купить любое количество сапог.

1.11.39 г.

«Спасибо Яше Риббентропу, он нам открыл окно в Европу!»

4.11.39 г.

Р. Ренинг: «Два ответа русского военного на вопросы товарищей, почему эстонцы так хорошо живут. „Здесь все спекулируют. Товарами спекулируют... Здесь все стахановцы. Вон как работают!“»

6.12.39 г.

Вечером отъезд в Россию.

7.12.39 г.

Ленинград погрузился во мрак. Синие трамвайные огни на Охте. Объявляют: «Товарищи и граждане, кто уже долго ехал, выходите, дайте место другим!» И на конечной: «Все выходим, освобождаем место новым пассажирам!»

Лайдонер: «Сталин – мудрый человек, честный, в нём грузинское рыцарство. С ним мы могли бы сработать. Читая мои лекции, Л. спросил, как после револ[юционной] разрухи людей вдохновили на восстановительные работы? Ст.: „Тяжело было, пришлось сломить, партия помогла“».

9.12.39 г.

В большом Кремлёвском дворце ужин в честь Лайды. Сталин: «Договоры с балтийскими государствами открывают

новую страницу в организации международных отношений, в том числе между маленькой и очень большой страной, и исходят полностью из принципов общей справедливости, самостоятельности друг друга и уважения свободы. У большого народа не больше прав на жизнь, чем у маленького. У каждой национальности есть что-то особенное, чем можно обогатить человеческую культуру».

10.12.39 г.

Ужин в посольстве Эстонии. Молотов, Ворошилов, Микоян, Будённый, Потёмкин и другие.

Многочисленная охрана, много речей и вина. Молотов – русак из-за Волги, у Ворошилова много общего с Лайдонером. Микоян – искромётный кавказский сокол, живой, остроумный. Будённый – советский Мюрат. Во время перерыва Б. рассказывает о генерале Кёстринге, немецком военном атташе, бывшем владельце усадьбы в Туле... которого «царское правительство обидело» из-за его немецкой национальности. Будённый предъявляет ему претензию из-за «Майн Кампф». Кёстринг: «Гитлер – гений». Будённый: «Когда пойдёте на Украину, будет много крови». О себе говорит не «казак», а «иногородний». Уходя, два пальца кладёт на губы и просит меня не рассказывать о его разговорах с Кёстрингом. На пожелание Лайды, чтобы не было войны, Буд. отвечает: «Так-то так, но если ты военный, то всё равно ждёшь, когда она случится».

В Таллинской мужской коммерческой гимназии

Практическую направленность в моей новой школе я почувствовал уже на вступительных экзаменах. Учитель физики Рообет Кума поставил меня лицом к белой стене

и спросил, почему я не вижу на ней своего отражения. Я не смог ответить на этот вопрос, и учитель с улыбкой сказал мне: «Твоё лицо здесь не отражается, потому что поверхность стены недостаточно гладкая...»

Мой первый школьный день, 1 сентября 1939 года, совпал с началом Второй мировой войны. Вряд ли кто-то мог тогда предположить, насколько роковым станет этот день для всего нашего народа.

Для меня этот день ознаменовался тем, что из нового красивого здания лицея, комнаты которого были увешаны французскими гравюрами и где у меня ежедневно был урок французского языка, я попал в серое, невзрачное здание царских времён, наполненное деловыми людьми, будущими экономистами. Соответственно у меня появились новые предметы: машинопись, бухгалтерия, коммерческая арифметика, офисная практика и т. д. Товароведение преподавал наш классный руководитель и директор школы Отто Йоханн Кийсель. Он делал это с таким воодушевлением, что каждый его урок становился для меня настоящим событием. После Эдуарда Лаамана он сыграл наибольшую роль в моём становлении как личности. К одному уроку

Директор коммерческой
гимназии Отто Йоханн Кийсель

Кийсель попросил нас составить список книг, которые мы читали вне школьной программы. У меня в то время было такое правило: я печатал на машинке краткие рецензии на прочитанные мною книги. К тому времени у меня набралось уже 640 страниц подобного текста, и я отдал эти листы для переплёта в типографию Таска. Затем, сдав свой манускрипт Кийселю, я думал, что непременно услышу от него похвалу. Однако на следующем уроке учитель вернул всем моим одноклассникам их листочки со списками книг, а со мной он решил поговорить с глазу на глаз. Во время этой беседы меня не хвалили, а наставляли. Господин Кийсель рассказал, что в молодые годы он тоже по своему неразумию делал подобные пространные записи. И теперь у него на чердаке пылятся толстые тома, от которых нет никакого проку. В них проблематично отыскать что-то полезное, когда в этом есть нужда. Поэтому правильный путь в этом вопросе – вести картотеку. Он посоветовал мне прочитать книгу Хорста Клиемана «Инструменты работников умственного труда». Я последовал совету, и вскоре это уже была настольная книга в моей работе.

В нашей гимназии имелся также Клуб красноречия, в котором нас учили читать доклады после пятнадцатиминутной подготовки. Темы для докладов выбирались довольно остроумные, например, на основе эстонских пословиц: «Мужчин не считают, а взвешивают...» и др. Каждый ученик должен был хотя бы один раз выступить пред всей школой, иначе его могли не допустить до выпускных экзаменов. Также нас учили вести собрания и протоколировать их.

Господин Кийсель любил повторять: «Умный человек – это не тот, кто много знает, а тот, кто помнит, где нужно искать».

Запоминающимся был последний школьный день. Наступил момент, когда мы в последний раз именовались

гимназистами. Впереди нас ждало неизвестное будущее. Это был май 1941 года... Наш дорогой учитель Отто Йоханн Кийсель поднялся на кафедру. Мы все ожидали от него большой речи, а он загадочно произнёс всего одно слово: «Спрашивайте!..»

День независимости 1941 года

Коммунисты чувствовали себя полными хозяевами в Эстонии и с первых же дней своего правления показали свою сущность. Президент нашей республики Константин Пятс и главнокомандующий Йоханн Лайдонер вместе с семьями отправились в далёкую ссылку. В декабре арестовали моего дядю Яана Поска, единственной виной которого было то, что он являлся сыном нашего первого министра иностранных дел. Яана вскоре расстреляли в России. Его жена стала вдовой с маленьким сыном на руках. Вскоре гроза настигла и нашу семью.

Когда-то Эдуард Лааман написал труд под названием «Рождение независимости Эстонии». В нём история страны показывалась без прикрас, со всеми страшными делами, совершёнными коммунистами. Этого советская власть ему и не простила.

Когда в Таллине произошёл т. н. Июньский переворот, посольство Эстонии в Москве, в переулке Собинова, ликвидировали (хотя представительство Эстонии существует там по сей день и даже занимает большую площадь, чем прежде). Никого из сотрудников посольства в Москве тогда не арестовали, отправив их домой.

Посол Рей с супругой Терезой должны были вернуться в Эстонию с посольским архивом. Его аккуратно запаковали,

отвезли в аэропорт, где выяснилось, что архив весит больше, чем самолёт может принять на борт. Чтобы спасти документы, удалось уговорить двух пассажиров, летевших до Великих Лук, покинуть этот самолёт. Аугусту и Терезе Рей теперь можно было лететь вместе с архивом. В дверях рижского аэропорта их уже ожидали сотрудники НКВД, но Рей не собирался к ним выходить. Ему удалось вылететь вместе с архивом одним из последних рейсов из Риги в Стокгольм.

Лааман же вернулся в Таллин и начал работать в местном кооперативе потребителей. А 24 февраля 1941 года его арестовали на рабочем месте. Чекисты словно специально выбрали этот день: автор книги «Рождение независимости Эстонии» был арестован в День независимости. Хотя официально этот день в стране тогда уже не праздновался.

Трое сотрудников НКВД пришли обыскивать наш дом. Они трудились полдня и унесли с собой несколько чемоданов и старую печатную машинку «Underwood», приобретённую ещё в царские времена. В обвинительный материал каким-то образом среди вещественных доказательств попало собрание сочинений Эдгара По на английском языке в кожаном переплёте.

Мама во время обыска держалась мужественно. Но когда непрошенные гости собрались уходить и велели приготовить для арестованного туалетные принадлежности, она заплакала, и слёзы капали на собранные вещи, которые она подала любимому мужу. В последующие дни мама пыталась найти возможность передать Эдуарду зимнее пальто, но ей всюду указывали на дверь. Спасибо и на том, что её саму не тронули.

В разорённом доме остались плачущая жена, пожилая мать и маленькие дочери, семилетняя Илла и четырёхлетняя Силла.

Когда трое чекистов ушли с чемоданами в руках, я со слезами на глазах побежал через весь город к человеку,

чьё доброе сердце было готово разделить со мной эту беду, к своему классному руководителю Отто Кийселю.

Бог начинает говорить

Во время учёбы в коммерческой гимназии Бог говорил со мной дважды. В первый раз это было приглашение, которое мне прислал преподаватель теологии во Французском лицее, священник Николай Пятс, брат нашего президента Константина Пятса. Поскольку православных в школе было мало, может быть, только десятая часть всех учащихся, то для них проводились объединённые уроки. Поэтому мы иногда сидели за одной партой с Георгом Отсом, хотя он был на три класса старше меня.

Как большим, так и малым своим ученикам священник Пятс с величайшим терпением преподавал начальные библейские знания. Занятия проходили раз в неделю, один час перед началом основных уроков. Священник был сама доброта, и, глядя на него, было легко поверить в милостивого Бога. И вот этот добрый священник прислал мне приглашение из другой школы на православную конфирмацию. Вероятно, она была устроена подобно лютеранскому образцу. Хотя меня это совсем не интересовало, из уважения к священнику Пятсу я откликнулся на приглашение.

Готовясь к таинству миропомазания, я обнаружил, что из всего Символа веры могу повторить только первое предложение: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого...» В назначенный день я пришёл к своему священнику и признался ему, что не имею веры в Божьего Сына и Святого Духа. Однако я всё равно прошёл конфирмацию

на основании произнесённых мною начальных слов из Символа веры. Так в Вербное воскресенье 1940 года я присоединился к христианской церкви без веры в Христа.

Во второй раз Бог ко мне проговорил более громко. Осенью 1940 года все школы Эстонии начали учебный год уже по советской программе. Это привнесло в нашу жизнь нечто новое, в частности, у каждого учебного заведения теперь должна была появиться своя «побратимая» школа. Обсудив этот вопрос, мальчишки нашей школы единогласно решили, что мы выбираем в друзья Таллинскую женскую коммерческую школу. Меня отправили вести переговоры. Когда я предъявил свои полномочия директору женской школы, она пригласила в свой кабинет председателя совета учащихся. Вошла девушка, которая показалась мне знакомой. Я пытался вспомнить, где я её раньше видел, но не смог.

День моей конфирмации в Кафедральном соборе
Александра Невского в марте 1940 года.

Справа сидит брат президента, Николай Пятс

Её звали Сильвия Тюрнер. Мы с ней официально оформили дружественные отношения между нашими школами и договорились о первом совместном мероприятии. Таковым должен был стать Грузинский вечер. Это объяснялось следующим. Во-первых, Грузия являлась родиной «отца всех народов» и «лучшего друга детей». Во-вторых, наш классный руководитель Отто Кийсель около десяти лет в царское время проработал школьным инспектором в Грузии, поэтому у нас фактически один хороший докладчик уже имелся. И вот Грузинский вечер наступил. Мы пели «Сулико», затем пришло время для танцев. Я посчитал своей обязанностью пригласить на вальс председателя совета учащихся. Я поклонился Сильвии и подал ей руку, но она ответила, что не танцует. Тогда я поклонился её соседке, старосте класса, но и она не согласилась. Как оказалось, обе девушки – христианки. И тут до меня начало доходить, где я раньше видел Сильвию.

В Таллине есть здание, вокруг дверного молотка которого написано: «Боже, благослови этот дом и тех, кто входит сюда и выходит». Это здание Большой Гильдии, или биржи, на улице Пикк. Весной 1939 года там проходил конкурс на лучшего оратора среди таллинских школьников. Ничего не зная о смысле благословляющей надписи на дверях, я присутствовал на конкурсе в качестве слушателя. Среди прочих ораторов перед нами выступала одна девушка, тема доклада которой звучала так: «В чём заключается счастье?»

Она начала своё выступление очень интересно, показав существующие в обществе обыденные представления о счастье, и тут же разрушила их, как карточные домики. У публики это вызвало лёгкое недоумение и беспокойство. И вдруг в середине доклада эта девушка прямо высказала своё жизненное кредо: «Счастье – в Боге!» Такой поворот дела многих удивил. Некоторые слушатели, особенно мальчишки, засмеялись. И я тогда не верил в то, о чём

Грузинский вечер 12.02.1941. Я в первом ряду
четвёртый справа, слева от меня сидит Сильвия Тюрнер,
справа – Вероника Сальм

говорила докладчица, но почувствовал силу её внутреннего убеждения. Мне было стыдно за тех, кто причинил ей боль своим громким смехом, и я испытывал к ней искреннюю симпатию. Девушка, слегка смутившись от реакции аудитории, всё же смело продолжила свою речь и в итоге завоевала на конкурсе медаль.

А уже в советских условиях Сильвия осмелилась возражать выступавшей в их школе небезызвестной Ольге Лауристин¹ – да так, что поставила её своими вопросами в тупик. После этого события Сильвию избрали главой школьного совета. Приблизительно девятьсот голосов были отданы за неё, а против – только семь! После Грузинского вечера мы с ней хорошо подружились, а вторая девушка, её подруга Вероника, стала для меня самым близким человеком на земле. Но это я уже забегаю вперёд...

---

¹ Эстонская революционерка, советский партийный и государственный деятель.

His Master's Voice¹

Я очень благодарен своей маме за то, что она разрешала мне проводить воскресенья с отцом. Эту возможность я использовал, как только позволяли обстоятельства. Моя мама сохранила доброе отношение к отцу и всегда говорила о нём только хорошее. Лишь об одном случае она вспоминала, покачивая головой и повторяя: «Нужно уметь держать слово!» Это история о том, как она однажды отправила папу в магазин за мясом, а он вернулся, если я не ошибаюсь, только через три дня и с пустыми руками.

Когда мама рассказывала об Александре, чувствовалось: несмотря ни на что, она любила его и дорожила воспоминаниями об их прежних отношениях. В особенности о тех днях, когда они путешествовали по Европе и задержались на какое-то время сначала в Италии, а потом в Швеции. Плодом того путешествия и стал я.

Отец был для меня очень дорог, поэтому я всегда с нетерпением ждал воскресенья. Иногда нам удавалось провести вместе целый день. Мы о многом говорили, посещали театр (у него был туда свободный вход). И когда мы сидели в зале, я видел, как папа рядом со мной вживается в роли больше, чем сами актёры на сцене.

Отец мне рассказывал о своей жизни. Его падение было серьёзным. Его притягивал не только алкоголь, но и наркотики. Рассказ об этом стал его своеобразной исповедью. Я благодарен отцу за его откровенность.

Однажды в его жизни появилась Марта. Ей нужно отдать должное, она помогла отцу выбраться из этого болота.

---

¹ «Голос его хозяина» (англ.) – британская торговая марка, на которой изображена собака, слушающая граммофон.

Я не встречал в своей жизни больше ни одной женщины с таким сильным характером. Александр Ардер снова встал на ноги во многом благодаря именно Марте. Хотя его карьера оперного певца уже завершилась, теперь он успешно преподавал, у него появилось немало учеников.

На протяжении всех тридцатых годов Марта была очень мила со мной. Она гостеприимно накрывала нам стол и стала для меня настолько

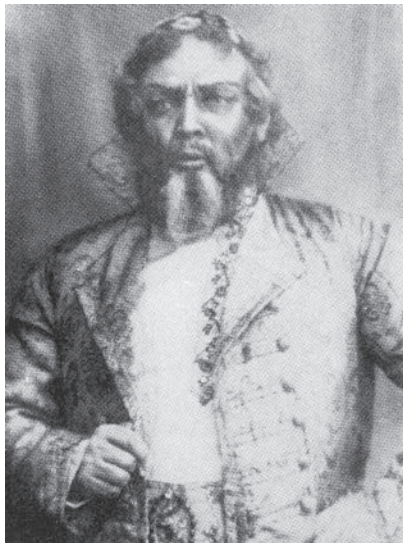
близким человеком, насколько может быть мачеха. Одно лето мы провели вместе в Виймси, от этой поездки у меня остались самые лучшие воспоминания. Своих детей у них с Александром не было. Марта дважды рожала, но младенцы умерли, едва прожив несколько дней.

Однажды отец пообещал мне выслать свои пластинки. Он даже назвал конкретный день, когда это сделает. В то время у меня ещё было мало пластинок и даже не имелось граммофона.

В обещанный день я сходил в магазин «Эстомузуика» и купил новые иголки для граммофона, их было 25 штук в жестяной коробочке, если не ошибаюсь. Взяв на время у своей тётки граммофон, я завёл его, вставил хорошую иголку и стал ждать обещанные мне пластинки. Просидев так до десяти часов вечера, я должен был уже отправиться спать. У меня из глаз текли слёзы – папа не сдержал своего слова! И вдруг где-то в половине одиннадцатого

Мой отец
Александр Ардер

Александр Ардер в своей лучшей роли Бориса Годунова в одноимённой опере Мусоргского

в дверь позвонили. К нам вошёл, извиняясь, ученик моего отца, который сказал, что был очень занят и не смог прийти вовремя, а мой папа велел ему принести пластинки именно сегодня.

Так отец выполнил своё обещание. Мама разрешила мне в этот день лечь поздно. Я прослушал все пластинки. Они были старыми, по 4–5 минут записи. Знакомый голос отца звучал из граммофона, он пел польки и другие песни. Пластинки были выпущены звукозаписывающими фирмами His Masters's Voice, Bellakord и Odeon.

Как по техническим причинам, так и из коммерческих соображений на этих пластинках присутствовала самая простая часть из репертуара моего отца, а-ля «Купи мне с ярмарки поджаристую булочку...» Но, к счастью, там были романсы «На лесной дороге» А. Капа и «Два гренадёра» Р. Шумана.

Продажа пластинок была успешной, так что на полученный гонорар отец мог позволить себе кое-что купить. И он приобрёл молотильную машину для моего деда. Тот был уже пожилым, проживал на хуторе Вяйке-Ляхтру, так что о технике должен был заботиться младший брат отца Виктор. Но он, сколько я его знаю, был человеком небрежным, и вскоре наша молотилка превратилась в груды металлолома.

Когда я учился в девятом классе Французского лицея, мы решили поставить оперетту «Откупщик и Сапожник»

(Le Savetier et le Financier), в которой роль богача была доверена мне. Сапожника играл мой друг Эндель Саарманн, будущий профессор Стокгольмского университета. Наше самодеятельное выступление разрешили показать в концертном зале «Эстония», и оно прошло при полном зале. Перед таким ответственным выступлением я два раза ходил к своему отцу на уроки пения. Он с удовольствием обучал меня, приговаривая при этом: «Театр – это горький хлеб».

Дикция у моего отца была исключительной. Он совершенствовал её в Швеции у Карла Нюгрена. Это стало одной из ярких черт его таланта. Отец не только прекрасно владел голосом, но и имел великолепные актёрские данные. Мне рассказывали, что на одном выступлении в Швеции ему нужно было произнести фразу: «Кто идёт?» Папа сказал её так естественно, что весь зал обернулся, чтобы посмотреть, кто же там идёт!

Мне посчастливилось присутствовать ещё на одном триумфе в жизни отца. В 1938 году он отправил своего ученика Тийта (Дитриха) Куусика в Вену на конкурс певцов. Я был рядом с отцом, когда пришла телеграмма из Вены с сообщением о том, что Тийт получил там первое место. Это был чудесный момент! Оба – и ученик, и учитель – заслужили эту награду. Я знаю, что Тийт начинал обучение вокалу много раз, но все преподаватели отказывались от него, говоря, что в голосе юноши есть некая дрожь, которая никогда не позволит ему стать настоящим певцом. Тийту советовали дуть в трубу или играть на контрабасе, но певца, говорили они, из него не получится. Юноша жил в Пярну и приезжал к нам в поисках Александра Ардера шесть раз. На седьмой раз им всё-таки удалось встретиться. Услышав голос Тийта, папа сказал: «Посмотрим!» Вряд ли кто-то ещё из учеников отца трудился с таким усердием и желанием, как Куусик. И вот пришло заслуженное признание.

В то время у нас с отцом возникли серьёзные политические разногласия. В обсуждении итало-абиссинской войны он был на стороне армии Муссолини. Для маэстро итальянской школы, впрочем, это было простиительно.

Со сменой власти в сороковом году в нашей стране поменялась и позиция Марты. Определённая «революционность» и до этого присутствовала в их семье. Когда началась война между СССР и Германией в 1941 году, Марта отдыхала на юге своей большой родины, в санатории в Крыму. Александр, ветеран Первой мировой войны, беспокоился, что война затянется надолго, а Марта поехала на отдых без зимней одежды. Поэтому он решил сам ехать за женой вместе с её зимними вещами.

Помню, как мы на минутку встретились с папой на площади Свободы перед церковью Яани. Тогда было лето и уже шла война.

Из огня да в полымя

По всей Эстонии 14 июня 1941 года прошла волна депортации. Высылке подлежали тысячи лучших людей. Среди них был и мой двоюродный брат Артеми Ваппера из Сааремаа, единственная вина которого заключалась в том, что он служил священником. Сведений о его смерти у нас нет до сих пор.

Наша семья тоже жила в ожидании депортации. Все вещи были упакованы. Помню две книги, которые я хотел взять с собой в Россию: «Басни» Лафонтена и «Орфографический словарь эстонского языка» Эльмара Мууги. По неизвестным причинам депортация нас не коснулась.

В памяти осталось одно трогательное воспоминание из тех дней. Я случайно встретил Хейно Тиймуса, своего одноклассника из коммерческой гимназии. Он был уверен, что меня вместе с семьёй скоро увезут. Сам он был истинный пролетарий, жил в подвалах, где придётся. И вот Хейно неожиданно вытащил из кармана кошелек и отдал мне все свои деньги со словами: «Тебе они там пригодятся!»

Через неделю после массовой депортации началась война. Я отвёз свою семью – маму, Силлу и Иллу – в Вызу, а сам должен был вернуться в Таллин, так как попадал под призыв. Я уже запрыгнул в автобус, идущий в столицу, и тут вдруг подбежала молодая женщина и сказала, что ей необходимо уехать в Таллин, так как у неё там маленькие дети. Я уступил ей своё место и остался в Вызу. Это был последний в тот день автобус в Таллин.

На следующий день объявили приказ: всем трудоспособным людям явиться для оборонительных работ в Вирусском уезде. Прощаясь с мамой, я ей сказал: «Ты самый дорогой для меня человек на свете!» Я всегда думал так, но никогда раньше не говорил ей об этом.

И вот я в составе группы примерно из полсотни человек шёл пешком по Вирумаа¹. Никогда Эстония не казалась мне такой прекрасной, как во время этого похода. Нигде я не видел столько цветов, как на этом пути.

Наконец мы пришли на берег Финского залива в Маху, где начали копать противотанковые рвы. Мы находились там неделю, питание организовано не было, поэтому было решено съездить за провизией. Когда мы утром приехали в Вызу, нас изрядно удивили откуда-то взявшиеся там немцы. Из сталинского режима мы попали под власть Гитлера. К чему это приведёт, мы узнали со временем.

---

¹ Историческая область на северо-востоке Эстонии.

Поворот в жизни Паулины Плинкманн

В доме в Кадриорге у нас была домработница Паулина Плинкманн. Я не помню точно, когда мы собирали с ней чемодан (либо в начале декабря 1939 года, перед отъездом Лаамана в Москву в качестве пресс-атташе при Эстонском посольстве, либо немного позднее, когда мама ездила к нему), помню только, что это было в тот период. И вот мы попросили Паулину, занимавшуюся упаковкой вещей, положить в чемодан макароны «Пухка». На что она эмоционально ответила: «Зачем из Эстонии тащить наши макароны в Россию, когда там есть саратовская белая мука?!» Почему-то Паулина была уверена, что в России всё намного лучше и богаче, чем у нас.

Но когда эта «саратовская белая мука» вскоре пришла на нашу землю, Паулину постиг тяжёлый удар: её единственного, милого, славного, высокого и стройного сына арестовали, и по сей день о нём нет никаких вестей.

Поэтому неудивительно, что, когда в августе 1941 года немецкие войска вошли в Таллин, из нашего дома их никто не приветствовал, в дверях стояла лишь Паулина Плинкманн, отирала слёзы и кричала: «Sie kommen! Sie kommen!»¹

---

¹ Они идут! Они идут! (нем.)

Передышка

Я вернулся в Таллин в поисках работы и зашёл в свою бывшую школу. Наш любимый библиотекарь Вальтер Мяги был мобилизован в Красную Армию, и теперь его место предложили мне.

Вальтер поддерживал порядок в библиотеке с особым усердием и любовью. Около 14 000 книг были расставлены в идеальном порядке. Вскоре я нашёл себе ещё одно место работы – в библиотеке своей второй школы. Таким образом, днём я работал в Коммерческой гимназии, а по вечерам – во Французском лицее. Зарплаты были маленькими, а мне нужно было кормить пять человек.

Поварихи в гимназии заботились обо мне, и я мог есть суп, оставшийся в кастрюле после обеда.

Как хорошо было находиться в укрытии за книжными полками в грозное военное время и знакомиться с сокровищами двух библиотек! Тогда я лучше понял слова известного гуманиста Эндрю Карнеги: «Если бы я мог начать жизнь заново, то стал бы библиотекарем».

Осенью 1942 года у меня появилась возможность поступить на экономический факультет Тартуского университета. Я это связывал с осуществлением своих старых планов. Первым учебным занятием в университете стала лекция по экономике предприятия, прочитанная профессором Поомом. Я часто посещал университетскую библиотеку и сблизился с Рудольфом Ялакасом, ассистентом Поома, который когда-то учился со мной в одной школе и был на год старше меня.

Однако весной 1943 года разразился гром. Гитлер объявил принудительную мобилизацию в странах Балтии,

хотя, согласно международным конвенциям, на оккупированных территориях это делать запрещалось. Учёбу пришлось прервать, начинался совершенно новый этап в моей жизни.

На хуторе

Весна в Эстонии была в самом разгаре. Природа пробудилась, всё вокруг радовало глаз, когда в мае 1943 года я направился на сборный пункт немецкой армии в Кохила. Через десять дней мне удалось оттуда сбежать, и я пошёл через леса и болота в Ляэнемаа в Вяйке-Ляхтру, на хутор своего отца. Там дорогая Вера, моя родная тётя, рискуя жизнью, приняла меня и ещё двух беглецов под свою опеку.

Даже в это тревожное время были свои забавные моменты. Однажды мне нужно было помочь тёте заготовить сено. Чтобы не привлекать ничьё внимание, меня переодели в девушку: на голову повязали платок, дали длинную юбку и даже надели лифчик, наполненный мелким тряпьём. Чтобы голос меня не выдавал, я должен был изображать Клотильду, нашу дальнюю родственницу, которая была немного не в себе. Честно говоря, из меня получилась довольно симпатичная девушка.

Когда фашисты начали искать по хуторам дезертиров, тётя нас спрятала в потаённое место в свинарнике. Между мной и довольно крупной свиньёй была перегородка из разного хлама. Как глубоко вздыхала эта свинья в ночной тишине! И мне думалось, что нам с ней нет причины завидовать друг другу.

В начале осени, когда ночи стали уже тёмными, я получил известие о том, что мама подготовила для меня побег в Финляндию.

На пути в Финляндию

Тётя Вера по случаю нашего отъезда напекла блинов. Я завернул один блин в бумагу и пообещал всем съесть его в Хельсинки.

Перед тем как отправиться в путь, я преклонил колени на могиле своего дедушки Карпа Ардера на кладбище Вяйке-Ляхтру. Затем Лийзи, жена моего дяди, отвезла меня на станцию Паливере. Лийзи была Божьим человеком в нашей большой семье. Много раз она приезжала в Таллин, чтобы посетить церковь и подарить мне брошюры духовного содержания. А я их, по неразумию своему, складывал тогда, не читая, в ящик стола.

Всю дорогу до Паливере Лийзи пела для меня христианские гимны.

В Таллин я приехал на поезде. Мама где-то раздобыла для меня паспорт на имя некоего Феликса-Вольдемара Метса. Согласно этому документу, я был 1912 года рождения, то есть на десять лет старше. Для более безопасного передвижения по Таллину мама наняла извозчика. По пути мы случайно увидели перебегавшую через дорогу Веронику, которая спешила по своим делам. Мама позвала её к нам в коляску, чтобы подвести, и мы вместе прокатились через весь Таллин до автовокзала. Чтобы меня в городе никто не узнал, я надел тёмные очки и держал в зубах сигарету (сам я никогда не курил).

С большим рюкзаком в руках я уселся в автобус до Локсы. В дорогу мама собрала мне одежду, предметы первой необходимости, а также положила в рюкзак бабушкин набор больших серебряных ложек. Мама хотела, чтобы я отыскал брата своей бабушки, её двоюродного дядю

в Швеции. В автобусе я рассмотрел своих попутчиков. Одним из них был мой дядя Юри Поска. Он тоже учился в Тартуском университете. Среди наших попутчиков был также немецкий унтер-офицер погранохраны, который смотрел на нас долгим пристальным взглядом. Мы с Юри вышли из автобуса, не доезжая Локсы. Затем нашли нужный хутор, где нас уже поджидал проводник с велосипедами. Дождавшись сумерек, мы двинулись в сторону залива. По дороге наткнулись на посты «Омакайтсе»¹. Нас хотели остановить, но проводник просвистел им, и мы прошли без проверки. Находясь уже недалеко от берега, мы услышали сзади шум приближающейся повозки. Мы не придали этому значения, подумав, что едет какой-то крестьянин. Однако, когда повозка поравнялась с нами, в ней оказались немцы. Их командир поднял руку и крикнул: «Halt!»² Двое солдат направили на нас оружейные дула, и нам пришлось остановиться.

Офицер потребовал наши документы. Мы их подали. Он спросил, зачем мы направляемся к заливу. Мой попутчик сказал, что за рыбой. Немец приказал нам открыть рюкзаки и высыпать на землю их содержимое. И нам пришлось вытряхивать из своих мешков и зимнюю одежду, и бабушкины серебряные ложки, и шведские кроны.

Нас тут же арестовали и отвезли на заставу. Там среди солдат оказались и эстонцы. Кто-то из них был даже одноклассником одного из арестованных... В управлении в Локсе нас приняли, можно сказать, с радостью. Особенно радовался тот самый унтер-офицер, который с большим вниманием смотрел на нас ещё в автобусе. Согласно имевшимся у меня с собой документам, я был простым слесарем, поэтому я счёл за лучшее не показывать, что знаю немецкий язык.

---

¹ Эстонская революционерка, советский партийный и государственный деятель.

² Стой! (нем.)

Меня равнодушно повели на второй этаж, но я успел услышать, как немцы угрожающе кричали на других арестантов. И тогда мне подумалось, что неучам, пожалуй, легче жить на белом свете.

Местом нашего временного содержания стало помещение, на стенах которого висели медные пожарные каски времён независимой Эстонии. Одному из охранников-земляков я дал серебряную ложку и попросил сообщить маме о моём аресте. Этот добрый человек согласился мне помочь, но и от ложки не отказался.

Проснувшись утром вместе с другими арестантами, я с грустью вспомнил о том, что наш тщательно спланированный побег из страны оказался, мягко говоря, неудачным. Дядя Юри Поска, который был старше меня на четыре года, желая ободрить племянника, достал из кармана Новый Завет и сказал, чтобы я выбрал пальцем наугад себе один стих. Так мне попалось место Писания, из которого я, по правде говоря, тогда ничего не понял: «И один сильный ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: „С такой силой повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его“» (Откр. 18:21). И, хотя я не понял, о чём тут речь, прочёл следующий стих: «И голоса играющих на гуслях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет...» Я подумал, что время игры на трубе для меня уже точно прошло, это факт. Я переписал этот библейский текст себе на листочек и положил его в кошелёк.

Между тем тучи продолжали сгущаться. Из Таллина приехали два офицера СД, довольно молодые, с румянцем на щеках, сытые и хорошо одетые. Арестантов по одному водили к ним на допрос. Поскольку нашему проводнику удалось сбежать от немцев, я до сих пор не могу отделаться от мысли, что, возможно, он предал нас и умышленно заманил в западню. Но я, конечно, могу ошибаться.

На допросе я попросил помощи переводчика. Это усложняло дело, и офицеры вскоре устали и отправили меня обратно наверх. Другим арестантам пришлось хуже. Наконец сотрудники СД затолкнули нас в машину и повезли в сторону Таллина. Когда мы свернули на Мере пуйестеэ¹, стало ясно, где наш путь закончится.

В центральной тюрьме нас передали эстонским охранникам, перед этим отняв у одного из арестантов кусок масла весом в пару килограммов. Эстонцы тоже нас обыскали, недовольно ругаясь, но всё же никакие вещи у нас не забрали, а сдали их все на склад. Туда же отправились и ложки моей бабушки.

Затем нас провели через множество тюремных дверей и оставили в 5-й секции, где каждого внесли в список заключённых. Мне пришлось срочно придумать себе отчество, так как его не было в моём паспорте. Первое имя, которое мне пришло в голову, было Йоханнес.

Я заключённый

Металлическая дверь за мной захлопнулась. Я остался в полной темноте. Слышалось недовольное бормотание разбуженных мужчин. Они что-то спрашивали и злились друг на друга. Я пошёл на ощупь, но тут же наткнулся на какое-то препятствие. Остановился. Мне сразу несколько голосов стали объяснять, куда двигаться дальше. Я их не мог понять и поэтому продолжал стоять на месте. И тут в темноте ко мне протянулась чья-то сильная рука. Я не знал, поможет ли она мне, но доверился ей. И эта рука провела меня по камере и усадила на свободные нары. Невидимый мне человек тихо спросил, за что меня арестовали

¹ Морской проспект (эст.).

и далеко ли фронт. Потом все голоса в камере смолкли, время уже было позднее.

Я лёг на нары, но долго не мог уснуть. Мысли сменяли одна другую. Вспомнилось детство, милые сердцу люди, юношеские надежды на будущее. И вот новая реальность: я в тюрьме... Подо мной что-то жёсткое и на ощупь грубая ткань. Однако вскоре всё это перестало меня беспокоить, и я погрузился в свой первый тюремный сон.

Утром по голосу я узнал человека, который мне помог ночью. Мы с ним познакомились. Его фамилия была Пийрсалу, до ареста он работал извозчиком. Срок получил за коммунистическую литературу. Её приказали отвезти и уничтожить. Однако Пийрсалу, то ли по глупости, то ли из идейных соображений, разрешил каким-то людям разобрать эту литературу по домам. Конечно, извозчику так было легче избавиться от своей поклажи, однако вскоре дело открылось, и его посадили.

Пийрсалу стал моим первым приятелем в этом мрачном месте. Его руку, протянувшуюся ко мне в темноте, можно было бы назвать символом всего моего пребывания в тюрьме. Многие из наших заключённых, наверное, никогда бы на воле не встретились, но здесь их руки чудесным образом протянулись друг к другу.

Камера № 42

При свете дня появилась возможность лучше осмотреть свою резиденцию. Это была камера приблизительно двенадцать шагов в длину и три в ширину. В одном конце – дверь с глазком (через него охранники заглядывают в камеру). В другом конце – окно, которое выходит на Таллинский залив, но вид портит двойная железная

решётка. Толщина стены, вероятно, около метра. К ней прикреплены тринадцать подвесных нар, которые в дневное время поднимаются вверх. Первые нары от дверей и преградили мне проход ночью. У противоположной стены стояли два небольших стола, сколоченные из досок. Под ними находились шкафчики для съестных продуктов. Рядом со столами – скамейки. В углу у дверей ещё находилась кадка (парапаша), необходимость которой осознаётся каждым арестантом очень скоро. Больше в нашей камере ничего не было.

Обитателями этого помещения оказались тринадцать человек, что являлось нормой. Места, к счастью, хватало всем. Мои сокамерники оказались очень не похожими друг на друга. Среди них были люди упитанные и истощённые, хорошо одетые и просто по-нищенски. Большинство составляли эстонцы, а приблизительно треть – русские из Печор.

Каких убеждений придерживались эти люди, сразу не разберёшь. Как выяснилось позднее, взгляды заключённых были столь же разнообразны, как и их внешний вид.

Подходило время утреннего обхода. Он начинался стуком ключей по двери камеры. Все арестанты выстраивались в два ряда. Входили охранники и нас пересчитывали. Один из них держал в руках дубинку, которой стучал по оконной решётке, проверяя её целостность и надёжность. Эта процедура была ежедневной.

В первый день моего заключения староста камеры, бородатый мужчина, поздравил меня к себе и внёс моё имя в список заключённых. Я получил местный порядковый номер – тринадцать. Пользуясь случаем, я пробежал глазами весь список заключённых, сидевших в последнее время в нашей камере, и обнаружил в нём знакомое имя. Здесь до меня побывал Алексеев, мой учитель русского языка в коммерческой гимназии, священник церкви Сиймона, впоследствии преосвященный Иоанн, епископ

Таллинский и Эстонский. Как оказалось, он тайно при-
чащал русских военнопленных. Такого, конечно, не могли
стерпеть те, кто думал, что «Бог с ними»¹.

К списку заключённых нашей тюрьмы 4 сентября
1943 года добавилось ещё одно имя: Феликс-Вольдемар
Йоханнесович Метс.

Метс волнуется

Метс... Метс... Только этого мне не хватало. Я в тюрь-
ме под чужим именем, а ведь паспорт, с которым меня
арестовали, был настоящим. Феликс-Вольдемар Метс –
реальный человек, живущий в Таллине и, вероятно, ни
о чём не подозревающий. Как спасти его от грозящей
опасности? Мне нужно было всё хорошо обдумать, так
как, возможно, скоро придётся отвечать на трудные во-
просы.

В чём меня могут обвинить? Во-первых, в уклонении
от мобилизации в армию. Особенно скверно то, что я сбе-
жал уже после выдачи мне обмундирования. Это может
рассматриваться как дезертирство. Правда, всю свою во-
енную форму, вплоть до носков, я отправил обратно на
сборный пункт по почте, так что, по крайней мере, в краже
государственного имущества меня не обвинят.

Несомненно, возникнет вопрос, где я находился с мая
по сентябрь? А я был тогда на хуторе родного отца в Ляэ-
немаа. Да, отец! Он у меня коммунист, поддерживающий
СССР всем сердцем и душой. Его подпись стоит на одной
из найденных немцами советских листовок. Меня однаж-
ды уже по этому поводу допрашивали.

---

¹ Аллюзия на слова Gott mit uns (с нами Бог), девиз на гербе Германской империи. Эти слова были написаны на пряжках ремней немецких солдат.

Возможно, также сохранился донос, обвиняющий меня в подаче сигналов советским самолётам. Это, конечно, было абсурдом, но комичное стечение обстоятельств в данном случае могло мне дорого обойтись. А дело было так...

Однажды я задержался допоздна в библиотеке лицея. Около полуночи двое эстонцев, сотрудников СД, проходя по улице Сакала, заметили, что в окне одного из классов на верхнем этаже мелькает свет. У них возникло подозрение: сигналият русским! Сотрудники СД разбудили спящую в сторожке дежурную и пошли вместе с ней наверх. Выяснилось, что в классе кто-то забыл выключить свет, а край плотной шторы, закрывавшей окно, оторвался. Сквозняк шевелил этот кусок ткани, и таким образом возникал эффект передачи световых сигналов. Ничего не зная об этой ситуации, я со своей пишущей машинкой сидел в канцелярии, где было теплее, чем в других помещениях. Закончив работу, я пошёл с машинкой в руках обратно к себе в библиотеку. В это самое время по лестнице спускались сотрудники СД и наша дежурная Анна Трейманн с испуганным лицом. Там мы и столкнулись друг с другом. Сотрудники СД мною заинтересовались. Они были в штатском, но показали свои служебные удостоверения. И начались расспросы: как зовут, кем работаю, почему в позднее время один в школе, что печатал на машинке, не сигнализировал ли кому-то наверху... Наша добрая дежурная пыталась меня защитить. Ночные гости сказали, что разберутся со мной на следующий день. К счастью, они меня не арестовали и вскоре ушли. Я той же ночью вынужденно побеспокоил директора школы и попросил его помочь мне. Он пообещал дать мне хорошую характеристику и, по-видимому, сдержал слово, так как меня никуда не вызывали. Но что будет, если все эти события теперь кто-то объединит и посмотрит между ними связь?

От меня явно потребуют назвать имена людей, кто меня укрывал и кормил. Я мысленно решил сказать на

допросе, что прятался в нескольких местах и не хочу выдавать людей, которые мне помогли.

Мой паспорт – это самая острая проблема, так как она касается двух добрых и невиновных людей. Я представил себе драму в семье Метс, если всё откроется, какой там может быть семейный конфликт. Может быть, их дом уже обыскивают и хозяев арестовали? Я понимал, что другого выхода нет, как признаться, что документы я получил от мамы. Я слышал, что родителей обычно не наказывают за укрытие своих детей и помощь им. Мне это казалось единственной возможностью как-то оправдать нас всех. Так я внутренне подготовился к предстоящему допросу.

Размышляя над этим, я стоял перед окном с решёткой. Моя рука случайно скользнула по заднему карману. Там что-то было. Я недоумённо сунул руку в карман и достал оттуда... засохший блин. Отламывая небольшие кусочки, я его с грустью жевал, глядя на воды Таллинского залива...

Допросы

Когда меня позвали на первый допрос, я в раздумье ходил по камере. Тюремщик, заглянув к нам, крикнул: «Метс, на выход!» Но я прошёл мимо него, никак не отреагировав, поскольку ещё не привык к своему новому имени. Другие арестанты меня толкнули: «Метс, иди!» Только тогда я понял, в чём дело. Начинался путь в неизведанное.

Следователь начал с того, что он, дескать, знает, кто я – сбежавший из лагеря Костивере заключённый по имени Метсала (или что-то подобное). Я ему ответил, что я не Метсала и даже не Метс. Он записал моё настоящее имя, и на этом первый допрос закончился.

Вскоре меня снова вызвали. Теперь у следователя был вопрос, откуда у меня паспорт на имя Метса. Я спросил у него, наказывают ли родителей за то, что они помогают скрывать своих детей? Следователь дал мне честное слово, что с моей мамой ничего плохого не случится, если выяснится, что она мне в чём-то помогла. И тогда я написал письменное признание, что получил паспорт на имя Метса от мамы.

Другую проблему решить было проще. Я очень боялся вопросов об отце, но о нём меня никто даже не спросил. Вместе с тем позднее мне показали признание мамы, в котором она назвала место, где я прятался. Как от мамы этого добились, я не знаю. Сердце наполнилось тревогой за родных людей.

На одном из последних допросов меня ждал сюрприз: в кабинете следователя, одетая в зелёный костюм, присутствовала моя мама. Она держалась молодцом и улыбалась. У нас была возможность обменяться с ней парой фраз в присутствии следователя. Я был очень рад тому, что хотя бы при таких обстоятельствах увидел маму.

Ещё на один допрос меня возили в здание СД, находившееся рядом с церковью Каарли. Из окна автомобиля было так странно видеть, что жизнь в городе идёт своим чередом.

И вот допросы закончились, меня, как настоящего преступника, сфотографировали анфас и в профиль. Теперь начинался новый этап в жизни и появились другие проблемы.

Проблема питания

Одним из главных вопросов в жизни заключённых является пища. Первые порции супа я отдавал другим.

Желающих взять добавку хватало. С головами трески, которые нам давали на ужин, я тоже не знал, что делать. Единственным съедобным продуктом был хлеб, 285 граммов в день на человека. Супа можно было получить около литра. Однако эта серая жидкость, иногда с добавлением муки, изредка с кусочком конины, не вызывала аппетита. Впрочем, бывал и картофельный суп. Однажды мне повезло получить его настолько густым, что ложка в нём стояла. Это было как раз в мой день рождения. В честь праздника я в очереди за супом стоял первым. Густота супа, надо заметить, явно зависит от места в очереди: чем ближе к концу твоё место, тем жиже достаётся суп. Всё дело здесь в перемешивании содержимого кастрюли. Когда повар начинает раздавать суп у дверей, он сначала взбалтывает его своим половником. При этом самая гуща попадает первым счастливым. Наш повар – человек суровый, и беда тем арестантам или даже целой камере, которые ему не понравятся. Таковым голова трески вскоре покажется лакомством, и они выучат анатомию этой рыбы до косточки. Через два месяца пребывания в тюрьме и для меня вся пища здесь уже была желанной. Особенно мне понравился местный хлеб.

Те заключённые, у которых закончилось предварительное следствие, имели право получать передачи. Каждый такой день для них становился праздничным. Некоторые арестанты получали от родных настолько большие передачи, что за один раз их было не унести, за ними ходили дважды. В результате в камере возникало болезненное напряжение. На одном полюсе находились те, у кого было много продуктов, часть из которых даже портилась. А на другом полюсе были худые, полуголодные люди, уже долгое время питавшиеся лишь тюремной пищей. Такое положение дел побуждало искать какое-то решение. Ведь многим людям в тюрьме неоткуда было ждать помощи, особенно это касалось советских пленных.

Фабрикант

Однажды в нашей камере по какой-то ошибке оказался владелец небольшого завода. Его у нас называли «фабрикантом» и «папашей». Этот человек разместился рядом с недавно пойманными советскими парашютистами – редкая комбинация судеб. Однако все они в наших глазах и в самом деле были товарищами по несчастью.

У папаши-фабриканта дела обстояли неплохо. Он регулярно получал объёмные посылки и в такие дни милостиво отдавал свою тюремную баланду худому соседу, приговаривая: «На, ешь!» Шкафчик фабриканта всегда был полон деликатесов. Он много ел, но это добро у него не заканчивалось. И вот однажды произошло неприятное событие: кто-то заметил, как фабрикант ночью выбросил испортившуюся еду (кажется, копчёного угря) в парашу. И это в то время, когда многие у нас страдали от недостатка пищи. Новость вызвала у всех негодование. И папаше повезло, что его тогда сгоряча не прибили. Здесь нужно заметить, что еду у нас из шкафчиков никто не воровал. Исключением стал только один случай, который произошёл уже в последние дни моего пребывания в тюрьме.

Я размышлял над этой пищевой проблемой и видел единственный выход в том, чтобы те, кто имел много продуктов, делились с остальными. Но я не осмеливался говорить об этом вслух, пока мне самому нечем было поделиться. Я с нетерпением ждал того дня, когда получу передачу. И вот, приблизительно через три месяца моей тюремной жизни, я наконец получил посылку.

Вечером того же дня я торжественно обратился к своим товарищам по несчастью. Кратко описал суть проблемы.

Говорил о витаминах, необходимых организму для поддержания жизни. И в заключение своего слова внёс предложение: каждый, кто получает посылку, пусть пожертвует треть её содержимого тем, кто не имеет ничего помимо тюремной пищи. После моих слов в камере повисла полная тишина. По-видимому, сказанное коснулось и тех, кто был – по нашим меркам – богат, и тех, кто был беден.

На следующее утро меня ожидал сюрприз. Недовольный фабрикант во всеуслышание мне заявил: «Ты ссоришь нашу камеру!» Его тут же громко поддержал другой человек, тоже получавший много продуктовых передач. Сидящие на казённом пайке арестанты деликатно промолчали. На этом публичное обсуждение вопроса закончилось.

Впрочем, нехватку пищи вскоре смягчило то обстоятельство, что в нашу камеру стали приносить для чистки картофель. У меня плохо получалось срезать с неё кожуру тонким слоем. Сырая картошка помогала некоторым из нас заглушить чувство голода. Всё изменилось в лучшую сторону, когда нашего парашютиста Паалица зимой назначили делать уборку в коридоре. Он выносил из камеры сырую картошку за пазухой и потом запекал её в печи, топившейся в коридоре для обогрева. Этот добрый человек всегда делился своей пищей с нами.

Домовой

Воплощением самой отталкивающей стороны тюремной жизни был у нас один пожилой арестант, которого именовали Домовым. Он сидел дольше всех, вероятно, с самого прихода немцев, за самовольный раздел земли. На допросах его избивали и запугали так основательно, что в нём мало осталось человеческого. Он ни с кем не

общался, на вопросы толком не отвечал. Когда в камеру приносили для чистки сырой картофель, он всякий раз набрасывался на него. И это, увы, не проходило без последствий. Никто не посещал парашу так часто, как он, и никто не издавал, тужась на ней, таких жалобных звуков. Он и спал на нарах, прилежавших к параше. Даже лёжа на нарах, он каждый вечер издавал громкие утробные звуки. Под эту «музыку» мы обычно и засыпали.

Полосатый

Один худющий арестант, тоже из старожилов, мы называли его Полосатым, целый год сидел без посылок и табака. Отсутствие последнего для него было особенно тяжёлым испытанием. Он обменял на табак всю имевшуюся у него одежду, поэтому единственный среди нас ходил в полосатой тюремной робе. Однажды ему так хотелось курить, а взять табака было негде, что Полосатый разбил свою старую трубку, измельчил её и выкурил в самокрутке.

Слух у Полосатого был близок к ясновидению. В самые ответственные моменты мы его ставили к дверям подслушивать. В камере все замолкали и даже старались не дышать. Полосатый прикивал к железной двери и словно становился одним большим ухом. Он определял на слух, дверь в какой камере открыли и сколько человек оттуда вывели. Он первым узнавал о разносе пищи в коридоре, по звуку определял раздачу хлеба, супа, картошки или рыбы. Способности Полосатого имели важное значение в дни «шмонов». Так в тюрьме называют обыски, проходящие внезапно. Почти всегда перед обыском мы успевали получить от Полосатого предупредительный сигнал и тут же прятали ножи, карандаши и другие запрещённые предметы.

На протяжении всего моего пребывания в заключении Полосатый получил передачу с воли всего один раз. Он уже потерял надежду, что его кто-то помнит. Но в какой-то счастливый день в коридоре прокричали и его имя. Когда Полосатый вернулся в камеру, мы увидели, что вся его передача уместилась в одной руке. Там была морковь, полбулки хлеба и ещё какая-то мелочь. Однако лицо у человека сияло!

Насколько эта картина отличалась от получения другими арестантами больших продуктовых передач с традиционным четырёхкилограммовым караваем Ротерманна. Осматривая свою посылку, богач ещё считал необходимым отругать «чёртову бабу» за то, что она не всё раздобыла из заказанного ей.

Полосатый был очень одарённым человеком. Лучший декламатор в камере и самый сильный шахматист. Он окончил среднюю школу и военное училище. До ареста где-то служил офицером, а в лучшие дни своей жизни даже начальствовал над каким-то провинциальным городком.

Нам ещё придётся вернуться к рассказу об этом человеке.

Реха

Самым разговорчивым и шустрым в нашей камере был арестант по фамилии Реха. Из-за своей болтливости он в тюрьму и попал, похваставшись спьяну, что у него в лесу прячутся двести человек. Его арестовали, а упомянутый им лес тщательно прочесали. Реху долго веселила эта картина, как большой отряд вооружённых людей ищет несуществующих врагов в лесу. Однако в целом смешного здесь было мало. Срок он получил реальный и теперь раздумывал над тем, как бы выбраться из тюрьмы. Когда-то

в результате нервного срыва он побывал в психиатрической больнице Сеэвальди в районе Мериметса. Теперь он мечтал попасть туда снова.

Однажды вечером Реха открыл мне свой план, который заключался в том, что он нападет на меня и попытается якобы убить (я его сосед по нарам). Другие арестанты должны были в этот момент подбежать к двери и поднять шум, поэтому мы их тоже посвятили в наш план. Утром Реха, как мы договорились, схватил меня за горло. Кто-то пытался освободить меня от его рук, другие стучали в дверь и кричали: «Убивают!» Когда охранник открыл дверь, Реха очень натурально бесновался и издавал нечленораздельные звуки. Мы потребовали, чтобы его поместили в сумасшедший дом. Однако охранник равнодушно махнул рукой: «Здесь все сумасшедшие!» И ушёл.

Так Реха и не уехал в психушку. Наша дружба с ним после «попытки убийства» только укрепилась. Реха учил меня петь старые тюремные песни. За свою жизнь он уже отсидел восемь лет. Мы с ним устраивали концерты в отхожем месте, где была хорошая акустика, и дуэтом ревели во всё горло: «Тюрьма, тюрьма – какое сло-о-о-о-во!..»

Реха разнообразил жизнь нашей камеры не только своими песнями, но и смешными прозвищами, которые придумывал новичкам. Так, одного из них он по некоторым причинам называл Деятелем пробуждения, а другой арестант с красивой фамилией Рооз должен был смириться с тем, что он теперь Призрак парижской оперы.

Товарищ Кингу

Первым советским военнопленным, попавшим к нам в 42-ю камеру, оказался эстонец Кингу, блондин с добрым

нравом. На родном языке он не говорил. Вскоре выяснилось, что до призыва в армию Кингу учился в одном из ленинградских институтов, где изучал французский язык. На этом изысканном наречии мы с ним и общались. Советский военнопленный, говорящий на французском, многим казался настоящим чудом. Так или иначе, Кингу проторил дорогу своим товарищам, которые появились у нас после него.

Вскоре к нам в камеру привели ещё двух пленных красноармейцев. Они недоумевали, как и все военные, почему оказались в гражданской тюрьме.

Майор Мешков

Самым старшим по воинскому званию в нашей камере был майор Мешков, высокий мужчина, стройный, с красивым лицом, на вид около пятидесяти лет. Он вошёл в камеру, с трудом ступая, и было трогательно наблюдать, как другие военнопленные, младшие по званию, почтительно встали перед ним по стойке смирно. Хотя все они сейчас находились в равном положении. Майор был болен, и солдаты помогли ему раздеться.

Вскоре мы с ним познакомились. Как оказалось, в своей гражданской жизни Мешков раньше работал директором в большой московской школе. Он и теперь вспоминал некоторых своих учеников. Я представил его в окружении молодёжи с горящими глазами...

Здоровье Мешкова продолжало ухудшаться. В лазарет его не брали, а просто давали какое-то лекарство. Ему разрешалось лежать в дневное время на полу, что строго запрещалось другим.

Моё последнее воспоминание об этом необыкновенном человеке: большое измождённое тело, лежащее на холодном полу камеры. Боюсь, что оттуда он не вышел.

Владелец часов

Среди военнопленных, попавших в нашу камеру, ещё один оказался эстонцем. Его имени я не помню. Это был парень с приятной внешностью и с красивым певучим голосом. Он не знал эстонского языка и тихонько напевал русские песни. В них чувствовалась какая-то неизъяснимая тоска. Его голос был по-детски чист, и сам он был похож на большого ребёнка. Это впечатление ещё более усиливалось благодаря следующему обстоятельству: он смог пронести в камеру наручные часы. Конечно, он не носил их в открытую, а прятал где-то в одежде. Но периодически извлекал своё сокровище на свет. Часы напоминали ему о счастливом прошлом, о котором он тоже пел в своих песнях. Он нежно заботился об этих часах. Возможно, они были для него как-то связаны с любимым человеком.

Если раньше мы вычисляли время в камере по раздаче пищи, движению солнца в окне и теням (в погожий день), то теперь у нас появилась возможность точно знать, который час. И мы часто задавали этот вопрос счастливому обладателю часов – даже ради забавы.

Но однажды эту идиллию разрушил внезапный обыск. Часы нашли, а их владельца отправили в карцер. Это означало несколько суток пребывания в голоде и холоде. Назад он вернулся совершенно сломленным. И это сделали эстонцы, так сказать, его братья по крови. Парень впервые оказался на родине своих отцов – и вот такой

приём... Мы старались сделать всё, чтобы смягчить его боль, и мне вдруг стало стыдно оттого, что я эстонец.

Чёрные

«Чёрными» называют охранников по цвету их бывшей формы (не исключено также, что из-за их нечистой совести). Во время моего тюремного заключения охранники уже носили зелёные немецкие мундиры. В основном это были молодые парни. Я думаю, многие из них пришли на эту службу, только чтобы не попасть на фронт. Впрочем, среди них встречались и неплохие люди! Один из них, по прозвищу Очкарик, добродушно передавал нам записки и мелкие вещи от родных. Но, конечно, преобладали совсем другого рода охранники. Те, кого, собственно, и называли «чёрными». Один такой солдафон, словно вытесанный из дерева, всякий раз издевался над нами, когда выпускал в отхожее место. Он не мог не орать и не бить дубинкой там, где у других его сослуживцев всё проходило вежливо и спокойно. Помню также одного охранника, который общался с нами так, словно просил прощения.

За время моего пятимесячного пребывания в Центральной тюрьме, мы побывали в бане всего один раз. Старожилы мне загадочно говорили, что наконец-то я познакомлюсь с Банным червём. И вот я увидел этого маленького скверного старикашку, банщика, который повелительным тоном нас предупредил: «За 15 минут всё должно быть сделано: раздеться, помыться и снова одеться!» Представьте, какое наслаждение грязному, зашнурованному телу оказаться под струями душа. Мы становились близко друг к другу, чтобы не пропустить живой влаги, у многих не было даже мыла. И вот, едва

начавшись, это блаженство уже закончилось. А строгому банщику, похоже, доставляло немалое удовольствие быстро выгонять нас из душа. Некоторым людям так мало нужно для счастья!

Если бы камни возопияли

Перенесённые мною в тюрьме испытания, конечно, не были слишком тяжёлыми на фоне страданий других людей в этих стенах. На допросах меня не пытали и мне не угрожала смертная казнь. Хотя позднее к уклонистам, подобным мне, уже порой применяли и высшую меру наказания.

В нашей тюрьме тоже содержались арестанты, ожидавшие казни. Среди заключённых ходили слухи о массовых расстрелах. В подтверждение этого рассказывали, что кто-то видел большие кучи невоенной одежды на тюремном складе. Старожилы также вспоминали, что в соседнюю с нами камеру однажды затолкали около шестидесяти цыган, но затем все они неожиданно исчезли.

Тягостно было думать и о сидевших в нашей тюрьме женщинах. Рассказывали, что к нам привезли даже одну восьмидесятилетнюю старушку из дома престарелых за её разговоры на политические темы. Подтвердить этого я не могу, но однажды по дороге на допрос я сам видел ужасную картину: по каменному полу, на четвереньках, словно паук, с трудом шла женщина с длинными распущенными волосами.

При виде слабости некоторых мужчин в голову приходила мысль, что многие женщины лучше переносят суровые тюремные испытания. И всё же видеть здесь женщин было тяжело.

Однажды охранник Очкарик передал мне привет от мамы и сообщил, что она тоже находится в нашей тюрьме. И тогда я понял, что мама, по-видимому, попала в руки тюремщиков уже тогда, когда мы виделись с ней в кабинете у следователя. А я (по своей наивности) поверил в «честное слово» этих людей... Моя бедная хрупкая мамочка тоже здесь, посреди этой грубости и грязи, холода и голода! Может быть, она лежит в своей камере на полу, как у нас майор Мешков. И что стало с домом, как живут там старая бабушка и мои младшие сёстры, девяти и семи лет? Если в прежние времена, когда мы с мамой вдвоём работали, с питанием уже были трудности, то как наши родные выживают теперь? Как можно в таких условиях ещё присылать нам с мамой посылки? Какие усилия должны для этого прилагаться и сколько лишений нужно претерпеть? И кто стоит в длинной очереди для передачи мне посылки, кто стирает мою грязную и вшивую одежду?

Под окном у нас часто проносят тех, кто умер в тюремных стенах, лишился жизни при молчаливом равнодушии не менее каменных сердец. Это обычная картина. Но однажды моё сердце замерло, когда я увидел, как несли маленький гробик умершего в нашей тюрьме ребёнка...

Это только краткие заметки на полях книги о той безмерной боли, что заставляет вопиять даже камни.

Почётный гость

Однажды «чёрный» охранник нам сообщил: «Идёт начальник тюрьмы!» Это был единственный раз, когда я его видел. Все ожидали его с интересом: что это за человек? Арестантов в камере выстроили в две шеренги,

как обычно. Только строй стал намного длиннее: вместо тринадцати человек нас тогда было уже почти тридцать.

И вот в камеру вошёл относительно молодой высокий мужчина – начальник тюрьмы. Едва он переступил порог, как всем стало очевидно: сильно пьян. Его качало из стороны в сторону, и сине-чёрно-белая нашивка на рукаве¹ раскачивалась вместе с ним. Какое-то время он молча таращился на нас. Мы все тоже молчали, но, в отличие от начальника, не качались. Я остро чувствовал, что с эстонским происхождением этого человека у меня нет ничего общего. Русские и печорцы рядом со мной – братья, а этот – чужой. Тяжело ступая, начальник тюрьмы, так ничего и не сказав, вышел из нашей камеры.

У меня остались только недобрые воспоминания об этом пьянице, в чьих руках тогда находились судьбы тысяч людей. Позднее я узнал его фамилию – Лаак.

Чудо-юдо

Наша камера всё время пополнялась новичками, выходили же из неё немногие. Те, кто нас покидал, тоже оказывались на свободе нечасто. Их обычно отправляли в лагерь или даже к праотцам.

Камера переполнилась заключёнными, в ней уже теснилось почти в три раза больше людей, чем имелось мест на нарах. Остальные спали на полу, на скамейках, на столах. У них не было ни матрацев, ни одеял. А ведь в зимнее время камера отапливалась лишь раз в неделю.

Чем тяжелее становилась ситуация, тем занятнее, впрочем, оказывались личности, прибывавшие в камеру.

---

¹ Сине-чёрно-белые нашивки (цвета национального флага) были отличительным знаком эстонских военных в то время.

Как-то раз к нам привели седовласого солидного чиновника, который обвинялся в страшном преступлении: он за немцем закрыл дверь ногой!

Повеселиться нас заставил и пьяный мужичок, вошедший в дверь, шатаясь. Его приветствие было феерично: «Немцы удирают и даже кусты крыжовника уносят с собой!» Затем он, однако, начал буянить, как это часто бывает с горькими пьяницами. Люди, уже давно не прикасавшиеся к спиртному, смотрели на этого новичка, как на чудо-юдо. Даже один недавний алкоголик (а ныне вынужденный трезвенник) в нашей камере тихо сказал мне: «Как же противны эти пьяницы!»

Старые друзья

Одной из самых больших проблем в камере является скука. Если мы не чистили картошку, то день совсем проходил без работы. Играли в шахматы и шашки. Побеждал всех обычно печорец Александр Ефимович Гундосов из Панкявицы. И всё равно скука преобладала. Однажды все обитатели камеры столпились у окна, имела место оживлённая дискуссия. Случилось нечто действительно чрезвычайное: под нашим окном стояла лошадь...

В такой обстановке пришло известие, что заключённым будут выдавать книги, по пятнадцать штук на камеру. То есть приблизительно по одной книге на двоих. Я беспокоился, достанется ли что-то мне, будет ли какой-то выбор.

Когда к нам в камеру принесли книжный каталог, я очень обрадовался и одновременно с удивлением обнаружил, что, кроме меня, всем этим мало кто интересуется. Я мог заказать себе почти любую книгу, но мне было как-то не по себе, что люди вокруг меня столь равнодушно

относятся к чтению. Выбор в тюремной библиотеке оказался неожиданно большим. В ней имелось, судя по нумерации, свыше десяти тысяч томов. Библиотека разрослась благодаря тому, что в годы независимости Эстонии у арестантов появилась возможность заказывать себе книги «с воли», но с условием, что после прочтения вся литература останется в тюрьме. Поэтому библиотека сформировалась в соответствии со вкусом заключённых. Тем не менее в ней порою попадались настоящие жемчужины.

Первый заказ книг я сделал с учётом своего недавнего обучения на экономическом факультете в университете. Мне принесли среди прочего «Опыт о законе народонаселения» Т. Мальтуса, на титульном листе которого стоял автограф А. Веймера¹. Ещё одна подобная находка, хотя и несколько иного рода: на популярной книге «Насколько вы знаете себя?» я обнаружил подпись бывшего заключённого: Др. Хяльмар Мяз...²

Штудировав несколько недель экономическую литературу, я сумел одолеть даже два сухих тома Мальтуса. И тут мне в голову пришла мысль, что, возможно, больше никогда в жизни у меня не будет столько свободного времени для чтения, как сейчас. И я решил заняться наиболее трудным для себя предметом – философией. Я думал в таких книгах найти ответ на извечный вопрос о смысле человеческой жизни.

Сложность постижения этой темы была для меня тесно связана с краткостью любой формы жизни. Всё, что нас окружает, рождается и затем умирает. Это истинно как для отдельных организмов, так и для целых народов и культур. Так же обстоит дело и с планетами. Даже если бы жизнь на Земле и в Солнечной системе продолжалась

---

¹ А. Т. Веймер (1903–1977), известный эстонский политик и государственный деятель.

² Х. Мяз (1901–1978), глава Эстонского самоуправления в годы Второй мировой войны.

триллионы лет, всё равно ей однажды придёт конец, а вместе с ним – уничтожение всех человеческих трудов, какими бы ценными они ни были. Неужели нет творения, которое было бы неувядающим, неужели нет непреходящих ценностей? Конечно, можно создавать что-то важное и в нашем бренном мире, смягчая этим страдания людей и принося им радость. Но однажды и эти труды превратятся в прах, ибо нет на земле ничего вечного.

И вот я приступил к поиску ответа о смысле жизни. Для этого я заказал из библиотеки основной труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Первый том, объёмом около 700 страниц, я изучал более месяца, напрягая все свои умственные силы. В этот период я испытал немало прекрасных волнующих моментов, но тем сильнее было моё разочарование, когда я дошёл до последних слов книги: Nichts (ничто, пустота). Всё лишь одно воображение! И душа моя возмутилась: неужели заключительным словом в жизни должно быть Nichts?

И тут мне на ум пришла новая мысль: а что, если продолжить поиск в совершенно другой области? Ведь некоторые люди нашли смысл жизни в вере в Бога. И я заказал себе в камеру Библию на немецком языке. Мне тогда подумалось: если я разочаруюсь в содержании этой книги, то хотя бы с пользой для себя ознакомлюсь с немецкой религиозной лексикой. И вот Библия уже у меня в руках, но тут появляется неожиданное препятствие. Едва отойдя от нашей камеры, библиотекари вдруг возвращаются в сильном негодовании. Оказывается, арестанты в нашей секции вырвали из какой-то книги страницы, вероятно, на самокрутки. В наказание за это библиотекари забрали книги у заключённых на всём участке. Так я вновь остался на долгое время без духовного слова – в то время, когда оно мне было так необходимо!

И всё же Божье Слово проникло в мою камеру – оттуда, откуда меньше всего это можно было ожидать.

Подарок на Рождество

Наступил сочельник 1943 года. Этот день для всех нас был непростым. Каких бы религиозных убеждений человек ни придерживался, в канун Рождества он непременно вспоминает свою семью. В этот день близкие люди особенно остро переживают разлуку.

Для меня Рождество в том году тоже было болезненным: я оказался не просто разделён с мамой, но отделён от неё теми же тюремными стенами, которые видели мои глаза. А где-то далеко я представил себе заплаканные глаза двух девочек у ёлки (если она у них вообще была).

И вот в преддверии Рождества в нашей камере неожиданно появился подарок. Он упал к нам с неба – в буквальном смысле слова. К нам вновь привели двух советских парашютистов. Одного из них звали Леонид Ладушев, он оказался поляком, ранее проживавшим в Эстонии. Другой, Альфред Лехтметс, был выпускником моей школы, на один год старше меня. Парашютистов сбросили с самолёта на территорию Эстонии, но кто-то их заметил и выдал немцам. После ареста их сначала отвезли в Германию в специальный лагерь для лётчиков, но затем вернули в Эстонию. По какому-то стечению обстоятельств их при этом не обыскали. Это было рождественское чудо. У парашютистов имелся вещмешок, один на двоих, в котором оказались запрещённые в тюрьме предметы: довольно большая бритва и стопка непроверенных начальством книг.

Я попросил разрешения ознакомиться с их литературой и тут же увидел среди книг на немецком языке

русскую Библию. Парашютисты сказали, что это была единственная книга на русском языке, попавшая к ним в руки в немецком лагере. Какой-то христианин раздавал там Библии на разных языках. Я попросил разрешения её почитать.

И вот я погрузился в Новый Завет, впервые в жизни читая его с искренней мыслью – найти истину. Когда-то я уже заглядывал в Евангелие, но с противоположными намерениями. Теперь же я предстал пред Божьим Словом с открытой душой, и, наверно, поэтому оно мне вскоре открылось. По прошествии двух недель со мной произошло нечто удивительное. Во время чтения Евангелия Иисус Христос стал для меня живым и даже более реальным, чем окружавшие меня арестанты, чем моё собственное существование. Я не видел и не слышал Христа физически, но совершенно точно чувствовал Его присутствие в своём сердце. И тогда произошло ещё одно чудо: я стал новым человеком. А это, поверьте, уже ощущалось даже физически...

Много раз я пытался бороться со своими слабостями и искушениями юности, но всё оказывалось безрезультатным. Мои пороки всюду следовали за мной даже в тюремной камере. Но когда я встретил Христа, то смог побороть их. Я был свободен, поистине свободен! И мне сразу стало ясно: я нашёл то, что искал. Иисус жив! И существует духовный, вечный мир. Господь говорит: «Я жив, и вы будете живы». Значит, вечная жизнь – это реальность, которая открывается через познание Иисуса Христа. В каждом человеке есть частица бессмертия, это его душа. Стало быть, уже на земле существует деятельность, обладающая вечной ценностью. Это работа с душами людей. Тогда вся наша жизнь наполняется смыслом, становится поистине драгоценной. И окружающие люди – это бесценные сокровища, ведь в каждом из них таится причастность к вечному.

Я испытал невиданный прилив счастья, тем более великого, что оно явилось ко мне так неожиданно. Я никогда в своей жизни прежде не верил в Иисуса Христа. Никогда Его ни о чём не просил. И теперь, словно из тёмного подвала, я выбрался на Божий свет. Не в силах совладать с собой, я в радостном волнении расхаживал по камере и пел.

Никто в камере, конечно, не понял, что со мною произошло. Я ходил от стены к стене со счастливым лицом, пока один мой приятель не отозвал меня в сторону и не сказал: «Перестань читать Библию! Я слышал, что люди, долго читающие её, сходят с ума».

О добрый друг, если бы ты только знал, что наполняло в тот миг моё сердце! Во всём мире не было человека счастливее меня. И так хотелось взять весь земной шар в руки и протянуть ему.

Леонид

Леонид не только давал мне читать имевшиеся у него книги, но и вскоре стал моим близким другом. Мы целыми днями ходили с ним по камере и говорили о грядущем мире, в котором будет царить справедливость. Славянин и эстонец, коммунист и юный христианин – как мне хотелось бы вместе с ним войти в эту новую жизнь, о которой мы с ним мечтали!

Но Леонид не был только мечтателем. Он стал одним из тех двух человек в нашей камере, кто половину своих передач отдавал нуждающимся, в основном советским военнопленным. Леонид был одним из тех редких людей, чей высокий ум органично сочетался с добрым сердцем. Как тяжело думать, что такого человека ждал расстрел. Сам он на другое и не рассчитывал.

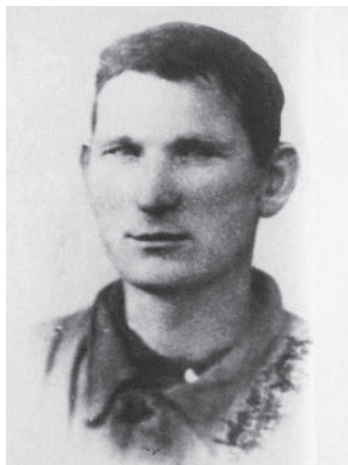
Тарас Филиппович

Русские стали для меня самыми близкими людьми в камере. Впрочем, я им всегда симпатизировал. Моя няня была русской, поэтому мои первые слова прозвучали сразу на двух языках. Мама по вечерам пела мне только русские песни. Я учился в одной из немногих эстонских школ, где преподавался русский язык, и, наверное, в единственной, где пели русские песни. Любимым писателем в нашей семье, чьи произведения мы читали вслух в своём доме, был Чехов. И теперь в моей жизни произошло великое событие: я обрёл мир с Богом, читая Библию на русском языке. Знаю, что в этом мире ничего случайно не бывает, и если Господь послал мне русскую Библию, значит, это имело определённый смысл. Думаю, что Сам Бог связал всю мою жизнь и моё счастье с этим народом. Словно подтверждая сказанное, в нашу камеру попал первый верующий человек, которым оказался русский крестьянин Тарас Филиппович Лопухов из деревни Албашкино, что неподалёку от Великих Лук.

Ему тогда было уже около пятидесяти лет, а мне только исполнился двадцать один год. Тарас Филиппович имел чистое сердце и был самобытным мыслителем.

Например, он говорил: «Вот лягушка, посмотри, зимой кажется, что она мёртвая, а в ней всё-таки теплится жизнь. И когда наступает весна, солнце пробуждает эту жизнь. Так и с людьми. Мы умираем, и нас почитают мёртвыми, но однажды придёт великая весна, и мы проснёмся». Он много размышлял о полях, жителях своей родной деревни и твёрдо верил в грядущую весну, в жизнь вечную.

Несмотря на разницу в возрасте, профессии, на национальные отличия, мы с Тарасом Филипповичем стали

Т. Ф. Лопухов

добрыми друзьями. И я с каждым днём открывал для себя истинную красоту души этого простого русского человека.

Однажды случилась неприятность. Тарас Филиппович получил свой хлебный паёк и собирался его съесть. Он положил кусок хлеба перед собой и закрыл глаза, чтобы помолиться (или просто задумался о чём-то). Когда же он открыл глаза, хлеба на месте не оказалось. Все в камере услышали его огорчённое вос-

клицание: «Ай, человек! Ай, человек!» Тарас Филиппович это сказал без грубости (хотя русский язык богат на бранные слова), это была его первая реакция на свою потерю, горечь, что нашёлся человек, который украл у своего товарища единственный кусок хлеба.

Все в камере восприняли это как личное оскорбление и стали искать вора. Прежде всего выяснили, кто незадолго до случившегося тёрся около Тараса Филипповича. Все свидетели были единомышленны: Полосатый. Это он находился рядом с пострадавшим. По-видимому, он, проходя мимо, и утащил чужой хлеб. Всё в камере обыскали, но хлеб так и не нашли. Собрали импровизированный суд. Тарас Филиппович этого не хотел, но суда потребовали эстонцы. Меня назначили судьёй. Прокурором выбрали экономиста Поома. Кто-то стал адвокатом. Свидетели нашлись сами. Выслушав все стороны, мы вынесли символическое решение: Полосатого «вышвырнуть из камеры». Конечно, буквально осуществить такой приговор было невозможно, тюремщики не разрешили бы. Однако общественное презрение сокамерники выразили Полосатому своими

затрещинами, которые ему тогда пришлось получить. Затем эстонцы как-то компенсировали Тарасу Филипповичу его пропавший хлеб. Им было стыдно, что бывший эстонский градоначальник украл паёк у русского крестьянина... Таким образом, Тараса Филипповича у нас не дали в обиду.

Наступил день, 5 февраля 1944 года, когда мне велели собирать вещи. Я, конечно, не мог уйти, не пожав руку каждому арестанту. Многих из них я тогда видел в последний раз. Особенно трудно мне было прощаться с Леонидом. Он хотел мне подарить свою Библию, которая стала для меня столь великим благословением. Но я ответил ему, что уже принял в своё сердце Христа, теперь очередь Леонида. «Чёрный» охранник кричал за дверью, поторапливая меня, но я всё же пожал руки всем тридцати двум своим сокамерникам. Каждый из них был для меня по-своему дорог. И вот я сделал шаг за порог камеры. Однако, прежде чем охранник закрыл дверь, вслед за мной неожиданно выбежал Тарас Филиппович. Он крепко обнял меня своими худыми руками и поцеловал в щёку. Затем так же молча вернулся в камеру. Охранники были удивлены этой картиной, но даже не отругали нас.

Этот поцелуй Тараса Филипповича я чувствую и поныне. Это словно печать того договора, который объединил эстонский и русский народы в моём сердце. Это тот орден, выше которого для меня ничего нет. Тарас Филиппович навсегда остался в моём сердце.

И всё-таки Феликс!

Я выполнил все формальности, связанные с выходом из тюрьмы. И получил обратно отнятые у меня при аресте серебряные ложки и другие вещи. Поскольку я их сдавал

как человек с фамилией Метс, то в последний раз подписался: Феликс Метс. И это, пожалуй, наполовину было правдой, я действительно felix (счастливый), так как освободился здесь даже не из одной, а из двух тюрем¹.

Словно в подтверждение этой мысли, я сделал интересное открытие. В кошельке, который мне тоже вернули, я проверил содержимое. Всё было на месте, даже нашёлся кусочек бумаги со стихом из Библии: «И один сильный ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: „С такой силой повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его“» (Откр. 18:21).

И только теперь я вспомнил, как в первое утро пребывания под арестом в Локсе мы полушутя-полусерьёзно выбирали себе стихи из карманного Нового Завета. Я с закрытыми глазами тогда указал пальцем на этот текст, потом его записал и забыл.

Теперь же я с удивлением узнал в нём то событие, которое пережил в своём сердце: Бог действительно изъясил из меня старый Вавилон, и я надеюсь, что это прошлое никогда больше туда не вернётся.

Мою радость не испортили даже два упитанных немецких жандарма, в чьи руки меня передали. Они посадили меня в машину. Там один из них по дороге отчитывал меня за то, что я, дескать, не хочу выстраивать новую Европу...

Строительство новой Европы

Этой новой Европой в миниатюре оказался Хийуский лагерь в Таллин-Нымме, куда меня наконец доставили. Здесь, за колючей проволокой, под охраной немецких конвоиров работали молодые эстонцы. Многие из них,

---

¹ Вероятно, автор второй тюрьмой считал свою прежнюю жизнь без Бога.

подобно мне, уклонились от насильственной мобилизации.

Начальник лагеря, фельдфебель, взглянув на меня, сразу приказал сбрить бороду. Не знаю, чем ему не понравилась моя пятимесячная, рыжеватая, вшивая тюремная борода... Я попросил, чтобы мне позволили остаться с бородой до тех пор, пока меня не сфотографируют. Фельдфебель разрешил, а на следующий день прислал ко мне фотографа. Им оказался зондерфюрер Курт Хамстер, лагерный воспитатель.

Режим в лагере в целом был значительно мягче, чем в тюрьме. Здесь заключённые находились не в камерах, а в бараках. Разрешалось свободно гулять во дворе. Питание было несколько лучше – по крайней мере, суп настоящий. Охрана не слишком строгая.

Основное занятие заключённых – распиливание деревьев. Трудовой процесс происходил во дворе лагеря, на козлах. Моим напарником довольно долго был Уно Уссисоо, любознательный молодой человек, учившийся на археолога.

В лагере Хийу (моя борода была воспоминанием о Таллинской центральной тюрьме, где я пришёл к вере)

Мы с ним больше беседовали, чем пилили. Скучающие охранники, простые солдаты, нас подгоняли только тогда, когда замечали приближающуюся худую фигуру гауптмана Хоффмайстера, коменданта Нымме. Тогда пилы начинали петь и звенеть в наших руках. Гауптман – ретивый чиновник, надзиравший за всей жизнью лагеря. На каждом прошедшем цензуре письме стояла его личная подпись.

Однако наша лёгкая жизнь вскоре закончилась. Брёвна больше не привозили, к тому же начиналась снежная зима. Поэтому нас стали посылать на расчистку Пярнуского шоссе.

Все заключённые выходили из барачных корпусов ранним утром, держа снеговые лопаты на плечах, и возвращались вечером. Это был тяжёлый физический труд, для которого наше питание являлось недостаточным. Один из охранников подгонял нас ударами приклада. К счастью, другие конвоиры так не делали. Наш лагерь отвечал за чистоту дороги от станции Хийу до станции Рахумяэ – всего два километра. Однако, если измерять это расстояние лопатами, то при обильном снегопаде получалось очень много.

Люди, проходившие мимо, в основном нам сочувствовали. Но случалось всякое. Я ведь находился в своём родном городе, где меня многие знали. Нет-нет да и встречался кто-нибудь из знакомых. Некоторые делали вид, что не узнают меня. Кто-то, возможно, так делал из деликатности. А кто-то просто не хотел иметь ничего общего с заключённым. На этом фоне мне запомнился случай, произошедший неподалёку от станции Нымме. По тротуару шла солидная пожилая дама в сопровождении молодого человека, вероятно, её сына. В последнем я узнал Велло Тальтса, сына бывшего министра земледелия. Он тоже узнал меня и, оставив маму одну на тротуаре, быстро прошёл через большую группу заключённых и крепко пожал

мне руку. Если бы он знал, сколь ценным тогда было для меня это рукопожатие!

Вспоминается ещё одна женщина, работавшая сторожем на переезде возле станции Рахумяэ. Думаю, что в её семье в те трудные годы лишней пищи не было. Однако, когда заключённые, уставшие и голодные, доходили до конца своего отрезка дороги, она всякий раз выносила кому-нибудь из нас кусок хлеба. Как много настоящих друзей у меня появилось в те дни! И как много бывших друзей от меня тогда отвернулось! Помню одного близкого мне учителя, которому я написал из лагеря Хийу, очень ожидая от него ответа. Однако он не посчитал нужным откликнуться.

Наши охранники

Несколько слов ещё нужно сказать о лагерной команде охранников. Их у нас было человек десять. Один из них нередко проявлял жестокость к заключённым, а другой его всячески сдерживал и заступался за нас. Остальные охранники находились где-то посередине между этими полюсами. Самым приятным из них для меня был типографский работник из Вены. Он был столь же мягким человеком, как и его венский акцент. Запомнился мне ещё один охранник, бывший крестьянин из Померании. Он устал от войны и рассказывал, что почти все юноши из его селения погибли на фронте. Его мысли постоянно возвращались к родному хутору и уж точно были далеки от строительства новой Европы. Старшим среди охранников был полный низкорослый немец, получивший от нас прозвище Цак-Цак. У него в Гейдельберге имелось предприятие с 80 рабочими. Вероятно, поэтому он любил

командовать и, подгоняя нас, приговаривал: «Цак-цак!»¹ Несмотря на эту неприятную привычку, у него было довольно доброе сердце.

Две Германии

После того как мы в лагере распилили все деревья, а снег растаял сам, гауптман нашёл нам новое занятие — копать в районе Мустамяэ бомбоубежище, которое получило название Штолленбау². Работы велись самыми примитивными способами, поэтому просто чудо, что никто там не погиб. Поскольку сделать бомбоубежище необходимо было в краткие сроки, мы работали ежедневно по сменам, чередуясь с советскими военнопленными. Трудиться вместе с ними в одну смену нам не разрешали. Мы видели русских пленных только тогда, когда ходили в баню в их лагерь. В мои трудовые обязанности входил вывоз песка из убежища. Поскольку я один не мог сдвинуть полную тачку, мне всегда кто-то помогал её тянуть тросом.

В одном из своих писем в то время я вскользь упомянул наше бомбоубежище, о чём тут же донесли гауптману. Тот неправильно понял отрывок из моего письма, почему-то посчитав его оскорблением в свой адрес. В итоге мне немало доставалось от гауптмана на протяжении всего моего пребывания в лагере Хийумаа.

Среди прочего гауптман следил за тем, чтобы заключённым в лагерь не проносили масло. Тем не менее оно время от времени попадало к кому-нибудь из нас. Как-то раз я с удовольствием ел кусок хлеба с маслом, как вдруг

---

¹ Быстро, немедленно! (нем.)

² Штольня (нем.).

в барак неожиданно вошёл гауптман. Посмотрев на меня, он указал пальцем на масло и гневно спросил:

– Was ist das?

– Butter, Herr Hauptmann!

– Weg!¹

Во время работы на Штолленбау у меня образовался нарыв на пальце ноги. Боль была настолько сильной, что я не мог ходить. Поэтому утром я остался лежать в бараке. Гауптман узнал об этом и послал санитаря, чтобы тот осмотрел меня и выяснил, действительно ли я болен. Санитар пришёл, посмотрел на мой палец и пошёл своей дорогой. Он не оказал мне никакой помощи, хотя это входило в его прямые обязанности. А вечером того же дня ко мне зашёл охранник Фриц Линненберг. По профессии он был инженером-машиностроителем и какое-то время работал в Египте. Фриц пришёл с походной аптечкой и не спеша, осторожно обработал мой больной палец. Как отличались эти два человека! Один посмотрел и прошёл мимо, не выполнив свою работу, а другой – помог. Прямо как в евангельской истории об известных событиях на дороге в Иерихон...

Фриц – единственный из охранников, который осмеливался говорить о своей антипатии к нацистам, когда мы с ним оставались наедине.

Однажды мне посчастливилось под его конвоированием идти в Нымме на не очень трудную работу. Проходя мимо почтового отделения, где имелись телефоны, у меня возникло жгучее желание позвонить на свою бывшую работу. Я спросил разрешения у Фрица и сразу получил его. Он даже доверил мне зайти внутрь здания одному. Там я запросил знакомый номер: 45581. Волнуясь, ждал соединения. Трубку взял мой директор. Я уже не помню, что он мне говорил, но не забылась огромная радость, которую я испытал от слов поддержки этого человека с верным благородным сердцем.

---

¹ – Что это? – Масло, господин гауптман! – Уберите! (нем.)

Зондерфюрер

Ранее я уже рассказывал о зондерфюрере, который сфотографировал меня с бородой. В обязанности этого человека входило воспитание заключённых, потому что у властей ещё имелась надежда на наше исправление.

Я с предубеждением шёл на первую беседу. По непонятной для меня причине там ни слова не было сказано ни о Гитлере, ни о войне. Столь же необычным образом проходила и вторая беседа, и третья... Зато я хорошо помню лекцию, посвящённую Колумбу.

Зондерфюрер Хамстер был балтийцем, выпускником Домской школы в Таллине. До войны он работал рекламным агентом и свободно говорил по-эстонски. Он помог заказать в лагерь с десяток нужных мне книг.

Круг замыкается

Год назад в мае я попрощался с немецкой военной формой, а 5 мая 1944 года меня перевели в соседний трудовой отряд и там снова одели в немецкий мундир. В новом лагере я находился всего несколько дней. Мы строили укрепления для защиты Таллина, но почему-то на западном направлении. Затем пришёл приказ о переводе нашего отряда в Вильянди.

Двинулись в путь. Нас было девяносто девять человек. Почти все судились за уклонение от мобилизации и уже побывали в тюрьме или в лагере. Поэтому никто из нас

не питал особых иллюзий, пока мы в вагоне тряслись по узкоколейке в сторону Вильянди.

Что делать? Вновь бежать, как год назад? Но куда теперь податься? И что будет тогда с мамой, которая освободилась из тюрьмы всего два месяца назад? Так я, вопреки своему желанию, оказался затянутым в зубчатый механизм военной машины.

Вильянди

В Вильянди нас выстроили перед штабом 1-го Запасного полка на улице Пости. Наш командир пошёл докладывать о прибытии. Когда он вернулся, у него было для нас лишь два сообщения: 1) мы направляемся на учения в Пыльтсамаа; 2) адъютанту командира полка нужен переводчик, владеющий немецким языком. Я и ещё один заключённый отозвались на это объявление. Нас обоих пригласили для знакомства. Я сказал своему товарищу: «Ты старше меня, слово за тобой!» Он немного подумал и ответил: «Я лучше останусь в отряде». И тогда я понял, что моя судьба решена. Девяносто восемь человек вновь пошли строиться, а я получил одно из самых привилегированных мест в полку. Во всей этой ситуации особенно удивительно то, что через Запасной полк проходило множество новобранцев, среди которых, несомненно, имелись настоящие знатоки иностранных языков, но именно тогда, когда полк пополнился убогой толпой заключённых, у начальства вдруг обнаружилась нужда в переводчике.

Мне разрешили жить на частной квартире. Я снял себе комнату у милой верующей женщины по имени Берта Райди. Время, проведённое в её доме, было чудесным. Вспоминается один вечер: вернувшись с работы домой,

я увидел во всех углах своей комнаты вазы с цветами. Это был словно сон по сравнению с моим недавним прошлым.

Дни первой любви

Город Вильянди памятен мне первым опытом моей христианской жизни в общине. Здесь я услышал первые проповеди, с радостью общался с другими верующими людьми. Там же я начал трудиться для нашего Господа. Я посещал молитвенный дом Братской общины Вильянди и местный дом престарелых. В последнем нашла себе приют одна русская женщина по имени Людмила. Паралич помешал ей бежать от немецкой оккупации. Теперь она жила здесь, опасаясь за свою жизнь. Верующие взяли её под свою опеку.

В том же доме престарелых я познакомился с девяностолетней интеллигентной женщиной, обладавшей бодрым духом. Во время беседы с ней выяснилось, что она полька, окончила Варшавскую консерваторию, более пятидесяти лет назад была ученицей Падеревского¹. Старича сетовала, что никто уже не проявляет интерес к её игре на фортепиано. Обитатели дома престарелых, по её мнению, были недостаточно умными и добрыми людьми. И вот я согласился стать её единственным слушателем. Почти столетняя пианистка, да и сам инструмент ненамного моложе... Я не знаю, что бы сказал Падеревский об этом концерте, но перед моим мысленным взором ожила молодая темпераментная полька и огромная аудитория выражала ей свою признательность.

---

¹ И. Я. Падеревский (1860–1941), знаменитый польский пианист, композитор и государственный деятель.

К сожалению, помочь духовно своей подопечной я тогда не сумел. Её религиозные мысли двигались по какой-то собственной колее. Но я мог её выслушать, и она была очень благодарна мне за это.

Штабной переводчик

Наш полк подчинялся штабу дивизии, который состоял из одних немцев. В мои обязанности входило переводить приказы, которые спускались к нам сверху, и отчёты, которые мы посылали наверх.

Командир полка, пожилой эстонский полковник То-мандер, был тихим человеком. Свою службу он нёс с явной неохотой. Это не осталось незамеченным со стороны высшего командования. К нам прибыл командир дивизии с красными лампасами и отстранил от службы старого полковника. На его место поставили командира батальона майора Васька, который всюду ходил со своим адъютантом.

Новая метла метёт по-новому. Майор Васьк уже воевал на восточном фронте. У него была привычка, вспоминая былые сражения, приговаривать: «Русские побежали так, что только зицуну мелькали...» Теперь он кричал на нас, называл штаб «борделем» и устанавливал свои порядки. Моим непосредственным начальником стал адъютант крикливого майора. Это был, к счастью, совсем другой человек: бывший директор начальной школы, мудрый и уравновешенный. Он пригласил меня работать прямо в его кабинете. Такое доверие к заключённому вызывало у некоторых офицеров подозрение, возможно, они что-то слышали и о моём отце. Я чувствовал на себе пристальное внимание сослуживцев. Один из них даже приходил ко

мне на квартиру, и я заметил, что он как бы невзначай обшарил рукой всю мою постель...

Каждое воскресенье я получал разрешение посещать богослужение, какое бы важное поручение я тогда ни исполнял.

Как-то раз меня навестил зондерфюрер Хамстер, с которым мы переписывались, имея общие интересы в вопросах экономики. Он доверял мне и по секрету сказал, что ему надоели нацисты.

Однажды я смог посетить своих друзей в лагере в Хийу, у них всё было по-прежнему. Также мне удалось отправить несколько передач в свою старую тюрьму. Оттуда приходили ужасные вести. В тюрьме вспыхнула эпидемия. Чтобы снять с себя ответственность, начальство обвинило кого-то из заключённых, будто те подкидывали заражённых вшей в другие камеры. Этих людей, по слухам, повесили на глазах у других заключённых. Живы ли Тарас Филиппович, Мешков, Кингу, Леонид?

А людей вроде меня, уклонившихся от мобилизации, уже стали расстреливать.

Мой Царь

Боевые действия пришли на эстонскую землю. В общениях с фронта зазвучали географические названия, с детства милые моему сердцу. От мамы пришло известие, что она вместе с моими сестрёнками перебирается в Швецию, на свою вторую родину.

Фронт приближался. По вечерам с крыши штаба были видны десятки пожаров. Горела родная земля.

Пришла телеграмма: нашему полку приказывалось выдвинуться в Пярну, а оттуда по морю – в Гданьск.

Я передал эту телеграмму командирам, а сам попросил разрешения на час отлучиться. Мне вдруг захотелось побыть в тишине одному. Телеграмма заставила меня задуматься. Моё положение было не такое простое, как раньше. Я ведь уже почти год служил в немецкой армии. Что советская власть сделает с такими, как я, особенно если попасть под горячую руку? А ехать сейчас в Германию — это значит взять билет буквально на тонущий корабль. Мне нужен был совет свыше.

Я вошёл в молитвенный дом через чёрный вход. Преклонил колени в алтаре (я тогда ещё не знал, что вход туда разрешён только священнослужителям). Помолвившись, я встал и увидел перед собой большую алтарную Библию. Мне вдруг вновь захотелось выбрать из неё для себя какой-то стих. Я открыл Библию и пальцем указал на страницу справа. Начав читать это случайно выбранное место, я замер в изумлении: прямо под моим пальцем было написано имя Арпад. Я испытал такое чувство, словно моё имя только что вписали в Библию. Поскольку я ещё не изучал Ветхий Завет, то не знал, что в древности на берегу Средиземного моря существовал город Арпад. Зато я чувствовал очень явно, что Бог проявляет Свою заботу обо мне. Библейский текст с моим именем звучит так: «Где царь... Арпада?» (Ис. 37:13).

У меня есть Царь и мне не нужно волноваться! В Его руках полнота власти на небе и на земле. Твёрдо веря, что моя судьба в руках Божьих, я пошёл обратно в штаб. Я не собирался ни ехать в Германию, ни оставаться здесь, а во всё положился на своего Царя. Адъютант сказал мне: «Я еду в Германию. Моя жена и ребёнок находятся сейчас в Таллине, мне нужно их забрать. В этих двух чемоданах всё моё имущество (остальное сгорело при пожаре). Прошу, отвези чемоданы в Пярну и там мне их передай. А потом делай что хочешь». Я пообещал.

Отступление

Итак, я поехал в Пярну. Найти транспорт было непросто. Но если Царь посылает в путь, Он всем управит. Ещё прежде чем я начал собирать вещи, в штабе появился мой друг Калью Каур, парень из деревни Хюрси, что неподалёку от Вастселийна. Однажды в полковой штаб позвонили и попросили прислать для работы в армейском складе бойца, который бы не пил, не курил и не воровал. Адъютант поручил решить этот вопрос мне, поскольку, по его мнению, я должен был знать таких людей. Я тогда послал на склад Каура. Там он всем понравился. Вскоре попросили найти ещё одного «такого же». Нашёлся и второй. А теперь склад срочно ликвидировали, поэтому Каура отправили к нам обратно. Каур прибыл вместе с лошадью. Повозку мы нашли

Отступление. Пярну. Я впереди слева. На лошади Калью Каур

без труда, и Каур согласился довезти меня вместе с чемоданами адъютанта до Пярну. К нам присоединились ещё двое верующих, после чего мы двинулись в сторону Пярну.

Из Вильянди тогда бежало много людей. Кто-то из них стремился в Германию, кто-то просто уходил от приближающейся линии фронта. Интересно было наблюдать, что люди брали с собой. Мы видели, как по дороге шёл мужчина средних лет. Он вытащил из-за пазухи свёрток и показал нам своё единственное сокровище. Это был диплом юридического факультета Тартуского университета. У другого беглеца в корзине находился живой гусь. Вдоль дороги бежал ещё один чужак, который размахивал над головой сковородкой и кричал: «Вот что главное для жизни!» Как много горя чувствовалось в этой веренице людей, особенно среди пожилых беглецов, которые с трудом несли свои скромные пожитки. Кое-кого из усталых путников Каур подвозил в нашей повозке.

Многие люди, бежавшие из города, расходились по хуторам, попадавшим на пути. Встречались на дороге и военнослужащие. Например, мы видели высокопоставленного офицера с пистолетом, но он имел довольно жалкий вид. Этот офицер нам сказал, что он был командиром недавно разбитого пограничного полка...

Чем дальше мы отходили от Вильянди, тем меньше на дороге оставалось людей. Их количество исчислялось только десятками. Неожиданно в открытой машине на дороге показался наш командир полка. Увидев нас, он остановился и сказал, что ни от кого больше не требует добираться в Германию. Каждый пусть решает сам. После чего его машина вновь быстро поехала по направлению в Пярну. «...Так, что только зипуны мелькали», – как когда-то говорил сам начальник.

Слова командира полка снимали с нас ответственность. Теперь можно было найти себе гражданскую одежду и разойтись по домам. Мы остановили повозку на обочине дороги

и преклонили колени пред Господом. После молитвы двое наших попутчиков получили ясность, что им следует идти домой. Я же по-прежнему, вверяя себя Божьему водительству, чувствовал необходимость идти в Пярну. Больше всего меня удивило решение Каура. Он наклонился, взял горсть земли, насыпал её в мешочек, висевший у него на груди, и сказал мне: «Я пойду туда, куда пойдёшь ты». С этого момента на мне лежала ответственность за две судьбы.

Пярну

До Пярну мы добрались, когда уже стемнело. Город выглядел совершенно пустым. Большинство его жителей, вероятно, бежало. Немцы уничтожали лучшие здания. Мы оказались перед театром «Эндла» как раз в тот момент, когда первые языки пламени охватили его крышу. Никто пожар не тушил. На посту стоял солдат в необычной форме. Оказалось, что он доброволец из Голландии. Горящий театр окрашивал его лицо в красный цвет. Он стоял молча. О чём он думал?

В порту в темноте мы никого не нашли. С рассветом возобновили поиски своего командира. Офицер, руководивший эвакуацией, сообщил, что наш адъютант предыдущим кораблём отплыл в Германию.

Путешествие по морю

Я обещал передать чемоданы адъютанту лично в руки. Он должен был ждать меня на мосту в Пярнуском

порту, но не дождался. Таким образом, я был свободен от ответственности. Однако у адъютанта это единственное имущество, всё, что осталось после пожара. А у него семья, маленький ребёнок. Может быть, передать ему эти чемоданы с кем-то из отплывающих в Германию? Но кто захочет их брать с собой и кто будет искать в чужой стране их владельца? Куда же теперь меня вёл путь Царя?

Проблема, разумеется, была не только в чемоданах, но и в нашем с Кауром будущем. Мне подумалось, что если бы Богу было угодно, чтобы я остался в своей стране, то наша встреча с адъютантом бы состоялась. Но поскольку мы с ним не встретились, это, похоже, являлось знаком свыше, чтобы я уезжал.

Каур попрощался со своей лошадкой. Мы с ним сели в небольшую моторную лодку вместе с чемоданами адъютанта, двумя нашими вещмешками и моей старой печатной машинкой «Олимпия». При выходе в море нас встретил порывистый ветер. Каур не только впервые путешествовал по морю, но и вообще видел его впервые. Лодку сильно раскачивало, нас порою окатывало водой. Вера паренька из деревни Хюрси подвергалась серьёзному испытанию. На половине нашего пути к судну, стоявшему на рейде, со стороны Пярну послышался сильный взрыв. Там немцы разрушили лучший мост в Эстонии. Мы подплыли к транспортному кораблю «Вартеланд». С него нам спустили верёвочную лестницу, и мы забрались по ней наверх. Корабль был почти пуст и таковым остался. Он мог бы перевезти намного больше людей. Начальство, по-видимому, рассчитывало, что на судно прибудет весь наш полк.

Всем находившимся на борту раздали спасательные жилеты, но плаванье проходило спокойно. Проблему создавала только морская болезнь. Меня она тоже не обошла стороной. Помню, как я подбежал к леерному ограждению, там меня стошнило. И я приобрёл новый опыт: этого никогда нельзя делать против ветра...

В Гданьске

Наконец мы прибыли в Гданьск, из-за которого формально началась Вторая мировая война. С причала мне помахала рукой знакомая девушка из Тарту. Она организовывала отправку немногочисленных гражданских лиц в центральную часть страны.

Военные размещались в сельской местности неподалёку от Гданьска. Я сразу же приступил к поискам своего адъютанта. Вскоре выяснилось, что он находился совсем близко от нас. Взяв чемоданы, я отправился к нему. Нашёл его в тесной мансарде у одного крестьянина, где он с трудом помещался с женой и ребёнком. Трудно сказать, кто из нас был тогда счастливее – я, отдающий чемоданы, или он, их принимающий... Вскоре выяснилось, что из всего нашего полка до Германии добрались совсем немногие.

Я использовал свободное время для знакомства с окружающей местностью и её обитателями. В деревне находилась католическая церковь. Я посещал богослужения и порою заходил в церковь просто так. Её двери, по католической традиции, всегда были открыты. Затем я последовал чьему-то совету и посетил священника. Я пришёл к нему с искренним желанием больше узнать о Боге и рассказать о своём духовном опыте. Меня радушно приняли и поведали о множестве достоинств католической церкви и лишь совсем немного о Христе. Я уходил от священника с тяжёлым сердцем, напоследок пожелав ему Божьего благословения. Он же крикнул мне вслед: «Желаю вам скорее дослужиться до капрала!»

В оправдание этого священника нужно сказать, что в гитлеровской Германии все опасались доносов. И кто

знает, не испугался ли священник и меня. Поэтому его необычное пожелание мне могло быть продиктовано страхом перед Гитлером и Гиммлером.

Однажды в поезде на Гданьск я встретил интересного человека. Я тогда читал в купе Библию. Женщина лет сорока, сидевшая напротив меня, вдруг спросила: «Разумеешь ли, что читаешь?» Мы обменялись с ней парой фраз, она дала мне свой адрес, и вскоре мы с ней встретились. Эта женщина была увлечённой исследовательницей Библии, которую отпустили на пару дней из лагеря домой к своему ребёнку. Я попросил её, чтобы она разъяснила мне своё учение. Оно преимущественно заключалось в том, что любая власть от дьявола, истинные верующие не должны подчиняться государству. В условиях того времени это звучало довольно убедительно, потому что если когда-то на земле и существовала власть от дьявола, то это было при Гитлере. И хотя я не мог признать учение этой женщины правильным, ей следовало отдать должное: передо мной был мужественный человек, который скорее бы умер в Равенсбрюке¹, чем поддержал Гитлера.

Жизнь в Германии в то время вызывала у меня большие переживания. В пригороде Гданьска я видел работавших на улице еврейских женщин со звездой Давида на спинах. Как мне хотелось доставить им радость, которую я сам испытал недавно на улицах Таллина, когда меня кто-то поддерживал добрым словом! Как мне тяжело было видеть на себе немецкую военную форму! Я мечтал о том времени, когда падёт этот преступный режим.

В поезде столкнулся с ещё одним новым для себя явлением. Я стоял в переполненном вагоне, как вдруг двое молодых людей моего возраста встали и предложили мне сесть. Я отказался, но они продолжали стоять. Я недоумевал, в чём дело, и тут выяснилось, что они поляки. А полякам в то время запрещалось сидеть в присутствии

---

¹ Большой женский концентрационный лагерь в нацистской Германии.

стоявшего немца. Едва ли не силой заставил их сесть и с радостью объявил им, что я эстонец!

Нойхаммер

Вскоре наш отдых закончился. Мы получили приказ о передислокации в Нойхаммер, в Нижнюю Силезию. Там находился большой военный лагерь, где формировался эстонский батальон. Какое-то время ушло на выяснение того, сколько всего эстонцев добралось до Германии. Те из них, кто передвигался по береговой полосе, прибыли последними и выглядели жалко. Не все из пливших по Балтийскому морю тоже были благополучны. Многие и вовсе не добрались до цели.

В Нойхаммере выяснилось, что офицеров в Германию прибыло значительно больше, чем рядовых. Поэтому сформировали офицерский резерв. В него вошли триста человек: один полковник, пять подполковников, два десятка майоров и основная масса – младшие офицеры. Моего командира полка и адъютанта тоже зачислили в резерв, вероятно, из-за того, что они плохо справились с переправкой своего подразделения в Германию. Мои бывшие командиры рекомендовали меня, и я стал переводчиком офицеров запаса. При этом мне удалось взять с собой и Каура.

Судьба офицеров запаса была незавидной. Немцы не знали, что с ними делать. В эстонские части столько командиров не требовалось, командовать немцами их не брали, к тому же большинство из них не владело немецким языком. Командование даже всерьёз рассматривало вариант о разжаловании эстонских офицеров в рядовые, чтобы затем было удобнее их использовать. Но этого по каким-то причинам не произошло.

Мы с Кауром жили спокойно и беззаботно. Единственную проблему создавало скудное питание. Зато сердце моего друга наполнялось благодарностью всякий раз, когда он видел из окна своей уютной комнаты солдат на плацу, изо дня в день маршировавших в традиционном прусском стиле.

В комнате офицеров запаса мы жили вчетвером. Кроме нас с Кауром там были ещё парикмахер из Йыхви и шестидесятилетний офицерский денщик из Каневи. Помню рассказ парикмахера о том, как йыхвиские девушки приходили к нему на электрозавивку и как при этом трещали вши у них в волосах.

Мои мысли всё время возвращались домой, к моим родным и близким. Иногда в радиоприёмнике нам попадались едва слышимые передачи из той страны, в которой навсегда осталось наше сердце. Где сейчас мои друзья из камеры № 42 и из лагеря в Хийу? Живы ли они?

Однажды я получил письмо от мамы. Она сообщала, что смогла добраться до Швеции, и советовала мне ехать туда при первой же возможности.

Лёжа в своей комнате, мы мечтали о том времени, когда закончится война. Каур открыл мне своё заветное желание: «Хотелось бы поехать в Выру и выучиться на портного...»

У других обитателей нашего лагеря жизнь была не столь хорошей: еды мало, а учений много... Поскольку восточный фронт уже трещал по швам, нашу дивизию стремились сделать боеспособной в короткий срок.

На территории лагеря можно было ещё встретить некоторых «дам». Они ходили поодиночке, одетые в дорогие кожаные пальто. Эти женщины были из легального публичного дома, расположенного в нашем лагере. Они приехали из оккупированных Германией территорий. Как-то я проходил мимо борделя в его рабочие часы. У дверей стояла очередь из полусотни сквернословивших и пошло шутивших солдат, тоже представителей новой Европы...

Время

В лагере находилась небольшая церковь. В ней было два алтаря. Один для католиков, другой для лютеран. Лютеранам проповедовал пожилой пастор Гершвиц. Я попросил у него какую-нибудь духовную литературу, и он принёс мне книгу Джона Буньяна «Путешествие пилигрима». Это произведение автор написал во время своего долгого тюремного заключения. Я уже давно хотел почитать эту книгу. В тот период я переживал необъяснимый духовный кризис. Моей душе словно чего-то не хватало, но я не мог понять, чего именно. Я взял в руки книгу Буньяна в надежде, что с её помощью преодолею кризис.

Уже первые строки этой книги заставили меня задуматься: Христианин, главный герой, читал Евангелие, и на его плечи легла тяжёлая ноша. У меня же всё было наоборот: читая Евангелие, я становился счастливым и свободным. Что же это за ноша? Чем больше я читал Буньяна, тем яснее мне становилось, что со мною всё-таки что-то не так.

Гнетущее чувство было настолько сильным, что я выпросил себе трёхдневный отпуск и решил съездить в единственный ещё не повреждённый в то время в Германии знаменитый город, возлюбленный музами, – в Дрезден. Время поездки спланировал, чтобы оказаться там как раз в свой день рождения. На тот момент я уже две недели по-детски просил у Бога себе подарок, не что-то конкретное, а на Его усмотрение.

В Дрезден прибыл поздно вечером, переночевал в солдатской казарме. И вот наступило утро дня моего рождения – 6 декабря. Все предыдущие дни рождения (за

исключением проведённого в тюрьме) я праздновал со своей милой мамой. Утром, открывая глаза, я каждый раз находил у своей кровати столик с горящими свечами и подарками. А сегодня я проснулся на чужбине, в неизвестном мне городе, среди незнакомых людей. Но и здесь меня ждал удивительный подарок, приготовленный любящим Отцом.

Едва я утром открыл глаза, как впервые в жизни ясно ощутил свою греховность. И тут же почувствовал на себе то бремя, о котором читал в книге Буньяна. Это был груз моих грехов. Начало моей веры было связано с радостным обращением к Иисусу Христу, но по-настоящему к глубокому духовному источнику я приблизился только сейчас. Конечно, с богословской точки зрения, я знал, что грешен. Однако, начав новую жизнь в Господе, с её истинной радостью, миром и чистотой, я совершенно перестал беспокоиться о своих грехах. И вот теперь я ощутил, как серьёзно к этому относится Бог. Прегрешения всей моей жизни мгновенно всплыли в памяти.

Самое первое из них уходило в раннее детство. Мне было шесть лет. Мы с соседом рассматривали его альбом с марками. Когда я собрался идти домой, то незаметно засунул себе в носок несколько понравившихся мне марок. Я хорошо их запомнил: одна с синей птицей, другая с красным щитом, ещё большая коричневая и та, что на тонкой бумаге, белая... Так я поступил с человеком, который мне доверял... Хотя это было единственное воровство в моей жизни, стыд за него сопровождал меня до сих пор.

Позднее были и другие грехи. Грубые слова, сказанные в гневе любимой маме в подростковом возрасте. Нечистые мысли, которые подпитывались книгами сомнительного содержания. Помню, как мама однажды отправила меня на каникулы в Тарту в семью одного профессора, чтобы я мог постажироваться у него в лаборатории и в музее. Мне было тогда приблизительно тринадцать лет. Я там

занимался тем, для чего меня послала мама, но не только. В библиотеке профессора я нашёл иллюстрированный многотомник *Geschichte der erotischen Kunst* («История эротического искусства»). С большим интересом я изучал страницу за страницей, сидя один и постоянно пребывая в страхе, что меня застанут за этим занятием. Те картинки запечатлелись в моей памяти и затем годами мучили меня.

Все эти и многие другие воспоминания теперь с новой силой обрушились на меня, умножая тот тяжкий груз, который я уже физически ощущал на себе. Я понимал, что болен, мне был нужен врач.

В Дрездене я никого не знал, поэтому решил взять телефонный справочник и попробовать найти в нём людей, которые могли бы мне помочь. Я остановился на слове *christlich*, то есть *христианский*. С этим словом в справочнике нашёлся целый ряд наименований. Больше всего мне понравилось название *Christlicher Männerverein Sachsen* («Христианское мужское общество Саксонии»). Моё дело серьёзное, подумал я, здесь нужна помощь мужчин. Я записал адрес данного общества и отправился на его поиски. Найти его было не так просто, потому что это оказался адрес обычной квартиры. Наверное, здесь живёт председатель этого общества, решил я. Дверь мне открыл хозяин, и с первого взгляда стало ясно, что все мои старания оказались напрасными. Этот милый христианин попыхивал трубкой, а на столе стояла недопитая банка пива. Я, конечно, должен был как-то объяснить свой приход, но наш разговор получился коротким. На выходе добродушный хозяин сунул мне в руку какую-то брошюру, некую компиляцию из слов Геббельса и учения Христа.

Какие только организации в мире ни прикрываются словом «христианский»! Больше к телефонному справочнику я не стал обращаться. Однако мне запомнилось увиденное в нём название улицы: *Zinzendorferstrasse*. Имя

Цинцендорфа, основателя общины моравских братьев, мне дорого, и я подумал, что если некая улица называется его именем, то, возможно, на ней расположено что-то действительно христианское. И вот я отыскал эту улицу и пошёл по ней.

По правой стороне находился магазин духовной литературы. Далее, по левой стороне улицы, показалось большое четырёхэтажное каменное здание с вывеской «Городская миссия». Я остановился. В памяти ещё было свежо моё недавнее

разочарование. Передо мной возвышалась холодная серая громадина. Я представил себе такие же чиновничьи души внутри этого здания. Но тут мой взгляд остановился на словах, написанных над дверью: GOTT SEGNE DIESES HAUS UND ALLE, DIE DA GEHEN EIN UND AUS¹. Да, это именно то, что мне необходимо, – Божье благословение! И я, склонив голову под это благословение, вошёл в дверь с молитвой.

Первым я действительно встретил канцелярского служащего, но он приветливо проводил меня туда, откуда доносилась детская рождественская песня. Меня там окружила ватага ребятишек, которыми руководила немолодая диакониса в чёрном чепце. Меня пригласили сесть, и я какое-то время пел вместе с малышами. Вскоре

Дом городской миссии в Дрездене.
«Боже, благослови этот дом...»

¹ Боже, благослови этот дом и всех входящих и выходящих (нем.).

урок закончился, детям помогли одеться, и одна из сестёр ушла вместе с ними. Меня же диакониса повела в свой кабинет. Когда мы туда вошли, она плотно прикрыла дверь. И я понял, что попал к настоящему священнику.

Это была Густава Риттер, женщина приблизительно шестидесяти лет. Она говорила на двенадцати языках. Но главное – она понимала тот язык, на котором в тот момент взывало к небесам моё сердце. Прежде чем я начал рассказывать ей о своих трудностях, Густава матерински положила свою руку на мою и сказала: «Молодой человек, я знаю, что вас беспокоит!» И затем точно назвала то, что более всего меня мучило. Мне сразу стало ясно, что я имею дело с человеком, который близок к нашему Небесному Отцу.

Я вновь хотел что-то сказать Густаве, но она и на этот раз опередила меня и дала совет: «Вам нужно подойти к какому-нибудь опытному служителю, брату, и открыть ему всё, что вас тревожит. Тогда вы освободитесь от бремени!» Затем Густава спросила меня, где я живу. Я назвал место своего нового пребывания, приблизительно

Густава Риттер (стоит в центре)

в двухстах километрах от Дрездена. Сестра Густава тут же отыскала для меня адрес одного лютеранского пастора, который жил в двадцати километрах от лагеря Нойхаммера. На прощание она подарила мне в честь моего дня рождения настоящую библиографическую редкость. Это было первое издание песенника *Talle Kiitus* («Хвала Агнцу») на эстонском языке, с нотами, в кожаном переплёте. С этим сокровищем в руках и невыразимой радостью в сердце я вышел из дверей Городской миссии, под той же благословляющей надписью. В отношении меня чудесные слова над входом в это здание оказались абсолютно верными.

В Дрездене у меня оставалось ещё одно дело: я должен был занести железный крест, награду писца Мюллера, моего коллеги, к нему домой. Мюллер получил крест за то, что осмелился в Вильянди один день побывать на фронте. Хватило ли у него храбрости сделать хоть один выстрел, я не знаю. Разумеется, я не хотел омрачать радость его родителей и оставил все комментарии при себе. Родители больше всего радовались тому, что их сын вернулся живым и невредимым из Эстонии. Как много Мюллеров к тому времени уже обрели кресты деревянные...

Родители моего коллеги жили в небогатом доме на окраине города. Однако окно перед их входом было красиво расписано в витражном стиле. И эта единственная деталь делала весь их дом более праздничным и величавым. Сколько драгоценного было в этом ничтожном!

Мои впечатления о произведениях искусства в Дрездене, к сожалению, ограничились тогда этим скромным витражом, на остальное не хватило времени. Мой день рождения заканчивался, и я с богатыми духовными дарами возвращался в Нойхаммер, напевая гимны из своего нового песенника.

По возвращении в лагерь я хотел при первом же удобном случае отыскать того пастора, чей адрес мне дали

в Дрездене. Однако это оказалось невозможным: положение на восточном фронте настолько ухудшилось, что из лагеря никого не выпускали по личным делам. Так я вновь остался наедине со своим грузом, и он с течением времени становился всё тяжелее. С затаённой сердечной грустью я отпраздновал Рождество и в таком же состоянии вступил в новый год.

Между тем вокруг меня происходили немаловажные события. Из-за ситуации на фронте всюду сокращали состав штабов. Это новое веяние коснулось и моего дорогого друга Каура. Мы с ним обнялись в последний раз, и он с большим солдатским вещмешком за спиной ушёл в неизвестность. Мне было особенно тяжело оттого, что Каур отправился на фронт без подготовки...

А в моей жизни произошёл другой поворот. В штабе дивизии срочно понадобился переводчик, и меня направили туда. Начальство интересовалось, сколько языков я вообще знаю. Затем меня назначили в дивизионное отделение связи. В штабе я услышал: в связи со скорой отправкой нашей дивизии на фронт Гитлер пообещал, что Эстония получит независимость...

Я впервые поселился в казарме. Это сулило не лучшие перемены в моей жизни. Раньше я всегда жил вместе с офицерами, они общались со мной на равных. Теперь же я попал в подчинение обычному немецкому ротному фельдфебелю.

Первая неприятность обнаружилась уже утром: нужно было заправлять постель. Мои немецкие сослуживцы (среди связистов у нас преобладали немцы) делали это просто мастерски. Кровати у них получались плоские, как доски. Мою же постель фельдфебель раскидывал раз за разом, и я должен был возиться с ней до тех пор, пока он мило-стиво не согласился принять мой первый результат.

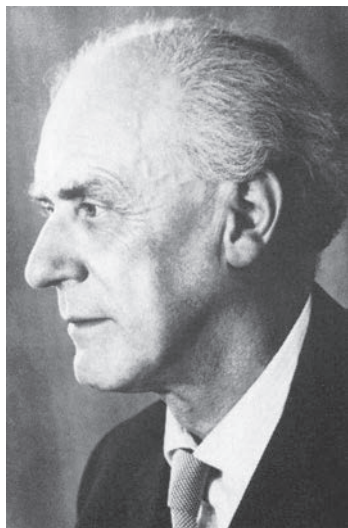
Второй неприятностью стал мой шкаф. В нём я красиво расставил полдюжины своих Библий, необходимых

мне для совершенствования в иностранных языках. Первым побуждением фельдфебеля было выбросить из моего шкафа всю христианскую литературу (эсэсовцам, помимо прочего, запрещалось ходить в церковь). Я робко выразил протест, и, к моему удивлению, все книги остались на месте. И всё равно новая служба не предвещала мне ничего хорошего.

Основной же проблемой по-прежнему оставалось моё духовное состояние. Бог открывал всё нечистое и греховное в моей жизни. Моя душа стремилась освободиться от тяжкого бремени. И всё это происходило в атмосфере ежедневного ожидания отправки на фронт.

Я послал письмо Густаве Риттер, в котором рассказал ей о моих переживаниях. От неё пришёл ответ, что в нашем лагере должен находиться лютеранский пастор из Берлина Ханс Бранденбург и мне стоит поговорить с ним. Вскоре я действительно встретил этого человека в одном из офицерских барачков, и мы договорились с ним о встрече.

Тот вечер навсегда остался в моей памяти. Когда я шёл на встречу с пастором, моя душа уже была готова к покаянию. Однако меня тяготил один грех, в котором мне стыдно было признаться. Я остановился на пути, отошёл в сторону, под сосны, и попросил там у Господа духовной силы. И тотчас ощутил в душе твёрдое решение: всё или ничего, сейчас или никогда!

Ханс Бранденбург –
мой крёстный отец

Я пришёл к Хансу Бранденбургу так, как некогда грешница подошла к Иисусу в доме фарисея. У меня не было другого желания, как только избавиться от внутреннего бремени. Я без всяких предисловий изложил пастору суть своей духовной проблемы. Он выслушал меня молча, но с искренним сочувствием. До сих пор помню набухшую жилку на его левом виске. Я исповедовал всё, ничего не скрывая. Затем мы вместе с пастором преклонили колени перед милосердным Богом. И я ощутил силу евангельских слов: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1:9).

Мой обратный путь в казарму трудно описать. Выпал свежий снег. Всё вокруг меня сияло чистотой и белизной. Но было нечто ещё белее и чище – то, что находилось внутри моего раскаянного сердца. Останусь живым или погибну – не столь важно, это сильное светлое чувство прогоняло страх.

Через два дня нашу часть отправили на фронт.

На фронте

Эстонскую дивизию направили в Верхнюю Силезию, туда, где когда-то сходились границы Чехословакии, Польши и Германии.

Моя часть располагалась в нескольких километрах от линии фронта. Поскольку у меня не было никаких технических навыков, мне не так просто оказалось подыскать занятие. Единственной моей обязанностью тогда, достойной упоминания, стала перематка кабелей. Вероятно, меня привезли сюда для того, чтобы я прослушивал радиосообщения на иностранных языках. Однако

адъютант командира дивизии, который планировал эту работу, похоже, обо мне забыл, а я ему не напоминал. Главное, я чувствовал в своём сердце, что не забыт моим Царём. Если я Ему понадобится в другом месте, Он меня туда направит.

Ротному фельдфебелю доставляло большое удовольствие едва ли не каждый день выкрикивать: «Arder, Kartoffeln schälen!»¹

Однажды ночью в метель нам пришлось выкапывать застрявшую в снегу немецкую машину и расчищать для неё длинный путь.

В другой раз я получил от фельдфебеля особое задание: командир дивизии отправился на охоту, и мне вместе с ещё двумя солдатами поручили роль загонщиков. Мы должны были идти с одного конца леса, громко крича, в то время как наш командир поджидал зверя с другой стороны. Мы с трудом пробирались по глубокому снегу и кричали во всё горло, но толку от этого было мало. В этот момент я представил себе старые поместья, принадлежавшие моим предкам, и то, как они охотились, вероятно, тоже загоняя зверя.

Вскоре у командира дивизии появились более важные дела, чем гоняться за косулями. Мы получили приказ об отступлении и двинулись вглубь страны. Всё больше жизненной правды обнаруживалось тогда в популярной эстонской пародии на немецкий гимн: «Deutschland, Deutschland, über alles, pool on läind ja pool on alles»².

Останавливались на ночлег где придётся. Временами нас размещали на хуторах, но чаще приходилось ночевать в брошенных домах в селениях, откуда бежали хозяева. Однажды мы оказались в деревне, где вопрос эвакуации разделил жителей на две равные половины. Тогда все

---

¹ Ардер, чистить картошку! (нем.)

² Германия, Германия превыше всего (нем.), половина потеряна, половина осталась (эст.).

решили поступить так, как скажет уважаемый ими староста. Но тот сам то объявлял, что будет эвакуироваться, то – что он остаётся. И народ не знал, как быть. Как много подобных трагедий происходило в то время!

Деревни, через которые мы проходили, были в основном католическими. Крестьянские комнаты там увешаны изображениями святых. Как-то раз я преклонил колени для молитвы, а в этот момент в комнату вошла хозяйка. Она одобрительно заметила: «Ihr seid fromm!»¹ После чего хозяйка вышла и принесла мне яблоко... Это было мило с её стороны, я ей благодарен. Однако, к сожалению, мы не могли с ней обрести единства в духовных вопросах.

Однажды в одной силезской деревне я встретил францисканского монаха. Я узнал его по простой верёвке, опоясывавшей чёрную рясу. Уважение к Франциску Ассизскому, отказавшемуся от богатства в пользу бедности, пробуждало во мне надежду на духовное общение и с человеком, носившим его имя. Я спросил монаха, где он живёт, и он пригласил меня в гости. В ходе беседы выяснилось, что он временно служит священником в этой деревне. Как только мы уселись за стол, монах приподнял полы своей рясы и вынул из кармана штанов серебряный портсигар. Затем он протянул его мне: «Пожалуйста!» Да, это оказался не самый лучший монах... Он с воодушевлением рассказывал мне о своей толстой богослужебной книге для совершения мессы. Этим его духовный опыт, похоже, и ограничивался.

Утром и вечером я, по обыкновению, молился, где бы мы ни находились. Окружающие люди нередко замечали это и реагировали по-разному. Однажды вечером после молитвы меня ждало испытание. Один здоровенный парень, эстонец, набросился на меня, как только я поднялся с колен. Он схватил меня за горло, с ненавистью тряс и кричал, что терпеть не может сектантов. Однако через несколько дней, проведённых на совместной службе, отношение

---

¹ Вы набожны! (нем.)

этого человека ко мне стало меняться. Оказалось, что с «сектантом» жить можно. Он стал искать возможности заговорить со мной. Однажды вечером этот парень рассказал мне о своей жизни. Когда-то он был известным кулачным бойцом, выступавшим на ярмарках на юге Эстонии. Наибольшей драмой в его жизни стало бездарно потраченное за одну неделю миллионное отцовское наследство. Оставшись без денег, он не мог себе купить в магазине даже селёдки. Душа этого парня тянулась к Богу, и однажды поздним вечером он обратился ко мне с просьбой выйти вместе во двор, чтобы помолиться. При свете луны мы с ним преклонили колени под яблонями в каком-то немецком селении, и этот большой мужчина оплакивал свои жизненные неудачи, как ребёнок.

Трудные испытания побуждали солдат к молитве. Один из наших водителей получил приказ проехать на машине опасный отрезок дороги. Это был здоровяк, весивший не менее 110 килограммов. И вот он накануне своей поездки пришёл ко мне и попросил: «Помолись обо мне!» И тут же сам упал на колени. Когда мы с ним завершили молитву, перед ним на полу осталась целая лужа слёз.

Вскоре ситуация стала ещё более критической: наша дивизия вместе с соседними немецкими частями попала в окружение. Высшее командование для спасения своих лучших подразделений решило пожертвовать остальными. Первые должны были прорываться с боем в указанном им направлении, а вторые – продолжать обороняться на востоке. Я попал в число вторых, малоценных отрядов. В это время я познакомился с русским христианином из Печор. Он отказался брать оружие в руки, чтобы использовать его против своих братьев, дальнейшая его судьба неизвестна. Пока мы стояли в строю перед отправкой на линию фронта, этот христианин неожиданно приблизился ко мне и сказал: «Человек – храм Бога. Можно ли стрелять по храму Божьему?» Не дожидаясь ответа, он отошёл

в сторону. Я же эти слова воспринял как повеление моего Царя. Когда каждому из нас выдали по 15 патронов, я свои тайно высыпал в канаву, чтобы в трудный момент не впасть в искушение.

Мы вышли на позиции, на которых сменили штрафную часть, так называемый «батальон смерти», где солдаты искупали свою вину за какие-то преступления. Их бросали на самые опасные участки. И вот теперь эти люди уступали место нам и не могли скрыть радости, что у них появился шанс остаться в живых.

Вскоре меня послали на замаскированный наблюдательный пункт. Я должен был следить за передвижениями советской стороны. Я прятался за стволом большого дерева, а мой напарник шептал мне, что русские наблюдатели скрываются за одним из соседних деревьев, приблизительно в тридцати метрах от нас.

Советских солдат я пока не видел, но ночью слышал русские песни и шум грузовиков. Утром меня сменили, и я сразу уснул в грязном мартовском снегу, в какой-то яме.

Вдруг меня разбудил ужасный грохот. Спросонья я вскочил во весь рост, стараясь разглядеть лучше, что происходит. Мне крикнули, что это «сталинский оргán», реактивный миномёт «Катюша», и лучше мне, такому-сякому, сию же минуту лечь. «Органный концерт» закончился, но наступления русских за ним тогда не последовало.

Ночью было тихо. Иногда лишь слышались характерные глухие звуки, так сапёры закладывают мины.

Ранним утром, когда было ещё темно, мне и одному пулемётчику дали приказ занять позицию в роще, находившейся на нейтральной полосе, между линиями соприкосновения войск. Попасть туда незамеченными можно было только в тёмное время суток. Как только мы достигли пулемётной точки, мой напарник схватился за живот и стал жаловаться на резкую боль. Эта «боль» становилась у него всё сильнее, так что пулемётчик решил,

что ему срочно нужно к санитару, чтобы принять лекарство, иначе никак нельзя. И он исчез, оставив на моё попечение пулемёт. Вскоре рассвело, и дорога обратно была для меня закрыта...

Я осторожно выглянул из своей ямы и увидел неподалёку русских в окопе. Не зная, как быть, я доверился Богу и решил спать, свернулся калачиком и вскоре действительно заснул спокойным сном. Когда же вновь стемнело, я смог незаметно вернуться в свою часть.

Затем началась советская атака. Основной удар пришёлся на соседнее подразделение. Это была как раз та рота, в которой находился мой друг Каур... При отступлении мы вскоре встретили одного беглеца, который сообщил, что из всей соседней роты в живых остались только три человека. Трудно сказать, говорил ли он правду или просто оправдывал своё бегство с позиций.

Мы отступали. Попытались на какое-то время закрепиться вдоль дороги, проходившей в той местности. Но затем пришёл приказ занять ближайший комплекс зданий, чью-то старую усадьбу. Здесь планировалось оказать более серьёзное сопротивление русским. Нас обстреливали из миномётов. Один из взрывов раздался на крыше здания, совсем близко от меня. Я временно оглох, меня обсыпало кирпичной крошкой, но, к счастью, серьёзно не пострадал. В сердце у меня был удивительный покой. Я ходил в полный рост там, где другие передвигались ползком. Но что было бы со мной, если бы мой прежний духовный груз остался на сердце?

Русские занимали дом за домом. Мой командир заметил, что я не стреляю. Пришлось объясниться. Конечно, был риск, что со мной поступят по законам военного времени. Но я верил, что однажды настанет день, когда я должен буду посмотреть в глаза русских матерей. В тот момент я тоже исполнил волю своего Царя, и Он позаботился обо всём остальном.

Фельдфебель, выслушав меня, неожиданно велел мне доставить одного раненого на перевязочный пункт. Я с радостью пошёл выполнять этот приказ. Когда мы с раненым прибыли на место, санитарный обоз уже собирался отходить дальше от линии фронта. Мне предложили отступать вместе с ранеными, но я не мог на это согласиться. Когда я вернулся на передовую, мой командир был приятно удивлён.

Русские продолжали наступать. Один из них подбегал уже к соседнему дому. Фельдфебель приказал нам идти в контратаку. Я пошёл вместе со всеми солдатами. Бежал в наступление с оружием без патронов, но кричал утрашающе, как только мог.

Наша контратака, по-видимому, произвела впечатление, что в усадьбе закрепилось крупное подразделение. Поэтому до темноты нас больше никто не беспокоил, а под покровом ночи мы ушли, оставив в усадьбе одного погибшего парня, окончившего Таллинское реальное училище. Мы отступали в темноте, идя вереницей друг за другом. Я едва различал светлый ящик с пулёмётными патронами на спине солдата, шедшего впереди меня. Не успели мы ещё далеко отойти от усадьбы, как она оказалась под огнём мощных орудий. И мы долго ещё слышали, как русские громили пустую усадьбу, где остался лишь труп эстонского юноши. Моё сердце горевало о нём. Почему он должен был умереть, за что? Неужели за эту немецкую усадьбу?

Между тем кольцо окружения сжималось. Мы уже нигде долго не задерживались. Сначала отходили спокойно, затем шли быстрым шагом, а под конец бежали со всех ног. Чем глубже мы оказывались в котле, тем плотнее друг к другу шли отступающие войска. Все стремились поскорее выбраться из этого пекла! Со всех сторон нас теснили русские. С большим трудом удалось преодолеть одну равнину. По её краям находились советские реактивные миномёты, сеявшие повсюду смерть. Один эстонец

радовался, что где-то раздобыл себе лошадь. Однако очередной взрыв накрыл этого парня, и он, раненый, что-то кричал под убитым бедным животным. Мы ничем не могли ему помочь и под ураганным огнём бежали дальше, оставляя убитых и раненых.

Физическое напряжение было столь велико, что мой вещмешок превратился в непосильную ношу. Мне пришлось бросить его. Так закончились странствия столовых ложек моей бабушки. У меня сохранилось только несколько книг, которые я когда-то засунул в карманы. Конечно, вместо вещмешка я мог выбросить свою винтовку. Она к тому времени уже была в таком состоянии, что из неё едва ли возможно было стрелять. Но солдат без оружия выглядел бы подозрительно. Под конец я так устал, что освободился даже от ремня, но на мне ещё были некоторые тяжёлые вещи. Особенно мешала винтовка.

Отступая, мы брели по полям и просёлочным тропам. Все основные дороги были забиты обозами. Их бесконечная вереница едва продвигалась вперёд. Здесь были и грузовики, и легковые автомобили, и санитарные повозки, запряжённые лошадьми, крестьяне со своими жёнами, детьми, домашним скарбом. Все они являлись лёгкой мишенью для снарядов. О попаданиях в цель можно было узнать по разлетающимся обломкам транспортных средств и отчаянным крикам людей. Вероятно, в этой веренице где-то стояла и та машина с ранеными, с которыми предлагали ехать и мне. Вскоре мы узнали, что командир нашей дивизии погиб при попытке вырваться из окружения, предположительно от прямого попадания артиллерийского снаряда в его машину.

А мы, кого командование бросило на произвол судьбы, кто должен был погибнуть, отвлекая русских от элитных воинских частей, живы до сих пор.

Вечером мы наткнулись на большой отряд эстонцев. Они сидели, словно воробы, на склоне горы. В их отряде

сохранялся относительный порядок. Конный гонец скакал по округе, созывая всех отступавших эстонцев. Командир Ребане старался сделать их отход более организованным. Даже для немцев из нашей дивизии его имя стало авторитетным. Они повторяли: «Ребане, Ребане!»

С наступлением темноты наш сводный эстонский отряд продолжил движение. Мы шли, соблюдая тишину. Только глина чавкала под ногами, когда мы переходили через какое-то поле. Ноги там увязали, словно в болоте. Рядом со мной пытался не отставать раненный немец. Он не мог идти без посторонней помощи, однако его друзья быстро уставали. Я в последний раз взглянул на свою винтовку и решительно воткнул её стволом в грязь. Дальше мы пошли с немцем вдвоём.

После преодоления этого бесконечного поля мы шли по лесной тропе. Она была узкой, поэтому мы двигались по ней вереницей. В пути мы не раз останавливались, и тут появлялось искушение лечь и уснуть. Несколько раз я засыпал прямо в движении, на ногах, — оказывается, это возможно! Некоторые солдаты уже не могли бороться с усталостью и ложились спать прямо в лесу, полагаясь на удачу. Та группа солдат, с которой шёл я, тоже в какой-то момент отстала от шедших впереди нас командиров. Тут сразу выяснилось, что мы совсем не умеем ориентироваться в лесу. К счастью, на нас вскоре вышел шедший в одиночку эстонский офицер, у которого имелась карта этой местности и компас. Под его начальством наша небольшая группа смогла не только выйти из леса, но и отыскать небольшое селение. Смертельно уставшие, мы свалились спать на мансарде одного из крестьянских домов.

Когда я проснулся, то сразу почувствовал, как сильно у меня болят ноги. Сняв сапоги, обнаружил на правой ноге мозоль диаметром едва ли не в десять сантиметров. Было ясно, что вновь надеть свою обувь я уже не смогу. Я прошёлся

по пустому дому и нашёл себе старые резиновые галоши. В них я смог продолжить путь.

Вскоре мы встретили командира нашего отряда и основную группу солдат. Приободрившись, вместе двинулись по направлению к югу. Перед нами предстали Судетские горы. Здесь чувствовался совершенный покой. Вдали виднелась деревушка с церковью, на склоне горы на солнце уже было совсем тепло. Я с удовольствием потянулся и вдохнул запах наступившей весны. Наш командир где-то по дороге подобрал скрипку и теперь сел с ней рядом со мной. Он чудесно сыграл мелодию из «Песни Сольвейг»¹. Слушая её, мы словно побывали в ином мире!

Вскоре остатки нашей дивизии собрались вместе. Из них командование планировало сформировать новое боеспособное подразделение. Гитлер напоследок пытался уничтожить всё, что только возможно. Мы находились тогда на постое в Кирхберге и видели маршировавших подростков в военной форме. Такой была последняя мобилизация Гитлера. И этих подростков направляли туда, откуда мы недавно пришли...

Вскоре новые подразделения были сформированы. Мы вновь ожидали отправки на фронт. Прошёл слух, что некоторые эстонские офицеры вступили в контакт с чехами. Немцы в нашей дивизии чувствовали себя уверенно. У эстонцев же на всякий случай отняли автоматы.

Пришло сообщение, что Гитлер в Берлине пал смертью храбрых, защищая Рейхстаг. В городе устроили мемориальное шествие, на котором немцы маршировали в одной большой колонне, при этом у них за спинами были автоматы, а на рукаве у каждого – траурная лента.

Командующий группой армий «Центр» Ф. Шёрнер отдал приказ всем подразделениям «сражаться до конца».

---

¹ «Песня Сольвейг» из сюиты Э. Грига «Пер Гюнт» (к одноимённой пьесе Г. Ибсена).

По-видимому, он хотел прославиться как последний солдат Второй мировой войны. Наши подразделения действительно двинулись в сторону фронта. Но вскоре эстонские командиры приказали нам вновь повернуть на запад.

Мы в очередной раз слились с огромной лавиной беженцев. Отступали жители Судет, среди которых можно было заметить и освободившихся военнопленных из западных стран. Они несли в руках флажки своих государств, чтобы им никто не причинил зла и не отождествлял их с немцами.

Часть пути я проехал на лафете артиллерийского орудия. Затем у меня появилась возможность перебраться на металлическое дышло, соединявшее прицеп с грузовиком. Однажды я там заснул во время движения и едва не соскользнул под колёса.

Я направлялся в сторону Праги. Была надежда, что чехи поймут наше отчаянное положение и помогут. И вот по дороге всё чаще стали попадаться чешские флаги, а с ними и местные военные. Наконец они остановили нас и потребовали сдать оружие. Мы им беспрекословно подчинились.

В окрестностях Праги мы попросили одного чеха показать нам направление на запад. Он согласился помочь и велел нам спрятаться в машине. Во время движения мы тайком выглядывали из кузова и видели, как первые советские танки входили в город. Народ встречал их восторженными криками.

Наша машина ехала по Праге. Мы надеялись, что скоро окажемся за её пределами. Однако наш проводник вскоре велел всем выйти из машины и идти пешком. Мы послушно последовали за ним. Затем он зашёл в какой-то сад, огороженный металлическим забором, там завёл нас в сарай и неожиданно закрыл. Вот мы и на Западе...

Затем за нами приехали какие-то люди и снова повезли в город, на место сбора военнопленных. Местные

жители, завидев наш грузовик издалека, начинали приветствовать, но когда они имели возможность разглядеть нас поближе, то выкрикивали оскорбления и махали кулаками.

В лагере для пленных уже толпились тысячи военных и гражданских лиц. Это место находилось в черте города, и многие местные жители подходили туда, чтобы поглазеть на нас. Эстонцам досталась площадка неподалёку от входа, поэтому мы становились невольными свидетелями прибытия всех новых пленных. Теперь чехи выплёскивали на них весь свой накопившийся гнев. Один из чешских охранников мне особенно запомнился. Это был коренастый мужик лет сорока в какой-то непомятой форме, с лицом, покрытым испариной. Винтовка с примкнутым штыком висела у него на плече. Он обыскивал вновь прибывших, часто бил их и громко ругался. Ему под руку подвернулся немецкий подросток, вероятно, сбежавший от родителей. Жестокий охранник сначала толкнул его, а затем разбил лицо в кровь своим тяжёлым сапогом. Никогда не забуду тот плач, с которым подросток вошёл в наш лагерь...

К нам привозили и совершенно мирных немецких граждан. Помню, на носилках пронесли мужчину и женщину – они, протестуя, перерезали себе вены. Я подобрал выпавшее у кого-то при обыске Евангелие на немецком языке, отнёс его этой супружеской паре и, как мог, рассказал им о Боге и смысле жизни.

Некоторые пленники, не выдержав издевательств, совершали самоубийства. Какой-то немец подорвал себя гранатой. Вместе с ним погибли ещё несколько находившихся рядом людей. У одного из пострадавших немцев вытекли оба глаза, но сам он остался живым. Помню, как с двумя пустыми глазницами он шёл, опираясь на руку чешского охранника. Эта картина была ужасной, но сама готовность охранника оказать пострадавшему помощь

впечатлила нас. Однако, как только раненого завели за угол, послышался выстрел...

Некоторые женщины за проволочным ограждением вели себя отвратительно. Поощряя мужчин в лагере к жестокости, они показывали пальцами, что кому дать и что у кого взять. Часть отнятых у пленных вещей они получали себе, и это им очень нравилось.

У меня не пропало ничего из того малого, что имелось. Но когда наступила ночь и все пленные легли спать под открытым небом, я вдруг проснулся оттого, что какой-то охранник сорвал с меня рывком моё одеяло и, цинично сказав, что вернёт его утром, ушёл...

9 мая

Война закончилась. Наступил долгожданный мир. Я стоял возле лагерного забора. Цвела сирень. Я отломил веточку и положил её на память между страницами Библии, где прочитал изумительный стих. Я использовал тогда «братский календарь» для регулярного чтения Священного Писания. Библейские стихи на каждый день я выбирал себе, вынимая их из специальной коробки. Туда я предварительно сложил листочки с избранными текстами из Ветхого Завета. В тот день, когда была объявлена капитуляция Германии, если не ошибаюсь, мне выпал стих: *«Так говорит Господь... Я услышал молитву твою»*.

Я попытался взглянуть на этот текст глазами немцев. Просил ли кто-то из них поражения для своей страны? Немногие. Но желали ли они освободиться от Гитлера? Несомненно. И ответом на их молитвы стало то, что произошло. Этот ответ был очень болезненным, но удержал мир от ещё большего зла.

Однако этот стих из Библии мог относиться и ко мне лично. Будучи на фронте, я молился о том, чтобы не попасть в плен. И всё же я в концентрационном лагере. Слышал ли Бог мою молитву? И тут я понимаю, что это была не единственная и не самая главная моя просьба к Господу. Глубочайшим моим желанием, вознесённым к Богу во многих молитвах, было стать похожим на моего Господа Иисуса Христа. Так из одного сердца исходили два желания: с одной стороны, я просил для себя лёгкой жизни, а с другой – схожести со Христом. В этих одновременных просьбах присутствовало явное противоречие. И Господь ответил только на одну, более важную из них. Так я почувствовал в своём сердце, что моя молитва услышана, и обрёл уверенность в том, что мой Царь выбрал для меня правильный путь.

Душа наполнилась радостью и миром. Находясь за колючей проволокой, за лагерным забором, я возликовал духом, подобно тому, как радовались бедные дети в «Синей птице» Метерлинка, глядя через окно на подарки богатых детей¹. Недалеко от нас проходила автомагистраль. Я с интересом наблюдал за оживлённым движением на ней. Прага всё ещё торжествовала, а я думал о том, что ожидает её в будущем.

Майские дни шли своим чередом. В наш лагерь привозили всё новых немцев, количество эстонцев тоже увеличивалось.

Однажды утром наблюдал такую картину: группа пленных немцев, подобно стаду овец, куда-то бежала, подгоняемая чешским охранником. Среди этих немцев я с удивлением увидел своего старого знакомого, строгого фельдфебеля, с формы которого были сорваны знаки воинского отличия. *Sic transit gloria mundi!*²

---

¹ М. Метерлинка (1862–1949), автор философской пьесы-притчи «Синяя птица», посвящённой поиску человеком вечного счастья.

² Так проходит земная слава (*лат.*).

На пути домой

Через несколько дней чехи в лагере объявили о том, что всех скоро отправят по домам. Война закончилась – пора домой! Нам приказали разделиться на группы по национальному признаку. Эстонцы и так всегда держались вместе, немцы же были рассеяны по всему лагерю.

Повсюду вывешивались таблички с названиями стран и городов. Составлялись списки каждой группы. Настроение торжественное: nach Hause – домой! Это самое дорогое слово для пленников.

Выходить из лагеря было решено в тёмное время суток. И вот в ночь на 14 мая длинная колонна пленных отправилась в путь. Первыми шли немцы, с названиями своих родных земель на табличках. Самые забавные таблички (с изображением лошади) были у немцев, шедших последними. Эта группа пленных шла в самом приподнятом настроении. После немцев в алфавитном порядке двигались представители других стран и народов. Впереди нас шла группа эльзасцев, проживавших на востоке Франции, они считали себя истинными французами. Расстояние между группами составляло примерно 50 метров. Эстонцы в количестве трёхсот человек шли во главе с капитаном Ныммиком. За нами шагало ещё множество людей других национальностей. По моим приблизительным подсчётам, вся колонна пленных насчитывала около четырёх тысяч человек. Конвой состоял из чехов.

Мы проходили через спящую Прагу. На выходе из города нам уже встретились первые пробудившиеся ото сна местные жители. Мы предполагали, что нас ведут на железнодорожный вокзал.

Однако всё оказалось не столь радужно. Мы это ясно поняли, став свидетелями ужасной драмы. От группы эльзасцев, шедшей перед нами, стал отставать один пожилой человек. Он был одет в пальто, на спине нёс рюкзак, а в руке – чемодан. Эта ноша была тяжела для него. Но эльзасец, по-видимому, не хотел возвращаться домой с пустыми руками. Кто-то из шедших в начале колонны людей уже бросил прямо на дороге свой солдатский чемодан. И тут эльзасец, обременённый собственной тяжёлой ношей, совершил безумный поступок. Он с жадностью схватил свободной рукой и этот чужой чемодан. Какое-то время эльзасец ещё пытался идти впереди нас, но затем в изнеможении отошёл на обочину, чтобы там немного передохнуть. Он поставил на землю оба чемодана и буквально повалился на них. Ближайший к нам конвоир решил проблему быстро. Раздался выстрел, и одна эльзасская семья уже никогда не дожждётся возвращения домой своего отца.

Когда мы вышли из города с восточной стороны, настроение окончательно упало. Возле дороги, в сточной канаве, лежала мёртвая лошадь, а вдоль нашей колонны бежал лишившийся рассудка немец и с пеной у рта что-то кричал о возвращении домой.

После первого дня пути мы остановились на ночлег у какой-то речки. Нас не кормили. Только начиная со следующего дня, на десять человек выдавали одну ковригу хлеба и немного сыра. Поэтому идти чаще всего нам приходилось голодными, порою даже не имея воды. Жажда была так велика, что некоторые пленные пили прямо из луж. Днём мы шагали под палящим солнцем, а ночью мёрзли, т. к. после заката температура воздуха сильно понижалась. Однажды нам довелось ночевать в болотистой местности, где было очень сыро.

Живот временами сводило от голода. Я срывал на обочине траву и жевал её, утешая себя тем, что мой организм,

по крайней мере, получает какие-то витамины. Капитан Ныммик поделился с нами продуктами из своего рюкзака. Я получил от него небольшую головку сыра. У Ныммика я числился тогда переводчиком и писарем.

Некоторые эстонцы вскоре так ослабели, что их вели под руки. Мы никого не бросали. Все помнили судьбу пожилого эльзасца. Среди нас было четыре женщины: одна шестидесяти лет, две среднего возраста и одна совсем юная. Урве – наша любимица. У неё от усталости однажды начались судороги, ей сделали массаж, и девочке стало лучше. Мы уже готовились к тому, что до места назначения дойдут не все из нас.

Неожиданно ситуация изменилась. Произошла смена конвоя. Чехи отправились назад в Прагу, а нас дальше повели советские солдаты. Ушли те, к кому мы когда-то спешили за помощью, и на их место заступили другие, от которых мы некогда убегали. И это оказалось для нас к добру. Приход русских спас жизнь ослабевших пленников. Больше никого не расстреливали, отношение к нам стало значительно лучше.

Мои глаза слезились, из них выделялась какая-то жидкость, так что временами слипались веки. Ноги были стёрты из-за негодных сапог. Я шёл рядом с молодым земляком, который, хромя, опирался на длинную палку. У него в животе и в ноге застряли чешские пули. Та, что в животе, беспокоила меньше, она вошла неглубоко и нащупывалась под кожей. Но пуля, попавшая в ногу, причиняла юноше серьёзную боль при каждом шаге. Я не мог его оставить (хотя таким, как он, уже не угрожал расстрел), и мы с моим другом постепенно оказались в самом конце колонны. Тут ему понадобилось отойти в придорожные кусты. Я сел на край дороги и ждал его. При этом со стороны можно было наблюдать забавную картину. Ко мне подъехал на лошади русский солдат. В его руке была длинная розга, которой он, улыбаясь, размахивал.

А я от этой розги ловко уклонялся. Мой друг громко захохотал из кустов, и русский солдат, не сдержавшись, засмеялся вместе с нами. Я вспомнил о розгах Петра Великого¹ и подумал, что и таким методом в жизни чего-то можно добиться.

Наконец мы добрались до Брно. За восемь дней колонна пленных преодолела 230 километров. В Брно мы остановились около ворот нового лагеря. Офицерам было приказано отойти в сторону. Капитан Ныммик вместе с другими покинул нас. Остальных по группам стали запускать в лагерь. Подошла наша очередь. Советский офицер спросил, кто мы такие. Поняв, что перед ним эстонцы, возникла заминка, а затем нам тоже велели отойти в сторону. Остальных пленных пропустили в лагерь. Мы в волнении ждали своей участи. Нас повели в ближайший дом. Там находилось несколько советских офицеров, которые спросили наши имена, а затем неожиданно объявили, что мы свободны.

Удивление, радость, огромная благодарность! Русские, улыбаясь, нас отпустили. Мы вышли на улицу. Пошли по городу – так странно было снова ощущать себя вольными людьми! Стали обсуждать, что делать дальше. Самое страшное было уже позади. Пока между нашими лидерами шла бурная дискуссия, я решил просить совета у своего Царя. Присел на край тротуара. Сердце наполняли разные мысли... Хотелось повидаться с мамой. Её последнее письмо я носил в кармане... Хотелось и попутешествовать. Можно было попросить у верующих в Брно гражданскую одежду и затем поколесить по Европе. Сейчас всюду полно таких, как я. О себе можно было бы говорить как о бывшем узнике фашистского концлагеря... И ещё рвануть бы в Грецию!.. А уже оттуда – домой. Такие у меня тогда были мысли. Я не решался сделать выбор и продолжал вопрошать своего Царя. Во время этой молитвы ко мне подошёл

---

¹ Розги при Петре I считались «лёгким наказанием» и применялись в основном к юным преступникам.

эстонец по фамилии Лаантее, родом из Эльвы, и сказал: «Мы решили возвращаться домой. Мы ничего плохого не сделали, но идти одни боимся. Будь нашим переводчиком!»

И в этот момент мне стало совершенно ясно, куда мой Царь меня направляет. Моё сердце тут же устремилось к дому.

Я протянул руку Лаантее, и мы с ним подошли к группе наших земляков, которых насчитывалось около пятидесяти человек. Я спросил, является ли возвращение на родину их личным и твёрдым решением, чтобы потом никто не жаловался и не говорил, что его принудили или как-то заманили. Все дружно подтвердили свою решимость идти домой. Я согласился быть их переводчиком в пути и взял общее руководство на себя. Когда другие эстонцы увидели воодушевление нашей группы, к нам тут же присоединилось ещё около ста человек. Остальные ещё сомневались и продолжали совещаться.

Я отыскал старшего советского офицера возле лагеря и спросил у него совета, в каком направлении нам лучше двигаться дальше. Он посоветовал нам ехать в Братиславу и обратиться за помощью по определённому адресу. На вопрос, как быть, если нас по дороге задержат, офицер вырвал из своего блокнота страницу и написал на ней пару строк. Этот листок стал для нас пропуском в данной местности.

По пути на железнодорожный вокзал нас действительно остановил советский патруль. Я предъявил свой «документ», и нас тут же пропустили!

Прибыв в Братиславу, отправились на поиски указанного нам места. Подошли к двухэтажному дому. В его открытых окнах увидели девушек. Кто-то из нас жестами показал, что мы голодны. Девушки ненадолго исчезли и вернулись с булками хлеба, которые стали бросать нам из окон. Оказалось, что этот дом являлся местом сбора для девушек, депортированных из Советского Союза. В основном

они были русские. Вскоре весь этот девичий дом наполнился весёлой суетой: под окнами эстонцы, свои!.. Наверное, весь свой запас хлебобулочных изделий девушки сбросили нам сверху, это была для нас тогда поистине небесная манна. Эти девушки знали, что такое голод. Они также знали, сколько боли и горя причинили их стране люди, носившую такую же форму, какая была надета на нас. Но это их не остановило, они по-детски радовались, что могли кому-то помочь.

Возникла проблема с распределением подаренного нам хлеба: кто-то набрал себе много, а кому-то ничего не досталось. Я отдал приказ расстелить плащ-палатки и сложить на них весь хлеб. Голодным людям это было сделать нелегко, но все подчинились, кроме одного рыжеволосого, который пытался сделать вид, что у него ничего нет (хотя его «пышные формы» выдавали утаённое). Весь собранный хлеб мы разделили поровну. Получилось приблизительно по три булки на человека. Всего упавшая на нас «манна» весила почти полтонны! Мы вместе радовались, эстонцы внизу и русские девушки наверху. И эти добрые души ещё долго махали нам из окон вслед.

Местные советские командиры, которым мы сообщили о своём прибытии, велели нам следовать в населённый пункт Малацки, расположенный севернее Братиславы. Там мы должны были немного отдохнуть и окрепнуть для продолжения пути на родину. По дороге на железнодорожный вокзал мы неожиданно встретили группу приблизительно из ста эстонцев, которые тоже решили последовать за нами. Таким образом, на Западе осталось не более пятидесяти наших земляков из тех трёхсот, кто ранее находился вместе с нами в чешском лагере.

В городок Малацки прибыло около 250 эстонцев. В располагавшейся там советской военной части нас сразу же накормили вкусным гороховым супом. На ночлег мы разместились в местной гостинице. Хотя многим тогда пришлось

спать на полу, это всё равно было намного лучше недавних «постелей» в плену.

В Малацки нас кормили до отвала в течение четырёх дней. Комендант, русский лейтенант невысокого роста, был очень добр к нам. Вместе с ним мы решили некоторые вопросы, связанные с сопроводительными документами. Однажды он заехал за мной на повозке, и мы просто переехали на другую сторону улицы. Я удивлённо посмотрел на него: стоило ли садиться, чтобы сразу сойти? А он, довольный улыбаясь, сказал: «Мы люди культурные».

Наше чудесное пребывание в Малацки было омрачено только одной неприятностью. Как-то утром ко мне подошёл хозяин нашей гостиницы и возмущённо заявил, что ночью взломали его сарай. Подозрение, разумеется, падало на нас. Я тут же выстроил своих эстонцев во дворе и попросил виновного признаться. Все молчали. Я объяснил, в сколь опасное положение поставил всех нас этот человек и что его добровольное признание, возможно, поправит дело. Снова тишина. Я приложил все свои ораторские способности, и это наконец тронуло одно сердце – самого хозяина гостиницы. Он увидел, как сильно я переживал о случившемся, и пригласил меня к себе. Когда мы остались наедине, этот человек сказал, что больше не хочет на нас жаловаться, он верит в мою порядочность и поэтому всё прощает. Затем в знак примирения, по обычаю своей страны, он налил два стакана вина и один из них подал мне. После моего обращения к Богу я не выпил ни капли. Но в данном случае мне пришлось сделать исключение. Поблагодарив Бога, мы с хозяином гостиницы обнялись, и дело тем и кончилось.

В Малацки нам также устраивали проверку, расспрашивали, как мы оказались в немецкой армии. Задавали и другие вопросы. Когда все наши ответы были записаны, мне выдали драгоценный документ – продуктовую карточку со следующей надписью: «Арпад Ардер и 249 репатриантов».

Этот документ решал проблему с питанием во время всего нашего пути домой. На основании данной карточки мы могли получить солдатские пайки на любом продуктовом складе Красной армии. Первые продукты нам выдали уже в Малацки. Эта была большой помощью и радостью для всех нас. Огромное человеческое спасибо этим добрым людям, особенно коменданту!

Для лучшего распределения продуктов и поддержания дисциплины в дороге я разделил наших людей на десять групп по двадцать пять человек. Каждый мог выбрать, к какому «отделению» примкнуть. Только одну группу своих помощников я набрал сам. Пригласил туда писаря Раймонда Мянды из коммерческой школы в Хийумаа, переводчика Тоомингаса, посыльного (будущего главного хирурга Таллина) Уно Сибула, Лаантее, парикмахера, повара и некоторых других.

Приготовились к отъезду. У нас не было расписания поездов, поэтому ждали первый попавшийся. Проблем с билетами не существовало, так как обычно мы передвигались на крышах вагонов. Оставалось только дожидаться поезда в нужном направлении. На станции в Малацки я беседовал с одной из четырёх наших представительниц прекрасного пола. Эта женщина доверила мне свою тайну: она была беременна. Я представил, как ей, наверное, тяжело взбираться на крыши вагонов, и поразился её безропотности и мужеству.

Поскольку мы уже самостоятельно прокладывали себе маршрут, то решили добираться через Венгрию. Никто из нас не хотел больше находиться в Чехии. Мне казался привлекательным Будапешт. Там можно было бы на какое-то время задержаться и отдохнуть перед долгой дорогой на родину.

В Братиславе мы сели на поезд в нужном направлении, однако он не доходил до Будапешта, поэтому нам пришлось продолжать путь пешком.

Шли вдоль железной дороги. Продовольственных армейских складов здесь нигде не было, поэтому нам приходилось заглядывать в ближайшие деревни и просить хлеба.

В пути случилась беда. Один наш рослый парень серьёзно заболел. Ему, наверное, было тяжелее других переносить голод. Он собирал на вокзалах и свалках съестные отбросы. Я запрещал ему это делать, но он не мог удержаться. И вот печальный итог: высокая температура и общая слабость организма. Мы не знали, как быть. И тут неподалёку от нас остановился советский военный эшелон с несколькими открытыми платформами. Поскольку солнце сильно припекало, наш больной забрался в тень под платформу и лёг прямо на шпалы. Я просил его выйти оттуда, но он отказался. На платформе сидели русские солдаты и играли в карты. Я объяснил им ситуацию и попросил их взять нашего больного с собой. Они пообещали довести его до госпиталя. Я хотел сразу поднять парня к ним на платформу, но он упорно отказывался, говоря, что внизу прохладней. В таком положении нам пришлось его и оставить. Не знаю дальнейшей судьбы этого человека, очень надеюсь на то, что солдаты, играя в карты, не забыли о нём, когда тронулся поезд...

А мы продолжали свой путь пешком в сторону Будапешта. Совершать большие переходы – дело непростое, поэтому мы делали частые остановки. Однажды вечером у костра я рассказал всем о своём тюремном заключении и о вере в Небесного Царя. Судя по реакции земляков, я оказался единственным верующим среди них. Никто не смеялся над моей верой в Бога, но и не проявил к ней живого интереса.

Строгая дисциплина нам помогала в пути. Без выдержки и должного порядка такую большую группу людей снова бы где-нибудь арестовали. Меня продолжало удивлять доброжелательное отношение к нам со стороны

советских военных. Я видел в этом Божье водительство и добрую душу русского народа. Мне хотелось быть достойным того доверия, которое нам оказывали.

По мере приближения к Будапешту до нас стали доходить сведения, что венгерские евреи мстят немцам. Вспоминая печальные события в Праге, я чувствовал на себе большую ответственность и усомнился в том, нужно ли нам заходить в Будапешт. В конечном счёте это я выбрал данный маршрут. У меня когда-то были в этом городе хорошие знакомые, но живы ли они теперь? Некоторые из них евреи. Я даже не знал их адреса.

К этому времени мы уже далеко продвинулись на восток, Словакия оставалась севернее. В какой-то момент я окончательно решил не рисковать и не доходить до Будапешта, а при первом удобном случае найти транспорт, идущий на север. Я объявил об этом нашей группе, никто не возражал. Поехать в северном направлении стало возможным с железнодорожного вокзала в Галанте.

Так как побывать в Будапеште мы больше не планировали, я написал письмо моему доброму другу Эрнё Шлабею, проживавшему там. Этот человек спас мне жизнь в младенчестве. На протяжении всех этих лет в семье доктора Шлабея отмечали мой день рождения. И чем старше я становился, тем больше любил и уважал этого человека. Теперь мне хотелось хотя бы написать Эрнё о том, что я выжил в этой страшной войне. Несомненно, он переживал обо мне. Написав своё письмо, я стал искать на станции людей, ехавших в Будапешт.

Мне встретилась красивая темноволосая девушка, которая направлялась именно туда. Я попросил её выполнить мою просьбу и передать письмо доктору Шлабею. Девушка презрительно посмотрела на меня и, указав на мой мундир, закатала рукав своего платья и продемонстрировала мне татуировку на руке. Это был шестизначный номер, а девушка оказалась еврейкой, побывавшей

в концлагере. Тогда я ей сказал, что и сам сидел при нацистах, но, по всей видимости, она мне не поверила. Моё письмо эта девушка всё-таки взяла, но к адресату оно не попало.

Зато на продуктовом военном складе в Галанте нас ждал приятный сюрприз. Мы неожиданно получили там паёк высшей категории. Это была ошибка, но кладовщик заметил её только тогда, когда все продукты были уже взвешены и переданы нам. И тогда он просто махнул рукой. Мы же почувствовали себя несказанно богатыми, унося с собой венгерскую ветчину, различные сухофрукты, сахар, табак и многое другое. Радости нашей не было предела. Неподалёку от вокзала мы развели костры и приготовили себе горячую пищу. Вдобавок ко всему к станции вскоре подошёл венгерский состав с зерном, шедший на север. Мы дружно забрались на его вагоны, и наш путь на родину продолжился. Настроение было приподнятое. Сытые и довольные, мы лежали на пшенице, наполнявшей вагоны. Над головой простиралось звёздное небо, и поезд мчал нас прямо к Полярной звезде.

Однако это счастье длилось недолго. Состав на каком-то полустанке остановился и не смог ехать дальше, так как немецкая армия при отступлении разрушила железнодорожное полотно. И мы опять пошли пешком. В этой местности не было советских войск и, соответственно, их продовольственных складов. Но тут нам на помощь пришли сотрудники словацкого Красного Креста. Кроме одноразовой помощи мы получили от них письмо ко всем организациям Красного Креста по пути до Таллина с ходатайством об оказании нам всяческого содействия.

Продолжая движение то пешком, то на местных поездах, мы добрались до городка Жилина. Как обычно, первым делом я пошёл там искать для всех пищу и ночлег. Чтобы у меня было меньше проблем, добрые люди мне уже подарили гражданскую одежду – синюю вязаную

шапку и плохонький пиджачок. А один бывший кашевар отдал мне свои растянутые поварские штаны. Поскольку наша группа имела официальный статус репатриантов, это порою открывало перед нами многие двери и сердца. В своё время Гитлер изгнал из разных стран миллионы людей, а теперь они массово возвращались в свои дома. Поэтому для репатриантов организовывались специальные лагеря, для их временного размещения выделялись общественные здания и гостиницы.

Так было и в Жилине. Здесь нас определили в хорошую гостиницу под названием «Полом». Там нас ожидал тёплый приём. Оказалось, что эта гостиница принадлежала местной компартии, так что о репатриантах заботились молодые коммунисты. Когда две с половиной сотни мужчин в немецкой форме гуськом зашли в гостиницу, удивлению её хозяев не было предела. Наш внешний вид, к счастью, не оттолкнул их, они остались такими же гостеприимными. Четыре дня, проведённые в Жилине, стали лучшим временем на нашем долгом пути на родину.

Гостиница «Полом»

Партийная организация назначила нашим помощником Яна Хуньяди. Этого доброго человека мы никогда не забудем. Он искренне заботился о том, чтобы как можно лучше послужить нам. И это было в то время, когда его собственный народ испытывал немалую нужду после войны и оккупации.

Первым делом Ян организовал нам поход в баню. Он раздобыл каждому по кусочку мыла – итого 250 кусков! Самым нуждавшимся в одежде предложили выбрать что-нибудь подходящее. Я взял себе серую рубашку. Все наши больные получили медицинскую помощь. Один из наших эстонцев влюбился тогда в словацкую медсестру, и затем они переписывались долгие годы. Несколько молодых коммунистов усердно потрудились, чтобы приготовить вкусную пищу для всей нашей голодной братии.

Нам очень хотелось как-то отблагодарить гостеприимных хозяев. Но что мы могли им тогда дать? И тут кому-то в голову пришла идея. Среди нас был человек, имевший опыт по организации хоров. Под его началом мы быстро разучили восемь песен, спевки проводили на чердаке гостиницы. Как только у нас что-то начало получаться, мы тут же объявили о концерте, на который пригласили своих благодетелей.

Перед началом концерта накрыли столы. Все мы получили по большой порции горячего картофельного пюре. Обеденный зал в гостинице был достаточно велик, чтобы вместить всех пришедших на концерт. На одной из стен этого зала висел огромный, от потолка до пола, портрет Сталина. Там у стены мы накрыли длинный стол для гостей. И вот в зал вошли приглашённые. Среди них были партийные работники, руководство города, журналисты. Некоторые гости пришли с супругами. Все встали, и я торжественно открыл вечер. Здесь необходимо коротко напомнить о моём внешнем виде. Мой «гала-костюм» состоял из серой рубашки (недавно мне подаренной), белых,

с волнистой полоской поварских штанов и обрезанных валенок (на три размера больше нужного мне). Думаю, что я походил тогда на Микки Мауса. Но не тушуясь, как хозяин торжества, я поблагодарил гостей за то, что они откликнулись на наше приглашение, и проводил их всех к столу. Начался ужин, во время которого мы пели. Перед исполнением каждой песни я знакомил присутствующих с её содержанием. Языком общения на этом вечере у нас стал русский. Самый большой успех был у эстонской народной песни «Матсь алати он тубли мэс, ей кедаги та пельга...»¹

Мы с Яном Хуньяди, переводившим меня, коротко рассказали гостям об истории эстонского народа и о его страданиях во время немецкой оккупации, о принудительной мобилизации, которая оторвала нас от близких, и о том доверии советских войск, которое дало нам возможность вернуться на родину, чтобы строить новую жизнь. Я также поблагодарил словацкую компартию за оказанный нам тёплый приём и выразил надежду, что мы вместе построим мир, в котором не будет социального и другого неравенства.

Молодые коммунисты вручили мне большой букет красных роз. После официальной части нашего вечера у меня взял интервью корреспондент местной газеты. К сожалению, мне не удалось увидеть его статьи. У меня сохранилась только вырезка из словацкой газеты с кратким упоминанием о нашем пребывании в Жилине. Там были такие слова: «Возвращалась на родину группа эстонцев в составе 250 человек, которых война оторвала от их семей. Их руководитель вдохновенно говорил об огромном желании строить новую и счастливую жизнь. Нас порадовала их высокая интеллигентность и безграничная любовь к своей родине».

На следующий день меня рано утром разбудил работник гостиницы и попросил спуститься в вестибюль.

---

¹ Эстонский мужик всегда молодец, никого не боится... (эст.)

Там меня ждал уже знакомый корреспондент газеты. Он извинился за ранний визит и сообщил, что его попросили передать мне подарок от местной парторганизации. Вручив мне свёрток, он тут же попрощался и ушёл. Когда я развернул бумагу, то обнаружил там красивые серые брюки...

Коммунист Ян Хуньяди.
Уже 30 лет как он вышел из партии
и теперь молится Богу

Конечно, я их сразу надел и мысленно поблагодарил этих добрых и внимательных людей. И мне тогда подумалось, что, возможно, кто-то из присутствовавших вчера на вечере дам, глядя на мои нелепые поварские штаны, что-то шепнул обо мне своему мужу.

На этом сюрпризы ещё не закончились. С загадочным лицом ко мне подошёл Ян Хуньяди и сказал, что меня вызывают в Службу госбезопасности. Идя туда, я не знал, о чём и думать. Хуньяди важно молчал. Я в голове прокручивал разные варианты. Весь наш путь домой был чудом как для нас самих, так и для тех, кого мы встречали по дороге. Потому что в то время все другие мужчины в форме вермахта – немцы, венгры и люди других национальностей – были военнопленными и находились под стражей. Мы же передвигались большой группой совершенно свободно, и это казалось нам сказкой. Может быть, теперь наступил конец этой сказки? Или кто-то из наших эстонцев что-то натворил и мне теперь придётся отвечать?

Без особой проверки нас с Хуньяди запустили в здание Службы госбезопасности. Несомненно, нашего прихода

уже ждали. Мы вошли в красивую комнату, увешанную коврами и картинами. Там нас принял заместитель начальника этой организации. Высокий мужчина встал из-за стола, поздоровался со мной за руку и спросил: «Чем я могу вам помочь?» Этот вопрос для меня прозвучал как гром среди ясного неба. Хуньяди улыбался. По-видимому, он и организовал эту встречу. Я присел на стул, чтобы немного подумать. В голове лихорадочно крутились мысли. Замначальника молча смотрел на меня. И тут меня осенило: я спросил, нельзя ли утвердить список имён всей нашей группы с пометкой, что мы ничего плохого не сделали чехословацкому народу и государству. Замначальника согласился со мной и пожелал счастливого пути и скорейшего возвращения на родину.

Вернувшись в гостиницу, я посадил своего секретаря за пишущую машинку, и вскоре список имён всей нашей группы был готов. Служба госбезопасности добавила к нашему документу ранее оговорённую приписку и скрепила её печатью. Теперь у меня имелось три важных сопроводительных документа: советская продовольственная карточка, письмо от Красного Креста и справка из Службы госбезопасности Чехословакии.

Отдохнув и немного окрепнув, мы вновь собрались в путь. Я сердечно попрощался с коммунистом Яном Хуньяди, замечательным человеком, которого Господь послал мне в трудную минуту жизни. Также я с благодарностью напоследок пожал руки всем работницам на кухне в нашей гостинице.

Мы сели на поезд, который шёл в сторону польской границы. К нашей группе в Жилине присоединилась ещё одна литовка с маленьким ребёнком и несколькими чемоданами. Она проживала с нами в одной гостинице.

Не дойдя несколько километров до границы, поезд встал. Оставшийся путь нужно было идти пешком. Литовка растерялась: в чемоданах было всё её имущество.

Тогда я предложил, чтобы наши парни несли эти чемоданы поочередно, по сто метров. Никто не возмутился и не уклонился от этого доброго дела. Так мы дошли до границы. Здесь мы столкнулись с неожиданным препятствием. Польский капитан пограничной службы отказался впустить нас в свою страну. Словацкие пограничники уговаривали его нас пропустить, я предъявлял свои документы, один ценнее другого, но поляк был непреклонен.

Пришлось нам стать лагерем в приграничном лесу. На следующий день мы уже столкнулись с проблемой нехватки пищи. С одним из моих помощников мы сходили в ближайшую деревню, чтобы попробовать раздобыть хлеба для нашей группы. В каждом доме нас приглашали за стол, но для большой группы людей еды здесь не нашлось. Это было бы непосильно для простых крестьян. Вся наша группа мечтала о том, чтобы как-то перейти границу и добраться до советских продовольственных складов. Я снова пошёл к польскому капитану, и в результате долгих дипломатических переговоров шлагбаум перед нами поднялся...

И вот мы в Польше. За два дня мы смогли пройти приблизительно пятьдесят километров и добрались до городка Бяла. Местный градоначальник, увидев нас, удивился и разместил на ночлег... в старой тюрьме. Это было брошенное немцами здание, полное мусора и нечистот. Невольно вспомнилась гостиница в Жилине и подумалось, как по-разному среди людей понимается гостеприимство. К счастью, эта тюрьма была без охраны, и мы могли из неё свободно выходить. Я в своей гражданской одежде осмеливался гулять дальше всех. В целом люди и здесь были доброжелательными.

К сожалению, отношения с местным комендантом у меня не сложились. Когда я попросил у него пару лошадей с повозками для того, чтобы доставить в следующий

населённый пункт наших больных и женщин, он нехотя согласился, но тут же приставил к нам сержанта и пару солдат. Им было велено довести нас до Освенцима, бывшего лагеря смерти. Это название ничего хорошего не предвещало, да и конвоиры обращались с нами грубо. Мы уже не могли отдохнуть, когда хотели, или сами выбирать маршрут. Единственным утешением в этой ситуации являлось то, что наши больные могли по очереди ехать на повозках, а некоторые с них и не вставали. С того времени, как покинули Словакию, мы нормально не ели. Комендант Бялы не утруждал себя этим вопросом, несмотря на все предоставленные нами документы. И мы грустно побрели в сторону Освенцима.

На второй день прибыли на место. Вид Освенцима соответствовал нашим ожиданиям. Мы прошли мимо бесконечного забора с колючей проволокой, за которым толпились какие-то пленные. На одном из переполненных участков лагеря мы ясно увидели томившихся на солнцепёке венгров.

Наш сержант с сопроводительным письмом в руках пошёл к воротам лагеря. Но там его только обругали и сказали, что места в лагере нет. Затем сержант пытался «пристроить» нас ещё в нескольких местах, но ничего не вышло. Я же от всей души прославлял Бога и молил Его, чтобы Он помог нам поскорее выбраться из этого ужасного места. И Господь меня услышал.

Не зная, как быть, сержант привёл нас к воротам другого лагеря, в котором находились советские граждане, непонятно как здесь оказавшиеся. Но и в этом лагере посторонних не принимали. Между тем состояние некоторых наших больных уже вызывало тревогу. Я нашёл местного коменданта, которым оказался высокий русский полковник средних лет. Мы с ним хорошо побеседовали в вечерней тишине. Он с интересом меня выслушал и согласился взять наших больных на лечение к себе в лагерь.

Я со спокойной душой оставил их под его опеку. В недалёком прошлом в этой местности были начальники, отнимавшие у людей жизнь, а новый комендант спасал их. Слава Богу!

Польский конвой размышлял, как от нас избавиться: назад в Бялу вести боялся, а здесь мы никому не были нужны. И тогда польский сержант, как это часто делают отчаявшиеся люди, просто махнул на всё рукой. Поздно вечером он отвёл нас на железнодорожную станцию, после чего растворился в ночной тьме.

Мы снова были свободны! С великой радостью и нетерпением ожидали первого поезда в любом направлении. Как только он прибыл на станцию, мы забрались на него, чтобы только поскорее покинуть это мрачное место. На наше счастье, состав направлялся на север, в Сосновец. Там мы пересели на поезд, шедший в столицу. В Варшаве разместились на каком-то заброшенном складе. Там же неподалёку нам удалось получить провиант на три дня. Хотя нас немного обманули (мы получили продуктов меньше, чем полагалось), для голодных людей и это было счастье.

В Варшаве произошёл неприятный инцидент. Вокруг нас стал кружить, крича и угрожая, непонятно откуда взявшийся пьяный польский солдат. Он указывал пальцем на одного из нас, обвиняя его в убийствах поляков в Кракове. Я подошёл к скандалисту и сказал, что мы эстонцы. Затем добавил первый пришедший мне в голову аргумент, что Пилсудский¹ якобы был другом эстонского народа. Это пьяницу ещё больше разозлило. И тогда я не нашёл лучшего решения, как отдать приказ всем построиться и просто уйти оттуда. Пьяный поляк ещё какое-то время кричал и ругался нам вслед, но тем дело и кончилось.

---

¹ Ю. К. Пилсудский (1867–1935), маршал и глава независимого Польского государства.

Варшава в те дни производила ужасное впечатление. Когда мы шли по населённым пунктам Венгрии и Словакии, то часто пели песни, но здесь всякое слово умолкало в устах. Город лежал в руинах. Там, где когда-то высились здания, теперь были пустыри. Неудивительно, что мы, проходя мимо, не слышали добрых слов от людей, стоявших у своих развалин. Но поразительно то, что в итоге Варшава стала единственным городом, где нас на улицах вскоре стали приветствовать жители.

Случилось это так. Нам по дороге встретились двое рабочих, которые, вероятно, шли со смены домой. Глядя на нашу форму, они спросили, кто мы такие. Я ответил за всех, что мы эстонцы. Рабочие неожиданно обрадовались этому и пошли впереди нас, периодически выкрикивая окружающим, что за ними следуют эстонцы, их друзья. И тут произошло что-то невероятное: люди, прежде стоявшие с хмурыми лицами на улицах разрушенного города, со всех сторон стали махать нам руками и сердечно приветствовать. Всё-таки жизнь важнее руин! Польские друзья проводили нас до нового пристанища. Мы остановились на ночь в восточной части Варшавы, в районе под названием Прага.

Ночевать пришлось во дворе вокзала, на брусчатке. А затем мы сели на поезд, направлявшийся в Белосток. Перрон был переполнен людьми. Однако всей нашей группе удалось успешно забраться на крышу поезда. Это искусство мы тогда уже отточили до совершенства.

После ночи, проведённой в Белостоке, продолжили путь на платформах товарного состава, помчавшего нас в сторону советской границы. Радостное чувство переполняло сердца. Мы приближались к цели долгого путешествия. Образы родных и близких людей вставали в памяти. Я смотрел на своих земляков. Какими дорогими они стали для меня вследствие всего пережитого в дороге! Мне были известны мечты и надежды многих из них.

Кто-то тосковал по любимой работе, кто-то – по своему хутору, университету, школе. Радость этих парней была ни с чем не сравнима.

Я размышляю о дивных путях, которыми вёл меня Небесный Царь. Некогда Он велел мне покинуть родину, чтобы теперь вернуться вместе с этой большой братией. Несомненно, Он знал всё это наперёд...

Затем я раз мечтался, как буду в Таллине представлять властям нашу группу. По каким улицам я тогда пойду и с кем буду говорить...

На советской границе поезд остановился. Вскоре появился какой-то русский сержант. Он велел нам выходить, а потом вдруг добавил: «Пойдёмте обедать!»

Обед

Наш обед в фильтрационном лагере НКВД в городе Гродно растянулся на четыре месяца. Проверяли основательно. Трое из нашей группы не пережили это время и были похоронены на местном кладбище. Власти искали тайных врагов народа.

Поскольку я владею русским языком, мне часто приходилось быть переводчиком на допросах. Я поставил условие своим землякам: кто хочет, чтобы я его переводил, тот должен говорить правду или молчать. И мы вместе просили Бога о помощи.

В это время я получил один из самых чудесных ответов на свои молитвы. В нашем лагере находился Калев Мурамаа, мой однокурсник, талантливый студент, учившийся на экономическом факультете Тартуского университета. Боровшийся с каким-то тяжёлым заболеванием лёгких, он был похож на живой скелет. Война забросила

его из Эстонии в голодавшую Германию, и теперь он хотел вернуться домой.

Калев попросил меня быть его переводчиком. Узнав мои условия, он сказал, что не может открыть профессию и местонахождение своего отца. Тот на протяжении долгого времени был градоначальником в Вильянди. В 1941 году его арестовали, и вскоре он умер в Сибири. Никто из наших эстонцев о смерти этого человека не знал, и Калев решил придумать какую-то историю о своём отце. Я сказал своему однокурснику, что в этом случае ему придётся найти другого переводчика.

Майма, сестра Калева, была замужем за священником лютеранской церкви Харри Хаамером. Этот человек обладал необычайной силой духа. Калев с большим уважением относился к его вере. Промучившись в сомнениях всю ночь перед допросом, он пришёл ко мне с красными глазами от бессонницы и сказал: «Я пойду с тобой и с Богом!» И тогда мы вместе с ним помолились.

Затем мы предстали перед следователем, человеком жёстким, который не довольствовался обычным протоколом допроса. У него были заготовлены бланки, в которые он вписывал ответы на дополнительные вопросы и затем прикреплял их к основному протоколу. Вопросы о родных находились в конце третьей страницы анкеты. Подошла очередь вопросов об отце. Моя душа горячо взывала

Харри Хаамер – мой лучший друг из лютеранской церкви

к Богу, я напряжённо смотрел на следователя. И в тот момент, когда с его уст уже был готов сорваться вопрос об отце, он вдруг покраснел, схватился руками за голову и склонился над столом. Несомненно, его мучила сильная боль. Через какое-то время, придя в себя, он перевернул страницу с вопросами о близких родственниках, швырнул нам протокол и сказал: «Ставьте подписи и проваливайтесь!»

Калев вскоре вернулся в Вильянди и умер в отчем доме, примирившись с Богом.

Ангел для заключённых

В такой тяжёлой обстановке Господь меня не оставлял. Лагерный врач (к сожалению, я могу сейчас вспомнить только её отчество – Александровна) проявила заботу обо мне. Она была еврейкой, фашисты убили её мужа, поэтому причин ненавидеть людей, служивших у немцев, у неё хватало. И всё же она лечила нас с удивительной теплотой. Благодаря её помощи девять эстонцев, болевших гепатитом, раньше других отправились домой. Меня же назначили старшим по лагерной больнице, и на несколько месяцев мы с Александровной стали коллегами. Однажды, оставшись наедине в больничном коридоре, она показала мне свой нательный крест. Я подумал – как интересно: еврейка, капитан НКВД, а на шее крест! Но самое главное – это не было каким-то украшением, у этой женщины крест находился и в сердце, что проявлялось в её любви и заботе о людях. Она была ангелом для заключённых нашего лагеря.

В обязанности старшего по больнице входила раздача пищи больным. Как-то раз русские поварахи дали мне

возможность вволю наесться, и я съел тринадцать порций шшённого супа с добавлением американской тушёнки. Тринадцать порций – это примерно 3/4 ведра...

В больнице на моих глазах умер один человек, с которым мы вместе возвращались домой. Это был лавочник из Васцелийна по фамилии Эйнуло. В былые дни он очень критично относился к вере в Бога и к верующим людям, однако перед смертью покаялся и признал Христа своим Спасителем. Перед уходом в мир иной он попросил помыть его. Когда я делал это и дошёл до его ног, мне вспомнились слова Христа: «...И вы должны умыть ноги друг другу» (Ин. 13:14). Он был первым из тех многих людей, которых мне затем пришлось хоронить. На погребении я прочитал отрывок из Первого послания Петра 1:24–25: «Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве, засохла трава, и цвет её опал. Но слово Господа пребывает вовек; а это то слово, которое вам проповедано».

Intermezzo¹

Путь с запада на восток у многих беженцев пролегал через наш лагерь в Гродно. Большинство из этих людей находилось здесь короткое время, но тех, кто имел хоть какое-то образование, проверяли с особой тщательностью. Так, в течение нескольких месяцев здесь находилась преподавательница Тартуского университета, которая была одного возраста с моей мамой. Однажды она нашла меня и рассказала, что ей удалось раздобыть сухари. И сразу позвала меня к себе пить чай. На столе у неё действительно стоял увесистый мешочек с сухарями. За чаепитием

---

¹Здесь: забавное происшествие (*итал.*).

я признался, что её коллега по университету Вера Поска-Грюнтал является моей тётёй. Спустя несколько дней после нашей встречи эта милая женщина сообщила мне, что её больше не задерживают в нашем лагере. Я проводил её до ворот и пожелал счастливого пути.

Когда все люди из нашей группы были уже допрошены, дошёл черёд и до меня. Я чувствовал себя уверенно, ведь все вопросы следователей мне были уже известны и ответы продуманы. И всё же меня застали врасплох, задав вопрос, с которым ранее не обращались ни к одному эстонцу. Этот вопрос звучал так: «Знаете ли вы кого-нибудь из изменников родины?» Я вынужден был ответить: «Да, знаю». Мои слова явно озадачили следователя. Он достал из кармана перочинный нож и тонко заточил свой карандаш, по-видимому, чтобы записать как можно больше имён в соответствующую графу.

«Итак-с...» – сказал следователь, приготовившись писать. И тут я его разочаровал, сказав, что нескольких изменников родины знаю, но имена их сообщить не могу. Он удивился: «Почему же?» Я ответил, что боюсь ошибиться и оговорить их. «Мы всё проверим и ошибки не допустим», – убеждал меня следователь. Я попытался пошутить, что он же не папа римский, который никогда не ошибается. В итоге в протоколе допроса записали: «Изменников родины знает, но из религиозных соображений сообщить их имена отказался». Следователь ещё несколько раз сказал «так-с, так-с», и допрос на этом закончился. Можно сказать, что ко мне тогда отнеслись по-человечески.

Следующий допрос проводил капитан, похожий на бульдога: он буквально рычал и лаял на меня, грозясь посадить. Но это не испугало меня.

Затем мною занялся сам начальник лагеря, подполковник НКВД, еврей по национальности. Он прощупал меня с другой стороны:

- Вы верующий?
- Да.
- В Библию верите?
- Да.

– А как вы относитесь к словам Писания: «Кесарево кесарю, а Божье – Богу»?

Я ответил, что всё имевшееся у меня я уже отдал Богу, кесарю ничего не осталось. Мой ответ рассмешил начальника, и он оставил меня в покое. После всех этих бесед ко мне подошёл один человек из начальствующих в нашем лагере, положил руку на плечо, заглянул в глаза и сказал: «Что касается твоих допросов – будем откровенны: офицер всегда узнает офицера!»

Финал

Осенью моё здоровье сильно пошатнулось. Я заболел пневмонией и желтухой одновременно, вдобавок у меня воспалились оба уха. Александровна, наш добрый ангел, ухаживала за мной, как за своим ребёнком. Она также пыталась защитить меня, ходатайствовала перед начальником лагеря (они оба были евреи), чтобы меня отпустили домой. Все эстонцы, ранее заболевшие гепатитом, были отправлены по домам. Однако начальник лагеря, поняв, о ком идёт речь, прогнал нашего врача из кабинета.

Во время моего пребывания в лагерной больнице случилось ещё такое комичное происшествие. Один из санитаров потребовал остричь меня наголо во избежание появления вшей. Я протестовал: у меня, дескать, и так мало волос. Санитар ответил, что даже старшие офицеры, чтобы обезопасить себя от вшей, соглашаются брить голову. Так, мол, поступают все культурные люди.

Но мне всё-таки удалось отстоять своё «бескультурье» и то малое, что осталось от моих волос. Вскоре мне пришлось с этими редкими волосами ехать в холодные северные земли.

В это время в моей жизни появился ещё один ангел-хранитель. Однажды в октябре, в полдень, он подошёл к моей кровати. Это был паренёк с раскосыми глазами, лейтенант НКВД, начальник хозчасти лагеря, родом откуда-то из Средней Азии. Он принёс мне печальную весть о том, что меня отправляют по этапу на север. Там, по его словам, уже в октябре температура может опускаться ниже 25 градусов. Когда этот лейтенант увидел, что я, поднявшись с больничной постели, надеваю на себя летнюю одежду (мы ведь прибыли в Гродно в июне), он глубоко вздохнул и позвал меня в свой подвал, где находился вещевой склад для сотрудников лагеря. Там лейтенант сказал мне: «Возьми всё, что тебе нужно!» Это был подарок с барского плеча. Я всегда боялся холода, поэтому выбрал себе длинную солдатскую шинель. Она-то и спасла меня, больного, с высокой температурой, на морозе.

Когда мы вышли со склада, лейтенант повёл меня на личный досмотр. Я, уже зная его доброе сердце и то, что он мусульманин, осмелился попросить его ещё об одной услуге: «У меня есть святые книги, не мог бы ты их взять себе, пока меня будут обыскивать?» Он согласился! И тогда я, вытащив из своего рюкзака с десятков книг, быстро передал их ему.

Во время обыска сотрудники НКВД тщательно проверили все мои вещи, а затем увели меня в соседнюю комнату. Вскоре туда зашёл и мой знакомый лейтенант, начальник хозчасти. Он осмотрел меня со всех сторон, как бы проверяя работу своих коллег, а затем подал условный знак. Я распахнул шинель, и он в этот момент вернул мне книги. Душа моя по сей день благословляет этого лейтенанта НКВД и потомство его «до тысячи родов».

Дорога на Север

Под конвоем солдат с собаками мы шли через Гродно на железнодорожный вокзал. С обочины дороги слышалась бранная речь на русском языке. Я обернулся и увидел людей, работавших там. Большинство из них было в немецкой форме¹. Болезни сильно ослабили меня. Из-за воспалившихся ушей голову мне обвязали бинтами и я чувствовал сильный упадок духа. Вдруг я заметил возле церкви статую Христа – Он, измождённый, склонился под тяжестью креста. И в тот же миг меня словно наполнили силою свыше. Так Господь ответил на мои молитвы, и мне вдруг стало понятно, что означают известные слова «приобщиться Христу». Я вошёл в теплушку, в товарный вагон с надписью «Гродно. Для людей», как в зал торжеств.

Для меня по сей день остаётся загадкой, что означали эти слова: «Для людей». В вагоне не было ни окон, ни отопления, хотя арестанты ехали навстречу зиме. Там не оказалось даже сена или соломы, на которых можно было бы спать. Но самым страшным испытанием стало то, что нам по несколько дней в пути не давали воды. Так мы узнали, что настоящая жажда намного страшнее голода.

Периодически поезд останавливался где-то посреди лесов, и охранники обходили вагоны и отнимали у арестантов то, что им приглянулось. У кого-то буквально забирали последнюю рубашку, кроме которой у человека оставалось отнять только его жизнь. Это делали те самые люди, о которых Дзержинский говорил: «У чекиста

---

¹ Вероятно, речь идёт о военнопленных, участвовавших в восстановлении многих населённых пунктов после войны.

должна быть холодная голова, чистые руки и горячее сердце...»

По прибытии на место двери вагонов с лязгом отворились, и мы увидели длинную вереницу новых грузовиков «Студебеккер». В открытых кузовах промёрзшие до костей заключённые ехали ещё километров двадцать. Я тогда, кутаясь в шинель, благословлял своего ангела-хранителя из Средней Азии.

На канале имени Сталина

Вскоре выяснилось, что мы прибыли на Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, который был построен в 1930-е годы на бесчисленных человеческих костях. И теперь понадобились ещё многие жертвы для восстановления инфраструктуры канала, разрушенной войной. Место, куда мы прибыли, называлось Повенец.

Первое, с чем мы столкнулись по прибытии, – это обыск. Нас завели в специальный барак. Я тогда уже был опытным зеком, поэтому не спешил, отошёл в сторону, чтобы увидеть, как здесь проводят обыск. В середине барака стоял большой ящик, в который бросали отнятые у арестантов вещи. Я заметил, что при обыске никого не заставляли снимать обувь. Поэтому я потихоньку опустил в свой правый сапог самую маленькую из имевшихся у меня книг, Новый Завет на эстонском языке. Хоть что-то спасу!

Тут в барак вошёл один из местных заключённых и громко крикнул: «Эстонцы есть?» Я сразу отозвался в надежде, что Бог снова посылает мне ангела. Я тихо сказал этому человеку: «У меня с собой несколько книг. Подержишь их у себя, пока меня будут обыскивать?»

Он спросил, что за книги. Я ответил, что духовные. Обругав меня матом, эстонец ушёл.

Тут мне снова вспомнился лейтенант из Средней Азии, который отнёсся ко мне по-братски. И так было больно, что мой соотечественник поступил иначе! Но затем в голову пришла мысль, что всё в Божьей руке, и мне нужно просто довериться Ему. Так я и поступил. Передал свои книги в руки Отца, и сердце наполнилось миром. Правый сапог мне жал ногу. Решив довериться Господу до конца, достал оттуда Новый Завет и положил его в карман. Теперь всё в Его руках.

Меня обыскивал молодой русский охранник. Увидев мою стопку книг, он удивился: «Ты что, с луны свалился? Как ты мог сохранить книги в бывшем лагере?!» Полистав Библии на разных языках, он бросил их в ящик с запрещёнными предметами. Я сказал ему, что это ценные книги. Он ответил: «Мы это проверим и, может быть, отдадим обратно». До сих пор жду... Затем охранник осмотрел меня с ног до головы. Я мысленно просил Бога, чтобы у меня не забрали мой истинный духовный хлеб, Новый Завет на эстонском языке. Он лежал у меня во внутреннем кармане. Остальные Библии были для меня в какой-то степени учебной и вспомогательной литературой, с их потерей я ещё мог смириться.

И тут охранник заметил, что мой внутренний карман немного выпирает. Он спросил: «Что у тебя там?» Я не мог вымолвить ни слова. Охранник засунул руку мне за пазуху и, словно вырывая сердце, достал мой Новый Завет. Я мысленно вопиял к Богу. Охранник раскрыл книгу и вдруг начал смеяться. Я не мог ничего понять, у меня комок стоял в горле. Оказалось, что он обратил внимание не столько на книгу, сколько на то, что в неё была вложена фотография красивой девушки. Охранник, сам ещё молодой парень, спросил: «Кто это?» Я ответил: «Моя невеста, она подарила мне эту книгу». (Это был тот Новый Завет,

который Вероника передала мне через зондерфюрера Хамстера в немецком лагере в Хийу.) Охранник какое-то время смотрел то на фотографию, то на меня, затем вдруг с важным видом закрыл Новый Завет и положил мне его обратно в карман.

И этого русского парня я тоже благословляю «до тысячи родов». После его обыска Бог освободил меня от бремени изучения иностранных языков. Думаю, это было связано с тем, что Господь предназначал мне проповедовать Его Слово на моём родном языке.

Работа

Медицинский осмотр показал, что, несмотря на все болезни, я уже якобы совершенно здоров, поэтому меня отправили на тяжёлые работы. В бригаде, состоявшей из латышей, я оказался единственным эстонцем. Мы выходили на работу почти каждый день, если только столбик термометра не опускался ниже 35 градусов, при ветреной погоде – ниже 30 градусов. Я надевал на себя всё, что хоть как-то могло защитить от холода, а свою спасительную шинель препоясывал куском железной проволоки. Рабочий день продолжался от рассвета до заката.

Еду, полкилограмма хлеба и литр рыбной похлёбки на человека, нам привозили раз в день. Те бригады, которые выполняли норму, в обед получали дополнительно 200 граммов пшённой каши.

На долю нашей бригады выпали земляные работы, раскопки русла канала. Каждому отмерялся квадрат, из которого было необходимо выкопать куб земли. Всем давали лом и лопату. Сначала нужно было ломом размягчить грунт, а затем извлечь его лопатой. Мне по силам

было поднять лом лишь на несколько десятков сантиметров и затем позволить ему упасть под тяжестью своего веса. Поэтому результат моей работы был близок к нулю. Латыши же, крепкие как медведи, разбивали ломом мёрзлый слой почвы, после чего земля быстро выкапывалась. Бригада в целом выполняла норму. Поэтому нам давали в качестве премии пшённую кашу. Все ждали её с нетерпением. Когда выдавали кашу, я уходил в сторону, так как знал, что не заслужил её. Я для бригады был обузой, препятствующей выполнению плана. Но латыши проявляли ко мне снисхождение. Они мне давали такую же порцию каши, как и всем, как силачу Вольфу, который за день выкапывал целую гору земли. И я проглатывал вместе с горячей кашей своё предвзятое отношение к латышам, которое было свойственно многим эстонцам до Второй мировой войны. Вскоре у меня среди латышей появились хорошие друзья, особенно после моего пребывания в больнице.

В воскресенье у заключённых официально был выходной, но часто под разными предлогами и этот день становился рабочим. Например, однажды в воскресенье нас погнали через бескрайнее снежное поле за напиленными в лесу небольшими брёвнами для отопления барачков. Каждому заключённому велели принести в лагерь по брёвнышку. Однако эта ноша оказалась для меня слишком тяжёлой. Я со своим бревном утопал в глубоком снегу и уже взывал к Богу молитвой Илии: «Довольно, Господи, возьми душу мою...»¹

Господь не услышал мою молитву, подобно тому, как это случилось и с пророком Илиёй². Меня положили в больницу. Там я отметил свой 23-й день рождения. Это было 6 декабря 1945 года. В этот особый для меня день я получил чудесный подарок. Один заключённый эстонец, певец

---

¹ См. 3 Цар. 19:4.

² См. 3 Цар., гл. 19.

оперного театра Линнар Сууркаэв, принёс мне кусочек сахара. Нам очень редко выдавали сахар, и он свой единственный кусочек сберёг для меня, своего больного земляка. Это один из самых ценных подарков, полученных мною в жизни.

Моя болезнь принимала странную форму, температура тела то опускалась до 35, то поднималась до 40 градусов. В итоге врач решил меня отправить в центральную больницу Медвежьегорска.

В это время в нашем лагере ожидали приезда какой-то важной делегации, поэтому обращение с заключёнными улучшилось. В частности, вышел приказ, чтобы на могилах зеков теперь ставили кресты. Однако первым человеком, похороненным по новым правилам на лагерном кладбище в Повенце, оказался мусульманин.

Среди заключённых вместе с нами находился один врач, очень интересный человек. В прежние годы он был майором Красной армии, но попал в плен к немцам. Сталин считал всех пленных красноармейцев изменниками родины и отправлял их в лагеря. И вот этот майор, оказавшись в заключении, лечил меня. Он окончил медицинский институт в Уфе. Мы с ним однажды горячо спорили на тему, сколько будет 1000 x 1000. Он утверждал, что десять тысяч. В крайнем случае, он соглашался, что будет сто тысяч, но никак не миллион.

В Медвежьегорске

Медвежьегорская центральная больница размещалась в бывшем кожевенном заводе, в двух цехах (ставших палатами) которого находилось около сотни кроватей. Там меня внимательно обследовали и принялись лечить,

насколько это было возможно в тех условиях. Все врачи в этой больнице состояли на службе в НКВД.

В палате у меня появилось достаточно времени, чтобы читать мой карманный Новый Завет. И я это делал с таким усердием, что даже переплёт стал вскоре разваливаться. Впрочем, тут имелись свои положительные стороны: если раньше эту книгу я читал только один, то теперь мог поделиться выпавшими из неё частями с другими эстонцами.

Однажды, когда я читал Новый Завет, к моей кровати подошёл подозрительный человек. Он пытался выдать себя за верующего, желая как-то втереться в доверие. Этот человек неожиданно ткнул пальцем в непонятный ему текст моей книги и спросил, что я читаю. Поскольку я на этот вопрос не ответил, ему вскоре пришлось уйти. В том месте Евангелия, которого коснулся пальцем этот человек, я с удивлением увидел имя: Иуда. И тогда я понял, что данное событие – не случайность. В другой раз, столкнувшись с этим человеком в коридоре, я прямо его спросил: «Ты стукач?» Он опустил глаза и ответил: «Да...»

От одного знакомого я получил Новый Завет на латышском языке и читал его в палате вслух своим соседям-балтийцам. Ставить правильно ударение в словах этого языка я научился, когда работал в латышской бригаде.

В больнице я подружился с симпатичным латышским парнем лет двадцати по фамилии Звайгзнийетис. Он с большим интересом и открытым сердцем слушал Божье Слово. Однажды он попросил меня, чтобы я ему прочитал что-нибудь из Нового Завета. Я открыл четвёртую главу из Первого послания Иоанна, где написано, что Бог есть любовь. Он выслушал это слово, поблагодарил меня и лёг на своё место. Вскоре я услышал, что Звайгзнийетису плохо. Когда я подбежал к нему, он уже умирал. Врачи пытались ему помочь. Один из них был капитан НКВД, а второй – заключённый, как и мы, латышский фельдшер.

Врачи надели на умиравшего юношу кислородную маску. Я же встал на колени возле его кровати и тихо молился. И тут произошло то, чего я не ожидал. Фельдшер, человек, чья судьба была схожа с моей, недавно рассказывавший, что он входил в число служителей какой-то евангельской церкви, вдруг закричал на меня и стал прогонять. А врач, офицер НКВД, смотрел на меня вполне дружелюбно. Ругающийся «верующий» фельдшер и приветливый чекист – это, согласитесь, очень странно. Тем более у смертного одра нашего брата. Мне пришлось отойти и грустно наблюдать со стороны, как юный Звайгзнетис перешёл в иной мир.

На следующий день в нашу палату зашёл тот самый врач, капитан НКВД, пытавшийся спасти юношу, и подарил мне книгу хороших стихов на русском языке.

Моя смерть

Смерть Звайгзнетиса повлияла на меня так сильно, что я отказался от пищи. На третье утро моего поста я проснулся от ясно прозвучавшего ко мне голоса: «Сегодня день твоей смерти». Этот голос был настолько ясным, что я не сомневался в его божественности. Моя реакция на это была неоднозначной.

Сначала я вспомнил маму. Из глаз моих потекли слёзы, когда я представил, как она получит сообщение о смерти её единственного сына. Тут Господь спросил меня: «Если твоя мама иначе не придёт к вере, как только через известие о твоей смерти, готов ли ты умереть?!» Я ответил: «Да, Господи!» И мои слёзы прекратились.

Затем я вспомнил свою невесту Веронику. С ней было всё ясно: она верующая, и мы встретимся в Царстве Божьем.

В памяти всплыли мечты о моём служении для Господа, которые так и не осуществились. И тут я снова заплакал, так как моя жизнь показалась мне бесплодной. Бог спросил: «Если кто-то, увидев твою смерть, согласится продолжить твоё дело и будет трудиться для Меня лучше, чем это сделал бы ты, готов ли ты умереть?» И я ответил: «Да, Господи!»

Я отдал свой драгоценный Новый Завет и Псалтирь друзьям-эстонцам, оставив себе только три последние главы Евангелия от Матфея. Читая их, готовился к смерти. Скрестил руки на груди и ждал. И вдруг латыш Екабс Лусис, добродушный санитар нашей больницы, пришёл с улицы, держа в руках сосновую веточку, и вручил её мне. Мне она тогда показалась роскошной пальмовой ветвью, и тотчас Божья благодать, сила воскресения Христова, наполнили меня. Я отчётливо понял, что это значило. Господь в тот день испытывал меня, готов ли я умереть. Его силой я с трудом поднялся с кровати и пошёл по больничному полу, ощущая себя так, словно находился в невесомости. Дойдя до соседнего помещения, я вдруг подумал: может быть, это всё-таки смерть?! Тогда я быстро вернулся к своей кровати, чтобы посмотреть, лежит ли там моё тело. Кровать была пуста. Я ущипнул себя и окончательно осознал, что имею не только душу, но и материальное тело.

Вечером того же дня, выйдя на улицу, я увидел в небе красивое северное сияние. Это было для меня знамением от Небесного Отца. Никогда не забуду тот день – 25 марта 1946 года. Позднее, вернувшись в Эстонию, я узнал, что на эту дату приходится праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в память о чудесном зачатии Иисуса Христа посредством Духа Святого в чреве девы Марии.

Ночью в больнице я также чувствовал особое присутствие Святого Духа. Лёжа в тишине на кровати, я словно качался на волнах Духа Божьего. Это было неопишваемое

чувство восторга, я с трудом сдерживал себя, чтобы не восклицать громко, прославляя моего Господа. Не знаю, на каких языках я славил Его тогда! С того памятного события у меня появился необычный духовный дар. Глядя в глаза человеку, я вскоре мог определить, злой он или добрый. Заглядывая в глаза, я словно видел его сердце и потаённые уголки души. Думаю, что это дар «различения духов».

Тогда же я испытал сверхъестественное прикосновение к себе. Я лежал на кровати с закрытыми глазами и размышлял о моём великом Боге. Внезапно я почувствовал, как кто-то легко коснулся моего лица. Я удивлённо открыл глаза, чтобы увидеть того, кто меня погладил, но никого поблизости не оказалось. Несомненно, это было небесное прикосновение. Возможно, это являлся мой ангел.

Последние допросы

Все эти чудесные откровения были неслучайны: Господь готовил меня к последней духовной битве. Чекисты не могли так просто поверить, что знающий несколько языков человек, вернувшийся в СССР во главе целого батальона, был просто рядовым. Они видели во мне рыбу покрупнее или, может быть, даже особо опасную фашистскую змею. Меня постоянно окружали люди, которые пытались уловить хоть какие-то намёки на то, в чём меня подозревали чекисты. И, как говорится: «Кто ищет, тот найдёт».

Снова начались допросы. Меня привели в кабинет следователя, где находилась специальная скамья для обвиняемых, на которую я и должен был сесть. Однако я решил её проигнорировать и демонстративно уселся

на свободный стул рядом со следователем. Этот человек растерялся и, не сказав ни слова, принялся лихорадочно листать моё уголовное дело. Бумаг оказалась целая куча – кропотливая работа целого десятка доносчиков. Все их записи были сделаны на послевоенной невзрачной бумаге. Неожиданно я заметил в этой серой куче белый лист стандартного европейского формата, исписанный красивым почерком. К сожалению, следователь переворачивал бумаги быстро, и я не успевал разглядеть подписи. Когда просмотр материалов закончился, следователь неожиданно сказал, что меня будет допрашивать кто-то другой.

Вскоре меня вызвала на допрос довольно приятная следовательница, в которой чувствовалась искорка человечности. После нашего с ней душевного разговора она тоже передала моё дело другим людям.

Затем состоялся короткий процесс. Прокурором на нём выступал некий латыш, похожий на гориллу. Он сразу же

Министр иностранных дел Яан Поска

задал вопрос о моём отце. Едва я успел сказать несколько слов, как он начал орать: «А мать?! А мать?!»

И тут в моей памяти всплыл тот самый белый лист бумаги, подшитый в уголовном деле. Я вспомнил единственного человека, которому рассказывал о своей матери, кто, по-видимому, и сдал меня, взамен получив билет домой... Только этот один человек из всей нашей большой группы эстонцев знал, что отцом моей матери был Яан Поска, первый министр иностранных дел Эстонской Республики. Поска 2 февраля 1920 года в Тарту заключил мирный договор с Советским Союзом, согласно которому последний обещал отказаться от Эстонии навсегда. Это событие, некогда неприятное для русских, могло теперь мне аукнуться. При Сталине дети нередко отвечали за вину своих родителей.

Я, обхватив голову руками, молился и пытался сообразить, как мне быть дальше. Выхода, казалось, не было. Горилла продолжала наседать на меня, а я уже, не таясь, просил помощи у Бога. Наконец прокурору моё поведение показалось странным, и он пригласил двух работников больницы, которые стали свидетелями того, что я не способен сам подписать протокол. Таким неожиданным образом Господь ответил на мою молитву. Одним из свидетелей, вызванных прокурором, был дружелюбный санитар по имени Эдгар Кясперт, который позднее работал инженером на заводе «Норма»¹.

Невозможно было предугадать, какие улики собраны против меня и сколько в них правды. В те годы людей расстреливали и по совершенно лживым доносам. Однако Бог избавил меня от этой большой беды в один миг.

Мне снова назначили медкомиссию. Это выглядело довольно забавно. Среди психиатров в белых халатах посадили молодого офицера в форме НКВД. Меня спросили,

---

¹Таллинское предприятие, производившее многие товары народного потребления.

что я о нём думаю. Я назвал его Васей. Затем, юродствуя, добавил, что мне Ваську жалко, так как он выбрал себе дрянную профессию. Далее я высказал всё, что у меня было на сердце в отношении НКВД. Мою речь аккуратно записали на бумаге, и вскоре комиссия из квалифицированных специалистов пришла к выводу, что я действительно сошёл с ума. Но поскольку я был «тихий дурачок», меня решили отправить домой без конвоя.

По мнению некоторых людей, все верующие – сумасшедшие. Однако у меня в этой связи появилось преимущество, ведь я стал сумасшедшим с официальным документом.

Домой!

Когда в апреле 1946 года отворились ворота Медвежьегогорского лагеря, оттуда вышло странное существо, на голове у которого была немецкая солдатская шапка, на теле – советская шинель, а на ногах – «обувь», сделанная из автомобильной покрышки. По чудесному совпадению это случилось той же весной, когда я, согласно своим прежним планам, должен был окончить Тартуский университет и получить диплом экономиста. Но Бог зачислил меня в другой «университет», выдав в итоге диплом чада Божьего и заверив его печатью Святого Духа.

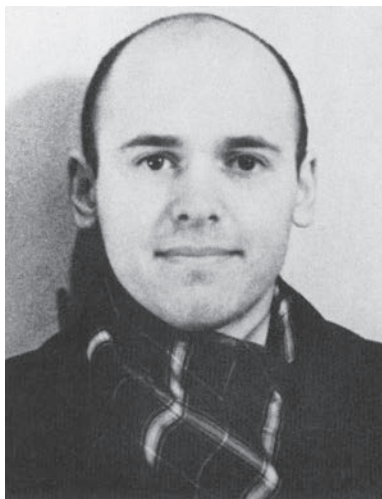
«Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои, – говорит Господь. – Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших»¹.

Моя дорога домой пролегла через Ленинград. Там я купил билет на поезд до Таллина. Но до его отправления

---

¹ Ис. 55:8–9.

был ещё целый день. Тогда стояла Пасхальная неделя, и я отправился на поиски церкви. Нашёл православный храм и побывал там на службе. Потом какое-то время я сидел возле церкви, размышляя, куда пойти дальше. Меня приняли за попрошайку, и одна русская женщина сунула мне в руку мелочь (этих денег хватило, чтобы проехать на трамвае), другая – дала два леденца (они были очень вкусными).

Наконец на свободе! 1946 год

Моей следующей целью был Эрмитаж. Находиться в Ленинграде и не посетить Эрмитаж – это невысказано. Я шёл по улице, прохожие глядели на меня с изумлением. Особенно взгляды людей притягивала моя немецкая шапка. Четыре милиционера останавливали меня, однако документы были в порядке, и я шёл дальше. На пятый раз, несмотря на все мои документы с печатями, меня задержали и велели удалиться из центра города. Милиционер сопроводил меня на железнодорожный вокзал и сказал: «Радуйся, что вообще едешь домой». На вокзале я услышал, как одна русская женщина рассказывала своей знакомой, что одежду ей шьёт в Таллине знакомый портной.

В поезд я сел с благоговейным чувством. Когда-то Господь велел мне покинуть родину, а теперь Его сильная рука вела меня обратно. Однажды в лютеранской церкви я получил откровение, призывавшее меня к послушанию Господу: «Где... Царь Арпада?» Затем я заметил в Библии выделенный жирным шрифтом текст из 35-й главы

Вероника

Книги пророка Исаии: «И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием. И радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и вздыхание удалятся». И вот теперь эти слова осуществлялись в моей жизни.

Подобным образом исполнились и обетования из Псалма 90: «Живущий под кровом Всевышнего

под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: „Прибежище моё и защита моя, Бог мой, но Которого я уповаю!“

Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы». Сетей на моём пути было расставлено действительно много, но мой Царь освободил меня от них. Птичка выпорхнула и полетела домой. Радостно служить такому великому и могущественному Царю!

С молитвой благодарности я вышел из поезда на Балтийском вокзале и ступил на дорогу эстонскую землю. Прежде всего я пошёл к дому на улице Луйзе, где находился молитвенный дом христианской

Вероника – солдат Армии Спасения. Слева её мама, сержант-майор Аделе Сальм

общины «Кармель». Было утро понедельника, и дверь оказалась закрытой. Но то, что я мог хотя бы дотронуться до дверной ручки молитвенного дома, было уже большой радостью.

Затем я направился к Веронике. Я вошёл в квартиру, и мне всё там показалось каким-то необыкновенным. Благоговение наполняло моё сердце. Я любовался обычным карандашом, лежавшим на письменном столе у моей невесты. Об этом в лагере можно было только мечтать.

И вот появилась она, моё Солнышко. Какое счастье видеть, что тебя ждали! Какое любящее и верное сердце!

Оказавшись на родине, мне сразу же захотелось узнать, известно ли что-нибудь о судьбе моего друга Калью Каура. Я написал письмо его отцу в деревню Хюрси. Вскоре оттуда пришла радостная новость: Калью жив и учится в Англии на портного. Он мечтал шить одежду в городе Выру, но теперь Бог дал ему возможность учиться в «Мекке» всех портных. Позднее Каур переехал в Канаду, где работал по своей профессии, а также входил в совет самой большой эстонской лютеранской общины в Торонто. Так Господь благословляет тех, кто верен Ему.

Приют

В нашем доме на улице Поска теперь жили другие люди, четыре семьи. Все мои вещи пропали. Проблему с одеждой помог решить служитель свободной церкви Оскар Ольвик, который полностью переделал меня. Этот человек сам испытал в жизни много трудностей, поэтому остро чувствовал нужду ближнего. Кстати, он был первым священнослужителем, который посетил меня в концлагере в Хийу. У него тогда с собой был большой мешок

сухарей, что считалось настоящим богатством.

Нерешённой оставалась проблема с ночлегом. В отцовском доме я смог пробыть всего одни сутки. Мачеха с радостью встретила меня. Она раздобыла для меня туфли и тёплый пуловер, это было роскошью в те времена. Однако Марта оставалась самым упрямым человеком, которого я знал. Она была убеждённой коммунисткой и атеисткой. На мои религиозные убеждения Марта смотрела как на некое недоразумение. Она говорила: «В годы войны, в трудностях, и коммунисты зывали к Богу. А теперь мы отправим тебя в санаторий, где будут хорошо кормить, и ты забудешь всю религию!»

Я, разумеется, с этим не согласился, и в итоге двери этого дома закрылись передо мной. Я мог посещать отца только в консерватории, а позднее в больнице, где он лежал перед смертью.

Марте было нелегко с моим отцом. Я понял это в ту единственную ночь, которую провёл у них в доме. Отец пришёл домой под утро пьяным и захотел сварить себе кашу. Это у него никак не получалось. Он всё добавлял и добавлял крупу, но каша оставалась жидкой. Когда отец её наконец попробовал, то выяснилось, что он высыпал в кастрюлю весь семейный запас сахара.

Будучи верующим человеком, я искал духовного общения и пошёл в православную церковь. Там я услышал

Дома – в тюремной одежде

о смерти нашего доброго священника, отца Николая. Новые священники в храме были очень суровые, и я не нашёл с ними общего языка.

Тогда я вспомнил о своих знакомых из свободной церкви и стал искать с ними встречи. Могла ли их церковь стать моим новым домом? Больше всего меня впечатлило то, что эти верующие люди уважали взгляды других христиан. Во время войны я несколько раз прочитал Новый Завет и пришёл к выводу, что крещение – это духовное погребение ветхого человека, нашего плотского Адама.

Я решил побеседовать на эту тему со служителем общины «Кармель» Оскаром Ольвиком. Он учился на богословском факультете Тартуского университета и считал необходимым крестить детей. И всё же, несмотря на свои убеждения, он сказал мне: «Если Бог так тебе открыл этот вопрос, ты должен быть Ему послушным».

Желая лучше разобраться в данной теме, я пошёл к Эдгару Раянди. Он был крещён по вере и теперь сам крестил только верующих. Неожиданно Раянди во время нашей беседы остудил мой пыл. Он призвал меня хорошо разобраться в том, насколько чисты мои мотивы. Также Раянди сказал мне, что крещение само по себе не делает никого лучше.

Взгляды этих двух людей оказали на меня большое влияние. Человек, одобрявший крещение детей, посоветовал мне креститься по вере. А тот, кто сам был крещён по вере, велел мне исследовать истинные мотивы. Мне тогда подумалось, что если таковым является дух свободной церкви, то я хочу принадлежать к ней! Уважение мнения других христиан всегда было для меня очень важным. Я считаю это высшей степенью духовности.

Весной 1946 года я начал регулярно посещать собрания свободной общины «Кармель», а год спустя меня крестили в реке Пяяскула. Там был похоронен мой ветхий Адам.

Оскар Ольвик направил меня в небольшую общину в Алавере, в районе Харьюмаа. Любовь верующих местной церкви питала меня всё лето, а я служил им по воскресеньям проповедью Божьего Слова.

Осенью я вернулся в Таллин, где передо мной вновь встал жилищный вопрос. В городе, пострадавшем от войны, это была немалая проблема. Но Господь решил и её. Третьего сентября на собрании свободной общины меня представили всем присутствующим как брата, которому негде приклонить голову. Одна добрая пожилая сестра услышала это и пригласила меня к себе. Она показала мне комнату в своей квартире, которая недавно освободилась.

Уже на следующий день я туда переехал. Площадь моей комнаты составляла двадцать квадратных метров, имела вся необходимая мебель и даже небольшая пальма. Сестра Фрида («мир» по-немецки) была одного возраста с моей мамой, и под пальмой в её доме я обрёл чудесный покой и мир. В придачу к этой комнате я получил любящее материнское сердце Фриды.

Высшая математика

Я устроился на работу в государственную библиотеку на улице Тоомпеа и с удовольствием там трудился, классифицируя книги по десятичной системе. Но это счастье продлилось всего два месяца.

Мама одной девушки, моей коллеги по работе, попросила пригласить её дочь на собрание в церковь. Не подозревая о возможных последствиях, я выполнил просьбу верующей матери. Случилось так, что моё приглашение в церковь, кроме самой девушки, услышал зам. заведующего

библиотекой. Через несколько минут меня уже вызвали в кабинет самого заведующего.

– Вы нас обманули!

– Каким образом?

– Мы думали, что вы комсомолец, а вы... верующий!

Пишите заявление об увольнении.

Так я снова стал безработным. Ко мне домой даже направили милиционеров для увещательной беседы.

Тем не менее той же осенью я смог продолжить своё обучение на экономическом факультете. Он каким-то образом перебрался из Тарту в Таллин. В первый день университетских занятий я вошёл в аудиторию последним. Было предчувствие, что так я найду себе место, указанное мне Богом. Единственный свободный стул тогда оказался рядом с деревенским парнем из Лихулы.

С тех пор мы с ним сидели за одним столом. Я много раз испытывал побуждение рассказать ему о Боге и о Его водительстве в моей жизни. И вот однажды я решил сходить к нему в гости, чтобы побеседовать в спокойной обстановке.

Однако накануне этого события у нас проходили занятия по высшей математике. Преподаватель вызвал меня к доске. За годы войны и пребывания в лагерях я многое позабыл и теперь стоял перед всеми, как неуч. Возвращаясь постыжённым на своё место, я подумал, что, прежде чем свидетельствовать другим людям о Боге, нужно подтянуть математику. Хотя я тогда и посетил своего однокурсника, мы с ним болтали о всяких пустяках. А ведь Дух Божий побуждал меня в тот день говорить о самом главном.

Когда меня уволили из библиотеки, я сразу же ощутил в своём сердце желание трудиться на Божьей ниве. Я получил тогда приглашение в Пярну на евангелизационные собрания, организованные местной свободной церковью. В те дни я в молитве попросил моего Царя, чтобы мы заключили с Ним завет: если Он хочет видеть

меня служителем Своего Царства, пусть знаком этого станет обращение какого-то человека к Богу через моё свидетельство. Вскоре таких людей было уже так много, что я понял: наш завет с Господом утверждён!

Но прежде чем я смог начать в полной мере трудиться для Господа, мне предстояло пройти через ещё одно испытание: врачи обнаружили у меня открытую форму туберкулёза. Мне пришлось отказаться от учёбы и начать серьёзное лечение. Тогда же мне дали вторую группу инвалидности и запретили посещать лекции.

Однажды я встретил на улице однокурсника и спросил его, как дела. Он сказал, что всё хорошо, только на курсе ещё на одного студента стало меньше.

– Кто-то бросил учёбу? – спросил я.

– Твой приятель из Лихулы покончил с собой.

Это был тот самый парень, к которому меня направлял Господь! Я был единственным верующим на курсе из почти ста человек. Бог видел, что мой сосед нуждался в помощи. Я же тогда пренебрёг призывом своего Царя и беспокоился только о своём отставании по математике. Теперь я в вечном долгу перед этим погибшим юношей.

Таким был самый горький опыт в моей христианской жизни. Если рассказ об этом поможет кому-то избежать подобного несчастья, я буду очень рад. Почему я не поспешил тогда оказать духовную помощь своему ближнему? Я ведь мог сказать ему, что, несмотря на пробелы в моих знаниях, есть Бог, Который силен всё изменить. Возможно, это ободрило бы его и стало началом новой жизни...

Во время болезни я нашёл копию бумаг с моими планами на будущее, составленными мною в ранней юности. Оригинал был утерян ещё во время бомбёжек Таллина. Читая эти наивные планы, я удивлялся собственному легкомыслию. Сидя перед печкой, я с грустью бросал в огонь страницу за страницей. Лишь один лист из тех давних планов мне теперь мог пригодиться – самый первый.

Он был чистый, как снег. Я положил его на стол перед Богом и сказал: «Господь, Ты знаешь всё. Тебе ведомо то, что было, есть и будет. Напиши Сам мой жизненный план!»

Туберкулёз беспощадно терзал меня и угрожал самой жизни. С печальными мыслями я шёл по улицам Таллина весной 1948 года. Там мы неожиданно и столкнулись со старой подругой моей мамы Валерией Кишпер, дочерью православного священника. Она сразу определила по моему лицу, что я серьёзно болен, и пригласила меня на лето к себе. «Отъеешься и выздоровеешь, – сказала она и затем добавила: – Тогда я смогу спокойно смотреть в глаза твоей матери!»

Всё лето я провёл в Одолемма, вблизи Риисипере, где тётя Валерия работала директором школы. Всё лето она откармливала меня самой лучшей деревенской пищей. Усилия Валерии не были напрасны. Осенью меня снова обследовали врачи и сказали, что худшее позади, у меня теперь была закрытая форма туберкулёза. Тогда я вновь стал задумываться о создании семьи.

Великий Бог не оставил без награды благородную душу тёти Валерии. Спустя годы она умерла, будучи глубоко верующим человеком. Как много добрых ангелов Небесный Царь посылал на моём жизненном пути! Они всегда являлись вовремя. При воспоминании о них моё сердце всякий раз наполняется глубокой благодарностью. Я никак не могу им отплатить за сделанное добро, но знаю, что наш Небесный Отец никогда не останется в долгу.

Женитьба

Весна 1949 года выдалась солнечной и прекрасной. Весна пришла и в мою жизнь. Болезнь отступала.

Накануне праздника Троицы, 4 июня 1949 года, нас с Вероникой обвенчали в небольшом молитвенном доме свободной церкви «Кармель» в Таллине. Служитель общины во время богослужения проповедовал на слова апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живёт в вас?» (3:16).

Я пригласил на бракосочетание своего отца и мачеху. В церковь они прийти отказались, так как были членами ВКП(б), но на свадьбу заглянуть обещали. Неожиданно от них пришла телеграмма: «Счастья и успехов вам в строительстве коммунизма!» И тогда мне стало ясно, что они и на свадьбу не придут. Для отца было зарезервировано место рядом с невестой. И мы туда посадили полковника Николая Петровича, тоже партийного. На нашу свадьбу он попал почти случайно.

Как-то раз мы с Вероникой зашли к преподавателю игры на скрипке, брату из баптистской церкви, у которого

Наше венчание в церкви «Кармель»

в это время гостил Николай Петрович. Они когда-то вместе отдыхали в санатории, а теперь – тоже вместе – ходили на собрания христиан-баптистов. Услышав, что у нас намечается свадьба, Николай Петрович сказал: «Я ещё не бывал на свадьбе верующих людей. Можно я приду?» Конечно, мы его пригласили, и Николай Петрович занял почётное место рядом с невестой. В партбилете он носил крест, который мама повесила ему на шею, когда он уходил на фронт ещё во время Первой мировой войны. В жизни Николая Петровича было место для Креста. Он стал нашим добрым другом.

Я тоже подарил своей невесте серебряный крестик, на котором были выгравированы слова из Евангелия от Матфея: «Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это всё приложится вам» (6:33).

Через несколько дней после свадьбы Веронику – из-за нашего церковного брака – исключили из Таллинской музыкальной школы, где она училась на хорового дирижёра. До окончания учёбы ей оставалось всего две недели.

Ранее Веронику вынудили уйти из республиканского министерства пищевой промышленности, куда она попала по распределению после окончания экономического факультета Таллинского политехнического института. Веронику мягко пытались вернуть в русло советской жизни, но когда это не удалось, уволили.

Таким образом, мы начали нашу совместную жизнь в весьма трудных условиях. Однажды в воскресенье мы с Вероникой вынужденно обсуждали, ехать ли нам в церковь на трамвае или идти туда пешком, чтобы сберечь хоть несколько копеек. И всё-таки в этом было немало положительного. Вероника, оставшись без работы, сосредоточилась на создании домашнего уюта и заботе о муже, что помогло мне окончательно выздороветь.

Дети

Бог подарил нам четверых детей. Первым родился сын, которого мы назвали Отт, в честь моего прадеда, отца Карпа Ардера. Через два года, 26 февраля 1952 года, в день рождения Отта, появился на свет его брат, которого мы назвали Ян, в честь моего деда по материнской линии.

Когда Отту было три года, у нас гостил один человек, которого звали Роберт, у него была своя машина. В то время автомобили ещё считались редкостью, поэтому Роберт для Отта был очень важным дядей. Наш сын собирал небольшие фигурки животных из марципана просто потому, что ему было жалко их есть. Этих марципановых зверушек нам приносили в подарок многие друзья. Когда

Наша семья в 1964 году.

Слева Ян, Отт, Вероника с Ааде, справа от меня Мадли

Роберт пришёл к нам в гости, я решил испытать сына и сказал:

– Отт, это дядя Роберт, у него есть машина. Ты бы дал ему одну из своих марципановых игрушек?

– Да, дал бы! – последовал ответ. – Но они сейчас спят...

В чём все люди гении, так это в умении придумывать отговорки.

Третьим ребёнком в нашей семье стала Мадли. В то время мне пришлось немало переживать. Незадолго до родов мы всей семьёй были в отпуске в Вызу. В установленный срок Вероника поехала в больницу в Таллин. Несколько дней спустя к нам пришли две девушки из почтового отделения и сообщили, что меня вызывают к телефону. При этом они добавили, что речь идёт о чьей-то смерти. Ужасные мысли пронеслись в моей голове: кто умер? ребёнок или Вероника? или они вместе?..

У телефона выяснилось, что умерла подруга моей мамы, Валерия Кишпер. Она была для меня дорогим человеком, спасшим мне жизнь во время болезни. Она заботилась

Счастливые!

обо мне, как родная мать. Эта благородная женщина во время молитвы перешла в вечность, где могла без стыда ожидать встречи с моей мамой.

Мадли родилась без осложнений 24 августа 1954 года, в день рождения Вероники. Это был для моей жены, конечно, самый лучший подарок. Когда Яан, которому было два с половиной года, услышал новость о рождении сестрёнки, то заявил, что будет защищать её от волков.

Таким образом, в нашей семье на четырёх человек приходится два дня рождения. Видимо, не зря Вероника училась на экономиста...

Последней, в 1960 году, у нас родилась дочь Ааде. Это произошло 12.06, а я появился на свет 06.12. Наверное, так получилось потому, что я в то время учил иврит, а в этом языке слова ведь читаются справа налево...

С большой радостью я сообщил Мадли о рождении сестрёнки. Она же спросила меня: «А мама уже знает?»

Чудесная история обращения к Богу

Эта история произошла незадолго до того, как семь небольших свободных общин Таллина объединились в единую церковь Олевисте.

Мне необходимо было обновить обложки нескольких книг, и я с книгами пошёл к переплётчику. Его не оказалось дома, но супруга этого человека пригласила меня зайти. Мы виделись впервые, тем не менее она сразу начала сетовать на свою жизнь и рассказала о намерении развестись с мужем, так как он пил. Выслушав её, я сказал, что в этой ситуации силен помочь только Бог. Из разговора с этой женщиной выяснилось, что её мать —

верующая. Наверняка материнские молитвы духовно поддерживали эту женщину. Я оставил ей адрес нашего молитвенного дома и расписание богослужений. Аманда (так звали женщину) пообещала прийти.

Наступило воскресенье, и Аманда действительно пошла на собрание. Придя по адресу, она увидела, что наш молитвенный дом – это очень скромное здание, ютившееся в переулке. Аманде это показалось странным. А неподалёку, в конце улицы Луйзе, виднелась красивая большая церковь Каарли с двумя высокими башнями. Туда женщину влекло больше... Однако мысль о том, что ей придётся оправдываться перед молодым человеком, когда тот придёт за своими книгами, побудила её всё же заглянуть в молитвенный дом. В то утро проповедовал служитель церкви Оскар Ольвик. Темой проповеди была история пророка Ионы. Дух Святой коснулся сердца Аманды, и она увидела в Ионе себя. К ней пришло понимание того, что именно она являлась причиной бури в своей семье. Затем Аманда пришла и на второе служение, проходившее в тот же день. Когда пастор пригласил желающих помолиться, она громко воскликнула: «Помолитесь, чтобы мне спастись из чрева кита!»

После служения мы побеседовали с Амандой. Оказалось, что по соседству с ней живёт восьмидесятилетняя верующая старица Розалия, прикованная к постели. Ольвик дал Аманде адрес сестры Розалии, и новообращённая стала регулярно посещать старицу. Аманда была домохозяйкой и сама распорядилась своим временем. Они вместе с Розалией молились, и старица разъясняла ей Новый Завет. Один стих особенно запал Аманде в душу: «Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином» (1 Пет. 3:6). Аманда, прежде бывшая очень гордой женщиной, решила отныне стать служанкой для своего мужа-пьяницы.

Эдуард Уук, муж Аманды, был хорошим специалистом в своём деле, настоящим мастером, но любил выпить.

Позднее он рассказывал мне: «Придѣшь домой под утро: стол накрыт. Жена быстро встаёт с постели, разогревает еду, садится напротив меня и мило улыбается. Когда это случилось в первый раз, я подумал, что у меня галлюцинация, но такая картина повторялась вновь и вновь».

Муж решил выяснить, что произошло с его женой. В первый раз он попал на собрание в церковь «Кармель» изрядно выпившим. Во второй раз они пришли вместе с Амандой и сели в предпоследнем ряду. Это было призывное служение, и Оскар Ольвик дал молодым проповедникам по пять минут. Моё свидетельство основывалось на словах Христа: «...Уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты» (Мф. 23:27).

После собрания я подошёл к Эдуарду, чтобы поприветствовать его. Этот долговязый, хмурый, с жилистыми руками, высоким лбом и ясными глазами человек неожиданно сказал: «Я и есть этот гроб...» Он тут же упал на колени и отдал своё сердце Богу. Аманда встала на колени рядом с ним. После молитвы Эдуард достал из кармана портсигар и – в знак отказа от курения – передал его мне. Этот портсигар (с сигаретами внутри) до сих пор хранится у меня. Супруги Уук, по их собственным словам, ушли после этого собрания домой более счастливыми, чем в день свадьбы.

Эдуард не был заурядным пьяницей. Хорошее чувство юмора и смекалка делали его душой компании. Старые друзья всячески пытались вернуть его к прежней жизни. Когда же их попытки не увенчались успехом, они отправили Эдуарду записку с нарисованным могильным крестом и его именем в траурной рамке. Эдуард Уук для них умер. Но что может быть большей наградой для христианина, чем такой документ, выданный ему этим миром!

Аманда и Эдуард прожили счастливо ещё около двадцати лет. Эдуард давал новую жизнь духовным книгам,

восстанавливая их во славу Того, Кто заменил рассыпавшийся переплёт его собственной жизни.

Моё сердце всегда наполнялось радостью, когда я видел на улице этих людей, идущих рука об руку. Мне вспоминался листочек, на котором я когда-то простым карандашом на скорую руку написал место и время наших богослужений. Какую же силу имеет Божье Евангелие и как обильно Господь благословляет наши немощные труды для Его славы!

Олевисте

Осенью 1950 года семь таллинских общин объединились в одну церковь под названием *Олевисте*. Это были баптисты, евангельские христиане, пятидесятники и свободные христиане (очень милые и жизнерадостные люди). Их старые молитвенные дома стали использоваться для других нужд.

Церковь Олевисте вместе со шпилем имеет высоту 124 метра и является самым высоким храмом от Курильских островов до Кыпу¹. Здание, которому около семисот лет, вмещает до пяти тысяч человек. Раньше это была лютеранская церковь, принадлежавшая немецко-эстонской общине. Когда в 1939 году по призыву Гитлера многие немцы покинули Эстонию, в церкви Олевисте осталось не более двухсот человек, в основном эстонцев.

Советское государство решило передать церковь Олевисте в пользование свободным общинам. Первое богослужение объединённой церкви Олевисте в сентябре 1950 года стало незабываемым². Открыл собрание всеми любимой

---

¹ Знаменитый маяк в западной части Эстонии.

² Торжественное открытие церкви состоялось 17 сентября 1950 года.

Мой друг –
Александр Васильевич Карев

генеральный секретарь нашего братства Александр Карев¹. Он прочитал текст из Евангелия от Иоанна 12:12. Эта проповедь называлась: «Мы хотим увидеть Иисуса». Переводчиком на этом собрании был Александр Силдос, будущий старший пресвитер, брат с любящим отцовским сердцем. Когда в моей жизни случались переживания, он никогда не ругал меня, но только утешал. Его жена Аделе однажды сказала мне памятные слова: «Есть два врача: Бог и время».

Я стал первым сотрудником канцелярии в новой церкви, а Вероника – руководителем оркестра. И это стало возможным благодаря тому, что коммунисты нас оставили без работы.

Моим непосредственным начальником считался казначей церкви, брат из свободной общины Йоосеп Лейсберг. Он был мужем молитвы и веры. Я никогда не вёл такую насыщенную молитвенную жизнь, как во время совместного труда с Лейсбергом. Работа в канцелярии начиналась в десять часов утра, но мы приходили к девяти часам. Сначала читали главу из Библии, затем составляли список молитвенных нужд. Их всегда было много. Если во время молитвы звонил телефон или кто-то стучал в дверь, Лейсберг не реагировал на это, ведь мы тогда находились на приёме у Всевышнего.

---

¹ А. В. Карев (1894–1971), генеральный секретарь ВСЕХБ (Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов) и главный редактор журнала «Братский вестник».

Йоосеп Лейсберг также был человеком дела. Когда власти нам передали церковь Олевисте, её окна были разбиты и ветер перелистывал страницы Библии, лежавшей на кафедре. Я стал свидетелем того, как две личности, Лейсберг и «Дух церкви Олевисте», начали грандиозную работу. Позднее к ним присоединились сотни женщин и мужчин, которые застеклили окна и сделали другой необходимый ремонт.

В слове «дух» в данном случае нет ничего мистического или сверхъестественного. С первых же дней объединения братских общин в Таллине за церковным зданием присматривали супруги Эрих и Хильде Вайм¹.

Однажды наш Дух заболел. В церкви сразу стало прохладно. Вроде бы и топили, но не так искусно, как это делал Дух. Позже выяснилось, что печку растапливали братья Туйск² и Кюльм³.

В течение тридцати одного года моим духовным наставником был Оскар Ольвик. Он стал первым священнослужителем, который посетил меня в немецком концлагере, не смущаясь бдительного охранника. Он тогда принёс с собой большой мешок сухарей, которые были на вес золота. Когда я вернулся домой, обутый в лапти из автомобильных покрышек, одетый в русскую солдатскую шинель, с немецкой шапкой на голове, то именно Ольвик поделился со мной одеждой.

Во время основания объединённой церкви Олевисте сотрудники НКВД следили за Ольвиком. Однажды они приходили с обыском даже в церковь, надеясь найти на него компромат. Чекисты обыскивали всю церковь, а их командир рылся в нашей канцелярии. У каждого служителя церкви имелся свой ящик, который закрывался на замок, но у главного чекиста откуда-то взяли все необходимые

---

¹ «Вайм» в переводе с эстонского языка означает «дух».

² «Туйск» в переводе с эстонского – «метель».

³ «Кюльм» в переводе с эстонского – «холод».

ключи. Он проверил наши ящики и особенно тщательно осмотрел вещи Ольвика. Ничего подозрительного не нашёл. А у меня в это время на столе лежал список верующей молодёжи, из-за чего могли возникнуть проблемы и у Ольвика, и у наших юных братьев и сестёр. Но как раз этот список чекист и не заметил. Как написано: «Любящим Бога... всё содействует ко благу»¹.

Вскоре я должен был ехать в Хаапсалу на восьмидесятилетний юбилей тёти Берты (о ней я ещё расскажу). Мы немного не доехали до места, как пограничники остановили нашу машину и потребовали предъявить паспорта. Боясь потерять документы, я обычно не носил паспорт с собой. Вот меня и задержали... Пограничники сказали, что ищут какого-то американского шпиона. Мой трёхлетний сын был очень огорчён нашей задержкой в пути. Он сел на камень и громко сказал: «Мой папа – важный человек, он из церкви Олевисте!» Вскоре приехал майор пограничной службы и доставил меня в местный отдел КГБ. А из Таллина в это время прибыл тот капитан, который руководил обыском в нашей церкви. Когда к нему привели предполагаемого американского шпиона, новая встреча нас обоих рассмешила.

Говоря об Оскаре Ольвике, следует добавить, что он учился в семинарии и должен был стать пастором лютеранской церкви. Он и позднее поддерживал связь с лютеранскими служителями. Когда я начал духовный труд в городе Раквере, Ольвик советовал мне: «В посёлке Кадрина есть хороший пастор по фамилии Уньть, свяжись с ним». Но в то время на меня навалилось так много работы, что добраться до Кадрина не получилось. И вот однажды меня туда пригласили провести похоронное служение. Вспомнив слова Ольвика, я сказал присутствовавшим на погребении: «Дорогие жители Кадрина! Служителем церкви у вас является настоящий муж Божий.

---

¹ Рим. 8:28.

Ходите в церковь и слушайте слово, которое у него есть для вас!» Одна женщина, шедшая мимо, остановилась послушать мою проповедь. После похорон она подошла ко мне и представилась: «Я жена пастора Уньтъ». В дальнейшем, вплоть до смерти пастора, нас с этой семьёй связывала самая трогательная дружба.

Говоря о церкви Олевисте, нельзя не рассказать о её старшем служителе, магистре богословия Освальде Тярке.

Освальд Тярк

Брат Освальд из Хийумаа (уезд Эммастэ, село Тяркмаа), получивший образование в американском университете, имел редкое сочетание большой эрудиции и детской веры. На мой взгляд, он был лучшим эстонским проповедником всех времён. Последующие поколения смогут сами оценить духовные труды Тярка. Рукописи его проповедей, собственноручно им отредактированные, сохранились в большом количестве. Тярк регулярно проповедовал в церкви на протяжении четверти века.

Для меня почти каждое выступление Тярка становилось событием. Также я восхищался его даром миротворчества. Мне доводилось сопровождать его в братской комиссии по примирению¹. Мы посещали братьев в Украине, Казахстане, Киргизии и Узбекистане. Тярк без ропота переносил любые трудности. Вспоминается, с какой невозмутимостью он ел со мной из одной тарелки суп, которым нас накормил среднеазиатский верблюдовод. Тярк ел с таким лицом, как будто он всю жизнь питался со мной из одной тарелки.

---

¹ Комиссия по примирению была организована ВСЕХБ в 1960-е годы для восстановления единства с отделившимися общинами СЦ ЕХБ.

Его авторитет в эстонском братстве был очень велик. Благодаря этому евангельские церкви Эстонии безболезненно объединились со Всесоюзным советом ЕХБ. В 1945 году к нам из Москвы приезжал Александр Карев. До этого он уже побывал в Риге, где в течение двух недель уговаривал латышские церкви присоединиться к ВСЕХБ. В конце концов они согласились. По дороге к нам московские братья сетовали на то, что, по слухам, эстонцы – ещё более жестоковыйный народ. Сколько же времени понадобится на то, чтобы убедить их?! Но когда Освальд Тярк увидел брата Карева, Бог сказал ему: «Этому человеку можно доверять». Тярк сообщил об этом откровении другим эстонским братьям, и в течение двух часов объединение союзов церквей совершилось. И мы никогда не пожалели об этом!

Я не помню ни одного случая, чтобы я возвращался от Тярка с тяжёлым сердцем. Он всегда находил время, чтобы выслушать ближнего и с любовью помочь в беде. Каждый раз меня охватывало такое ощущение, что Тярк во время разговора забывал обо всём и интересовался только своим собеседником. Он взрастил три поколения проповедников, которые продолжили его служение в том же благодатном духе.

Если составить список лиц, оказавших наибольшее влияние на мою духовно-нравственную жизнь, то он будет выглядеть так: Лааман, Кийсель, Тярк.

Уйди – приходи!

С тётей Бертой (Бертой Поом) я познакомился в молитвенном доме в Хаапсалу. Она рассказала мне о своём детстве. Её отец и мать, работники Нарвской Кренгольмской

мануфактуры, умерли рано. Родственники собрались на похороны, разделили между собой небольшое имущество, а по поводу Берты решили, что она будет жить у всех по очереди. Не успела она привыкнуть к одному дому, как её отправляли дальше. Когда же Берта приезжала на новое место, хозяева удивлялись, что она уже снова у них. Это причиняло боль маленькому сердцу. Но однажды она попала в Петербург к одной доброй женщине. Та была вдохновлена столичным духовным пробуждением, именуемым пашковским движением¹. Берту взяли с собой на молитвенное собрание, которое проходило на верхнем этаже богатого дома в присутствии самого Пашкова.

Незабываемая,
милая «мама» Берта

Берта запомнила звон шпор на сапогах Пашкова, когда он поднимался по лестнице. На этом собрании Господь коснулся сердца Берты, и она со слезами упала на колени. В это время звучала песня «Кротко и нежно Иисус призывает», в которой повторялся припев со словами: «Приди, приди!..» Берта, которой постоянно говорили: «Уйди, уйди!», – испытывала сильную потребность в христианской любви. Когда верующие окружили Берту и спросили о причине её слёз, она ответила: «Хочу стать такой же, как вы!» Это событие изменило всю жизнь Берты. В Петербурге находился детский приют Шведского миссионерского общества для девочек-сирот. Берта получила там место

---

¹ Евангельское христианство, получившее распространение в Петербурге в конце XIX века благодаря служению английского проповедника лорда Редстока (1833–1913) и русского аристократа В. А. Пашкова (1831–1902).

и возможность учиться. Даже в глубокой старости ей не составляло труда беседовать с людьми на русском, шведском, английском и немецком языках. По моей просьбе она перевела довольно объёмную книгу со шведского на эстонский язык. Будучи пожилым и больным человеком, она продолжала помогать людям и искренне этому радовалась.

Берта была в молодости расторопной, и её избрали руководителем всех евангельских воскресных школ в Петербурге. Среди её помощников был и Александр Карев, будущий многолетний руководитель ВСЕХБ. Однажды в дверь дома Берты постучался финский парень, который нуждался в помощи. Лучшей двери и более доброго сердца он не нашёл бы во всём Петербурге. Берта охотно помогла ему. Впоследствии этот молодой человек стал известным радиопроповедником. Это был Ярл Пейсти, его сыновья продолжили начатую им замечательную миссию¹.

Могли ли сёстры на собрании пашковцев знать, что из этой плачущей тринадцатилетней девочки выйдет замечательный Божий служитель? Понимала ли Берта, что она помогла юноше, которому предстояло стать благословенным радиопроповедником для России?

Так наш Господь превращает малое в великое.

Три Библии Гриши

В начальный период существования объединённой церкви Олевисте у каждого служителя из прежних самостоятельных общин был свой приёмный день. Однажды

---

¹ По-видимому, здесь речь идёт о Николае Ивановиче Пейсти (1892–1947), основателе Русского христианского радио. Его сын Ярл Пейсти (1920–2010) также стал знаменитым евангельским радиопроповедником.

Я пресвитер
Раквереской общины

в канцелярию во время дежурства служителя бывшей общины «Эммануил» Йоханнеса Лакса зашёл парень в военной форме. Он был родом из Украины и звали его Гриша. Он очень хотел иметь Библию на русском языке. Так как Гриша, несомненно, был искренним верующим, пастор Лакс пообещал достать ему Библию на следующей неделе. В 1939 году, перед самой войной, Лакс получил целый ящик Библий, напечатанных в Варшаве пастором Гёце. Это издание

Священного Писания до сих пор является лучшим на русском языке. У Лакса как раз оставалась одна последняя Библия из того ящика, и пастор, как и обещал, подарил её Грише. Тот с радостью расцеловал Божье Слово, упал на колени и со слезами поблагодарил Господа, а потом в знак признательности обнял Лакса.

Однако затем, немного подумав, Гриша сказал, что боится взять Библию с собой в воинскую часть, потому что там её могут заметить атеисты и отнять. Поэтому Гриша попросил разрешения оставить эту Библию у меня и, приходя ко мне в гости, её читать.

Гриша был почтальоном в своей части, на хорошем счету у командиров, и вскоре получил отпуск. Он взял Библию с собой на родину, но вернулся уже без неё. Кто-то из верующих, освободившийся из заключения, очень попросил у Гриши эту Библию, и он её подарил. Несмотря на это, Гриша был исполнен детской веры, что у Небесного Отца найдётся для него ещё одна Библия, почему-то

обязательно изданная Гёце. Моя вера на его месте не была бы такой твёрдой.

Однако Гриша всё же тронул чьё-то сердце и получил вторую такую же Библию, которую, впрочем, тоже вскоре кому-то подарил.

И вот он пришёл ко мне в надежде получить третью Библию. Я ему тогда сказал: «Да будет тебе по вере твоей, но моя вера кончилась...»

В то время меня избрали пресвитером Раквереской баптистской общины¹. Моя семья пока оставалась в Таллине, а я временно жил неподалёку от церкви на узкой мансарде, очень похожей на гроб. Однажды вечером, когда я уже почти заснул в своём гробике, меня привели в чувство крики какого-то пьяного мужика во дворе. Я смог различить только одно слово: «Горит!» Как оказалось, загорелся сарай рядом с нашим домом. Вскоре прибыли пожарные и милиция. Последние поднялись ко мне, чтобы узнать, не хранил ли я что-то ценное в этом сарае. Я ответил, что у меня там ничего нет, но хозяйка дома поставила там комод с запертым ящиком. Там может лежать что-то ценное. Милиционер пробрался к комоду и сильным рывком открыл запертый ящик. Первая же вещь, которая предстала пред нами, была Библия Гёце!

Пожар потушили, опасность миновала. Я расспросил хозяйку о неожиданной находке. Выяснилось, что Библия принадлежала бывшему хозяину дома, а он уже давно находится где-то на Западе. Тогда я сказал этой женщине, что бывший хозяин может свободно купить на Западе любые издания Священного Писания, а я знаю одного человека в нашей местности, который мечтает иметь именно такую книгу... Так Гриша получил свою третью и последнюю Библию.

«Господи! Ты слышишь желания смиренных; укрепи сердце их; открой ухо Твоё» (Пс. 9:38).

---

¹ Раквере – город на северо-востоке Эстонии.

Лучшая проповедь в церкви Олевисте

Вскоре после объединения наших церквей я услышал лучшую проповедь, сказанную в Олевисте. Её произнёс в моём присутствии в пустой церкви незабвенный Эдгар Раянди. Мы зашли в богослужебный зал вдвоём, и этот пожилой брат неожиданно спросил меня: «Арпад, найдёшь ли ты в нашей церкви два одинаковых окна?»

Я обвёл взглядом большие церковные окна, выполненные в готическом стиле, и не увидел одинаковых. Орнамент на них везде был разный.

«В церкви Христовой много окон, – продолжил Раянди. – Есть окна лютеранские, православные, католические, пятидесятнические, методистские, баптистские, окна свободной церкви, но свет только один – Христос. Нам всем нужно искать этот свет и быть прозрачными. Чем чище окно, тем ярче свет. Нам нужно показать миру этот свет жизни, а не особенности учений своих конфессий».

Христианские взгляды Раянди побудили меня в своё время присоединиться к свободным церквам. Догматика была на втором месте, а Христос на первом. Раянди сам стал светильником в моей жизни и в жизни ещё многих людей. Он светил каждому, кто находился рядом с ним. Эдгар Раянди уже перешёл в вечный свет, но окна Олевисте снова и снова напоминают мне о его проповеди.

Раквереская церковь

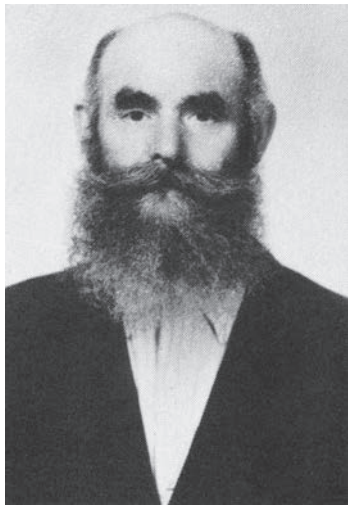
Итак, я стал пастором в баптистской общине в городе Раквере в Вирумаа. Моё служение там началось 1 января 1955 года и продолжалось почти пятнадцать лет. С этим периодом жизни у меня связано много добрых воспоминаний. Я благодарен Богу, что рядом со мной всё это время находился глава церковного совета Рихард Таллермаа, который взял на себя решение всех материальных вопросов общины и нашей семьи. Можно быть спокойным за служителя церкви, которому дан такой чудесный помощник. Рихард сам видел, что нужно сделать, и всегда трудился, как для Господа. Он работал механиком на нефтебазе и там тоже был незаменимым. Когда пришло время ему выходить на пенсию, начальству пришлось вместо него нанимать сразу трёх работников: механика, электрика и сварщика. Рихард же делал всю эту работу сам за одну зарплату.

Квартира нашей семьи находилась при молитвенном доме, поэтому у нас часто кто-то гостил. У Вероники было много хлопот с четырьмя детьми, вдобавок она руководила хором и переписывала партитуры. К счастью, у нас тогда имелись помощницы. Восьмидесятилетняя сестра Кристина штопала детям носки. Тётя Августа шила одежду. Айно и Элли занимались уборкой. А медсестра Линда, добрый ангел нашей семьи, приходила на помощь, когда кто-то болел. Таким образом, в Раквере мы со всех сторон были окружены любовью.

Хочется отдельно рассказать о Николае, нашем Санта-Клаусе¹. Он был сама доброта. Холостяк, по профессии пекарь. У него была длинная седая борода и весёлые глаза.

---

¹ Прообразом Санта-Клауса является св. Николай Чудотворец.

Пекарь Николай, ставший другом православного епископа

На Рождество и другие праздники он выпекал нам, детям и взрослым, всевозможные торты, крендели и пряники. Все они были такие красивые и большие, что мы всякий раз изумлялись. И все эти сладости он нам непременно дарил.

Для этого человека у Бога был особый план. Один его знакомый, бывший судебный писарь, однажды получил приглашение в гости от друга детства, литовского архиепископа Романа. Так как этот писарь не говорил по-русски, он попросил Ни-

колая поехать с ним. На месте выяснилось, что друзья детства стали чужими друг другу, так как архиепископ на закате жизни полностью отдал себя в руки Божьи. Зато у владыки теперь завязалась дружба с нашим Николаем. А через него позднее и я какое-то время переписывался с архиепископом. Мне он, в частности, написал, что ему после рождения свыше было совсем несложно отказаться от алкоголя, но очень трудно – от табака. Он набивал карманы конфетами вместо сигарет, но это мало помогало. Лишь когда в его кармане, где раньше лежали сигареты, появился Новый Завет, он наконец получил прямой доступ к Богу и освободился от искушения.

Когда здоровье архиепископа Романа ухудшалось, он звал к себе нашего пекаря Николая. В последний раз это случилось, когда архиепископ находился на смертном одре. Вокруг кровати стояло высшее православное духовенство, но руку умиравшего держал «еретик» Николай.

Встреча с Ваном Клиберном

Одна пожилая женщина из Раквере получила разрешение выехать к своей дочери в Канаду. Так как она не знала ни русского, ни английского языков, то попросила меня поехать с ней в Москву в качестве переводчика. Она купила билет и моему младшему сыну Яну, который в то время учился в первом классе. Отъезд старицы по какой-то причине задерживался, и мы должны были вместе с ней оставаться в Москве.

Наступило воскресенье. Я стоял перед выбором: можно было пойти в Центральную церковь ЕХБ в Маловузовском переулке или на подпольное богослужение к отделённым¹. Я направился к последним, так как мне было интересно побывать у них. На следующий день я наконец попал в Центральную Московскую церковь, где царил приподнятое настроение. Мне рассказали, что в минувшее воскресенье их посетил знаменитый пианист, победитель Международного конкурса имени Чайковского, американский баптист Ван Клиберн, любимец всей Москвы. Он подарил свою денежную премию, 80 000 рублей, Московской общине ЕХБ и принял участие в богослужении, замечательно играя на органе. Мне было очень жаль, что я не увидел этого удивительного человека.

И вот настал день отъезда нашей эстонской старицы. Мы с сыном поехали провожать её в аэропорт Шереметьево. Там довели нашу подопечную до того места, где стоял офицер пограничной службы, проверявший документы.

---

¹ Общины Совета Церквей евангельских христиан-баптистов, в 1960-е годы отделившиеся от ВСЕХБ (или отказавшиеся с ним общаться).

Дальше провожающих не пускали. На всякий случай мы с сыном решили немного задержаться в аэропорту, дабы убедиться, что с отлётом старицы всё в порядке.

И тут с Яном случилась неприятность. Он в тот день съел много слив и теперь схватился за разболевший живот. Я не знал, как быть. Ко мне подошла какая-то женщина и сказала: «Что вы мучаете ребёнка? В аэропорту есть врач, отведите мальчика к нему!» Как только мы с Яном пошли искать врача, в зал ожидания хлынула толпа. Причём в ней были одни женщины, всех возрастов, от самых юных до пожилых. Все они, как оказалось, следовали за нашим пианистом Ваном Клиберном, всячески выражая ему своё восхищение.

Для поддержания порядка к дамам вышел уже знакомый нам офицер пограничной службы. Пользуясь случаем, я попросил его помочь нам с сыном пройти к врачу. Офицер предложил нам следовать за ним, и мы вместе стали протискиваться через толпу. Когда нам с трудом удалось добраться до цели, врача на месте не оказалось. Но зато мы попали в помещение, в центре которого стоял Ван Клиберн, укрывшийся там от своих поклонниц. Я решился подойти к Вану и заговорить с ним. Я попросил его написать на чистом листе в моём эстонском Новом Завете его любимое место из Священного Писания. Он охотно это сделал, оставив мне на память надпись: «Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои» (Притч. 3:6).

Затем я стал невольным свидетелем, насколько Ван деликатен в своём общении с людьми. Какая-то школьница из толпы поклонниц Клиберна сумела обойти охрану и тоже приблизилась к нему. Она, волнуясь, решила показать Вану свой фотоальбом, который держала в руках. Когда девочка открыла первую страницу, Клиберн одобрительно воскликнул: «Ого!» Потом, перелистывая страницы альбома, он неизменно выражал своё восхищение:

«Ого!» Девочка была на седьмом небе от счастья, что Клиберн так высоко оценил её фотографии...

Мне ещё удалось сфотографировать Яана вместе с Ваном, и мы тепло попрощались. Между тем у Яана боль в животе прошла, как будто её и не было.

Доброе воспоминание

Во время нашего проживания в Раквере у меня сложились довольно хорошие отношения с первым секретарём райкома (и будущим секретарём ЦК компартии Эстонии) Артуром-Бернхардом Упси. Хотя в те годы все церкви находились под государственным контролем и на верующих нередко поступали жалобы от атеистов, Упси никогда нас не преследовал.

Вспоминается один случай. В то время Упси был первым секретарём райкома партии в Раквере. Одного из пожилых членов нашей церкви обманул мошенник. Он уговорил нашего брата переписать на кого-то дом, взамен пообещав ухаживать за стариком до конца жизни. Однако, как только старец выполнил просьбу этого человека, его выгнали на улицу. До судебного разбирательства нам нужно было где-то разместить этого старца, однако по некоторым причинам это оказалось непросто. Мы обратились в дом престарелых, но там его тоже не взяли. Я спросил ответственных лиц, кто в данной ситуации способен помочь, и мне сказали, что только Упси. Я сразу позвонил ему, и мы договорились встретиться в райкоме в понедельник.

А накануне этой встречи, в воскресенье, к нам в церковь на богослужение пришёл атеист по фамилии Хапсал. Во время пения заключительного гимна, когда все встали, он демонстративно остался сидеть. После собрания

я подошёл к нему и протянул руку для приветствия. Хапсал её не пожал, а отшатнулся от меня, спрятав руки за спиной. При этом он спросил, кто я такой. Я ответил, что являюсь хозяином этого дома, поэтому привык здороваться со своими гостями. Однако с Хапсалом мы так, без рукопожатия, и расстались. У всех присутствовавших на этом собрании остался неприятный осадок.

На следующий день я отправился на встречу с товарищем Упси. В его приёмной я неожиданно увидел Хапсала, который при виде меня почувствовал себя неуютно. Когда подошла моя очередь войти в кабинет Упси, он тоже прошмыгнул туда. Я рассказал Упси о своём переживании. Он позвонил в социальный отдел, и проблему с жильём для старца решили за одну минуту. Хотя на этом история не закончилась, уже был сделан важный шаг к разрешению трудной ситуации.

Хапсал же подумал, что я пришёл к Упси жаловаться на него, и сам бросился в атаку. Этот атеист сказал, что побывал вчера на нашем собрании и недоволен моей проповедью. Ему не понравилось моё толкование слов Христа из Евангелия от Матфея: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою...» Читая такие слова, баптисты якобы призывают людей отдаляться от советского образа жизни и запирают двери своих домов.

Я в ответ Хапсалу сказал, что недавно читал воспоминания Горького о Ленине. В этом произведении автор пишет, что во имя грядущего счастья человечества великие люди отказывались от многих развлечений, от игры в карты и курения. Невозможно достичь высших целей, если не пожертвовать низшими. Потом я сказал, что у меня тоже есть претензии к товарищу Хапсалу: он не пожал мою руку, протянутую для приветствия, и не встал во время пения заключительного гимна в церкви.

Хапсал мне тут же бурно возразил. По его словам, он приехал в наш город для того, чтобы бороться с религией.

Что подумают люди, если увидят атеиста, сначала дружески пожимающего руку баптисту, а затем обличающего его? Хапсал также подчеркнул, что он намеренно не встал во время пения церковного гимна, так как, будучи неверующим, не хотел участвовать в прославлении Бога. В противном случае, дескать, это было бы лицемерием.

Я спросил товарища Упси, встал бы вежливый человек во время церковного пения. И секретарь райкома партии ответил, что он бы в этот момент поднялся на ноги.

Тогда Хапсал сменил тему разговора. Он был человеком пишущим, и его заинтересовал тот факт, что я при нацистах немного соприкоснулся с начальником Таллинской тюрьмы Лааком (позднее покончившим с собой). Я сказал, что во время моего тюремного заключения однажды видел Лаака. Он пьяный зашёл в нашу камеру. Хотя на его рукаве была нашивка с эстонским флагом, он произвёл на заключённых самое отталкивающее впечатление. «Было бы хорошо, если бы вы об этом написали. Люди бы вам поверили!» – заверил меня Хапсал.

Я ответил ему, что не вижу смысла описывать только один этот эпизод из моей жизни. Ведь у читателей возникнет вопрос, как я оказался в тюрьме и прочее. «Напишите обо всём, обязательно напишите!» – попросил меня Хапсал.

Шёл февраль 1961 года. Обо всём рассказывать тогда было невозможно. Однако за месяц я смог написать большой очерк «Воспоминания, 1943–1945 годъ». Этот материал помещён в данной книге, начиная от главы «Я заключённый» и заканчивая главой «Домой».

О лагерях в Гродно и Медвежьегорске я написал позднее, как и о своём детстве. И всё же мои воспоминания 1961 года стали основой и для сегодняшней книги. Поэтому я благодарен товарищам Хапсалу и Упси за то, что они в своё время побудили меня к этому труду. После первой публикации моих воспоминаний я подарил им по одному экземпляру книги. Это была сравнительно небольшая

книжка (91 страница убористого текста). В предисловии к ней я 22 марта 1961 года написал: «У меня появилась возможность рассказать о дружбе эстонского и русского народов. Эта тема очень близка моему сердцу, так как была выстрадана в годы войны. Я описываю события, не скрывая своего мировоззрения. Я вынужден поделиться с читателями некоторыми своими переживаниями, поскольку они объясняют мотивы моих поступков».

За помощью к товарищу Упси я обращался и позднее. Мне, как служителю церкви, периодически нужно было получать разрешение на посещение наших верующих, проживавших в пограничной зоне. Начальник раквереского паспортного стола не раз отказывал мне. Тогда я звонил Упси, и вопрос быстро решался.

Позднее этого начальника паспортного стола уволили. На его место пришла приятная женщина Линда Римфельд. Я с благодарностью Богу вспоминаю её доброе сердце. В те времена благосклонность представителей власти к верующим людям всё же встречалась нечасто, поэтому мне особенно памятна её доброжелательная улыбка.

Иисус Христос сказал: «И кто напоит одного из малых этих только чашей холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей»¹.

Йоханнес Липсток и наши Библейские курсы

Эстонские свободные церкви имели возможность сами выбирать себе руководителей, мужей по сердцу. Таких руководителей у нас было четверо: Йоханнес Липсток, Александр Силдос, Роберт Вызу и Юло Мерилоо.

---

¹ Мф. 10:42.

Однажды осенью 1955 года, когда наш уважаемый брат Йоханнес Липсток был уже в пожилом возрасте, он шёл по полю. Глядя на поспевшие к жатве нивы, Липсток задумался над тем, какой плод в братстве он оставит после себя. И тут он услышал голос Божий: «Начинайте Библейские курсы». В то время в СССР духовное образование находилось под запретом. Наивно было думать, что неразрешённые в России Библейские курсы вдруг откроются в Эстонии. Но Липсток был мужем веры, он послушался голоса Божьего.

В те годы все церковные объединения подчинялись Совету по делам религиозных культов при Совете министров СССР. Этот орган власти находился в Москве и состоял из одних атеистов, в основном бывших сотрудников госбезопасности. Когда уполномоченный Совета по религиозным культурам по ЭССР Вейдерпас¹ отвечал на заявление Липстока, то сказал следующее: «Если бы вы подали заявление чуть раньше, то получили бы отрицательный ответ. Немного позже – и вам, вероятно, тоже бы отказали. Но вы подали своё заявление удивительно вовремя».

Дело в том, что правительство планировало тогда отправить в США первую делегацию советских евангельских христиан-баптистов, и они должны были повезти с собой добрые вести из СССР. Поэтому просьба эстонских баптистов пришла в Москву в нужное время. И свершилось чудо! Советская власть разрешила эстонским верующим основать собственные Библейские курсы. И делегация ВСЕХБ повезла в Америку новость о том, что в СССР у евангельских верующих есть возможность получить духовное образование.

Библейские курсы открылись осенью 1956 года. Первый набор состоял из сорока учеников, среди которых оказался и я (мне тогда было уже больше тридцати лет). Господь даровал нам прекрасных преподавателей. Директором

---

¹ А. М. Вейдерпас (1901–1965), полковник пограничных войск, уполномоченный Совета по религиозным культурам по Эстонской ССР.

курсов стал всеми уважаемый Освальд Тярк, получивший теологическое образование в Бостоне, в США. Он преподавал нам предмет «Введение в Новый Завет». Заместителем директора был выпускник богословского факультета Тартуского университета Оскар Ольвик (он успел получить диплом буквально за несколько дней до закрытия этого факультета). Ольвик преподавал предмет «Введение в Ветхий Завет». Роберт Вызу, тоже окончивший Тартуский университет, читал лекции по истории христианства. Музыкальному служению нас учил Вардо Холм, выпускник Таллинской консерватории.

Для помощи в работе Библейских курсов власти решили нам приобрести ротатор. Это был такой советский множительный аппарат, который больше времени проводил в ремонте, чем работал. Без цензуры нам разрешалось распечатывать не более 99 экземпляров каждого учебного материала. Этого количества, впрочем, хватало. Ротатор был ручного действия. На нём в основном работал Роберт Вызу, ухитрившийся размножить в итоге более 300 000 страниц. Он же подготовил основную часть наших учебных материалов. Сам Вызу написал 1130 страниц текста.

Весной 1960 года состоялся выпуск нашего курса. В дипломах у нас ещё стояла подпись Йоханнеса Липстока. Так Бог благословил нашего старца увидеть плоды своих трудов.

В январе 1961 года Липсток, почувствовав приближение смерти, созвал своих друзей и соратников. Мы стояли у дверей его комнаты и рассуждали, какой песней порадовать нашего брата в последний раз. Освальд Тярк предложил спеть первое и заключительное четверостишия из гимна «Яркая звезда».

И когда двери открылись, мы запели:

Звезда яркая, восходящая,
Ты веди меня!

Я блуждал один ночью тёмною,
Но явилась ты!
Я боюсь ступать, мрак со всех сторон...
Помоги, Господь!
У креста найду я себе покой,
Убегает страх.

Во время пения мы постепенно приблизились к постели брата. В нашу группу тогда входили: Йоханнес Лакс, Тярк, Силдос, Вызу, Руусна, Нылвак и я. Для каждого из нас у Липстока нашлось какое-то доброе слово. Мне он просто сказал: «Ты очень хороший человек!»

Мы все вместе помолились, затем старшие братья с его благословения ушли. А мы со служителем Хаапсалуской церкви Густавом Нылваком остались на ночь. Сначала старец ещё немного говорил с нами, а также со своей женой Матильдой, но затем его связь с этим миром прервалась. У кровати Липстока находился также юный Андрес, «сын старости его». Андресу в то время было всего три года, в будущем он станет служителем в Ляянеском уезде.

И вот пришёл последний час в жизни нашего брата. Мы видели, как руки Липстока медленно сближались, пока молитвенно не соединились друг с другом. Когда всё земное ушло, общение с Небом осталось. И светлая Звезда воссияла над его смертным одром.

Мост в Финляндию

Связь с Финляндией у меня появилась ещё когда я жил в Таллине. Роберт Вызу продал мне очень недорого хороший радиоприёмник фирмы «Филипс». Я принёс его домой и включил, это было примерно в три часа дня. Первое, что

я слышал, это христианскую песню «Земля так прекрасна» (в эстонской версии – «Мой Иисус так прекрасен»). С этого момента я каждый день слушал утренние и вечерние христианские передачи, а также новости на финском языке.

Я выписывал все незнакомые мне слова и учил их в трамвае, когда ехал на работу и по пути домой.

Переехав в Раквере, мы познакомились с семьёй Раск, которая была родом из Карелии. Мы попробовали проводить богослужения на финском языке. Бог благословлял этот труд так, что через некоторое время в нашей Раквереской финской общине насчитывалось уже 85 членов.

Во время праздника Святой Троицы мы три дня подряд проводили служения на финском языке. Это привлекло в нашу церковь много местных жителей. На собрания приходило до трёхсот человек. Для многих из них это была уникальная возможность услышать Божье Слово на родном языке.

Весной 1964 года я просматривал адреса миссионеров, опубликованные в финской газете *Ristin voitto* (Крестная победа). Я подумал тогда, что было бы хорошо, если бы финны из нашей общины установили связь с миссионерами, которые трудятся в других странах. Мы могли бы молиться о служении этих христиан.

Из всех опубликованных в газете имён и адресов я почему-то остановился на Сюльви Мёммё и написал ей в далёкую Танзанию. Через какое-то время мне пришёл ответ из Хельсинки. В то время между Таллином и Хельсинки начал курсировать паром, поэтому в своём следующем письме я предложил Сюльви посетить наши церкви в Эстонии. Ответ пришёл очень быстро и принёс радостную весть. К нам впервые после Второй мировой войны направлялась большая группа верующих, девятнадцать человек. В их числе прибыл и молодой Кай Анттури, который впоследствии стал руководителем самой большой пятидесятнической церкви в Финляндии.

В Таллинском порту гостей радостно встречали представители наших церквей. Позднее тысячи верующих с Запада приезжали в Эстонию, но пионером всё же стала Сюльви Мёммё, финская миссионерка в Африке.

Незабываемыми также стали встречи с «grand old man»¹ финского пятидесятнического движения Эйно Манниненом. Это был великий человек, верный брат, сердце которого переполняла любовь ко всем народам.

Особенно мне запомнилась встреча с Эйно Манниненом в Ленинграде. Я сопровождал его в Исаакиевский собор. Там к нам подошла русская девушка и очень просила Маннинена о встрече. По её словам, у неё был важный вопрос. Эйно, немного подумав, согласился: «Приходите ко мне во время обеденного перерыва в гостиницу „Астория“».

Однако прежде этого мы с Манниненом навестили сестру Роотсмяз. Она работала в Тарту врачом, но сама тяжело заболела. Её отправили на лечение в Ленинград, так как тартуские врачи оказались бессильны ей помочь. Маннинен возложил на эту сестру руки и горячо помолился. Затем он попрощался с ней, чувствуя, что Бог ответит на эту молитву.

Вернувшись в гостиницу, мы увидели там молодую сестру, ранее просившую о встрече. Вопрос, который её волновал, был следующим: достаточно ли поститься раз в год или это нужно делать каждую неделю?..

Улучшения состояния сестры Роотсмяз не наблюдалось, положение оставалось тяжёлым. И вот там же, в больнице, эта сестра в отчаянии воззвала к Богу: «Эйно Маннинен молился обо мне, и ничего не изменилось!» И вдруг, во время этой печальной молитвы, женщину словно пронзило током – Бог её полностью исцелил! Затем она ещё десятки лет работала врачом, помогая другим людям.

Многие финны оказывали помощь нашим верующим. Мы чувствовали их братскую любовь. Благословением для

---

¹ Великий старец, ветеран (англ.).

нас стал брат Вернер Хеллстен из Хельсинки. Только Бог знает, скольким людям он помог в жизни. Многие годы Вернер щедро жертвовал на наши христианские нужды.

Однажды утром я слушал по радио проповедь пастора лютеранской церкви Юсси Куоппалы. Он настолько трогательно говорил об одиночестве, что я в слезах упал на колени рядом со своим радиоприёмником. Это были одни из самых волнительных минут в моей молитвенной жизни.

Через некоторое время я встретил в Таллине, в Домском соборе, финских студентов-теологов в белых шапочках. Я спросил, не знает ли кто-нибудь из них доктора Юсси Куоппалу? К моему великому удивлению, в этой группе находилась его дочь. С того дня началась большая дружба между нашими семьями, которая приносит добрый плод по сей день.

Настоящим вздохом является песня

После войны ряды оперных певцов поредели. Ветеран сцены Александр Ардер продолжал творческую деятельность, но главной его работой оставалось преподавание в консерватории. Этот его труд не забыт и сегодня.

Чтобы не раздражать Марту, мы с отцом встречались на нейтральной территории. Иногда мы вместе – я, Вероника, дети и дедушка – шли с бульвара Каарли в парк Хирве. Моя дорогая матушка время от времени передавала через меня своему «Сашуле» то шарфик, то ещё какие-нибудь вещи. Она всегда вспоминала с неудовольствием, что в Эстонскую советскую энциклопедию¹ поместили

¹ Эта энциклопедия вышла на эстонском языке в восьми томах в 1968–1976 гг.

фото Александра Ардера в пожилом возрасте. У неё сохранилась фотография «Сашеньки» молодого, которой она очень дорожила.

«Театр – это горький хлеб», – говорил мне отец, когда в конце 1930-х годов я брал у него пару уроков пения. Для работников Таллинской государственной консерватории этот хлеб не стал сладким ни в 1940-е, ни в 1950-е, ни в более поздние годы. Здоровье моего отца серьёзно ухудшилось: вследствие развившейся гангрены в апреле 1961 года ему ампутировали сначала правую, а через год и левую ногу. Отец упорно боролся с судьбой и продолжал преподавать пение на дому. Возле фортепиано стояло кресло. Ученики переносили своего учителя из кровати в кресло, а по окончании уроков – назад в кровать.

Местная советская пресса благоволила к старику Ардеру, и в 1964 году безногому преподавателю присвоили звание народного артиста ЭССР. Это замечательное событие, как и присвоение отцу звания профессора пришло с большим опозданием. Причиной такой задержки, по-видимому, стало то, что отец был не только ветераном двух мировых войн, но и какое-то время служил адъютантом у генерала внутренних войск Эстонской Республики Эрнста Пыддера¹.

В последний раз я видел отца летом 1966 года. Мне сообщили, что он снова госпитализирован. Я поехал в больницу № 4, в которой он тогда находился. К счастью, отец лежал в палате один, и мы смогли с ним хорошо побеседовать. Я искренне попросил у него прощения за всё, чем огорчил его в жизни, и он простил меня. В последний раз я прижал свою голову к его широкой груди и горячо помолился о нём. Я не мог родному отцу сказать всего, что было у меня на сердце, но я открыл это своему Небесному Отцу.

---

¹ Э. Я. Пыддер (1879–1932), военачальник независимой Эстонии, известный своими антикоммунистическими убеждениями.

Вероника с детьми тоже пришли в больницу попрощаться, и они вместе спели дедушке песню «Маленький пастушок».

Годы спустя я рассказал об этом старшей сестре моего отца Вере, у которой скрывался во время немецкой оккупации. И она вспомнила, что это была одна из первых песен, которую Саша (так моя тётя называла своего младшего брата) под началом их отца разучил в шестилетнем возрасте, и затем он именно с ней впервые выступил перед публикой – на рождественском школьном вечере. Вера помнила, как, дойдя до слов «Когда смотрю наверх, на небеса», маленький Саша трогательно поднимал свой взор к потолку. Таким образом, песня «Маленький пастушок» стала первой и последней для моего отца – из тысяч спетых им. Может быть, во время пения этой песни нашими детьми он тоже устремил свой взор в небеса? И ещё мне хотелось бы знать, что напевал мой дед, когда пас лошадей на опушке леса у себя в Краави.

Вера была на семь лет старше Александра. Она оставалась бодрой и энергичной ещё долгие годы. Во время празднования своего 102-го дня рождения на хуторе в Вяйке-Ляхтру (это было в 1990 году, в Таллине тогда проходил певческий фестиваль), наша именинница ещё исполняла длинные баллады. Всё пела и пела... Её голос был уже слабым, но она помнила все слова песен. Этот день рождения, на котором наша дорогая тётя Вера так хорошо пела, стал её последним.

Мой отец родился 19 сентября 1894 года. Известие о его смерти я получил 29 сентября 1966 года. Мы 4 октября собрались в театре «Эстония». Оттуда похоронная процессия направилась в консерваторию. На кладбище Метсакальмисту директор театра «Эстония» попросил меня сказать краткое слово у могилы отца. Я согласился и в своей речи вспомнил всё самое лучшее о нём. О Марте я сказал так: «Она была верна отцу до конца, до его последнего вдоха».

Вспомнил я и учеников отца. Они тоже называли его папой, а он их – сыновьями. Когда я спросил у отца перед смертью, кто является его любимым учеником, он сначала сказал: «Все мальчишки мне дороги». Но когда я повторил свой вопрос, он ответил: «Хендрик Крумм».

Мой отец не оставил после себя теоретических работ о вокале, так как, по его мнению, талант передаётся бессознательно. Он любил повторять: «Настоящим вздохом является песня».

Сказка минувших дней

У каждой семьи, как утверждают некоторые, есть свой ангел-хранитель. В семье Поска этим ангелом стала Ксения. Хотя она была первым ребёнком в семье Яана Поска и очень красивой в молодые годы, она осталась одинокой и полностью посвятила себя служению больным людям.

Когда она работала врачом в Таллине, у неё в аптеке был свой счёт, благодаря которому бедные пациенты по её рецептам могли получать лекарства бесплатно.

В конце войны её родной брат и сёстры бежали в Швецию. Она одна осталась в Эстонии, в Хаапсалу, объяснив это так: «Я не могу бросить своих больных. И кто будет лечить пленных?»

Из всех арестованных членов нашей семьи я один вернулся домой, остальные погибли в лагерях. Тётя Ксения приняла меня с большой любовью, она первой обнаружила у меня туберкулёз и в течение многих лет отсылала мне со своей зарплаты по триста рублей ежемесячно.

Она была прямолинейна, как ребёнок. Когда от их больницы отправляли Сталину приветственную телеграмму, Ксения попросила не присоединять её к этому

приветствию. И ей это разрешили, она единственная не участвовала в отправлении телеграммы. Конечно, это было большим риском в те времена. Один русский чекист в Хаапсалу называл её «сказкой минувших дней».

Ксения Поска лечила больных, не взирая на лица. Я обнаружил среди её бумаг письмо из Берлина, в котором один русский офицер благодарил Ксению Ивановну за то, что она вылечила его. После её смерти многие свидетельствовали, что остались живы лишь благодаря доктору Поске.

Уже в конце своей жизни Ксения помогала Марии, жене бывшего эстонского главнокомандующего Лайдонера. Ксения отправляла ей в украинский лагерь посылки. Когда Мария вернулась в Эстонию, она какое-то время жила у Ксении. Затем Лайдонер переехала в Вильянди, где поселилась у знакомой пенсионерки, бывшей учительницы. За Марией также ухаживала Хельга Пятс. Я старался поддерживать её духовно. В конце своей жизни Мария попала в ту же больницу в Ямеяла¹, где когда-то лежал президент Пятс. Я побывал там за несколько дней до смерти Марии и прочитал ей большой отрывок из Нового Завета. В это время персонал больницы прислушивался

Летний дом Айно Каллас
на Кассари

¹ Психиатрическая больница в Эстонии.

к моим словам за дверь. Марию похоронили по православному обычаю, рядом с сыном, на Александро-Невском кладбище в Таллине.

Моя дорогая тётя помогла мне и после смерти.

На Хийумаа, на острове Кассари, находился летний дом писательницы Айно Каллас. Там проживала Хелене, девятилетняя дочь строителя этого дома Вильяма Тамма (именуемого также «красивый Вильем»). Тростниковая крыша дома давно прохудилась. Старица просила помощи у колхоза и местных властей. Но в то время финны считались ещё врагами, и ремонт дома Каллас был бы с идеологической точки зрения неправильным.

Случайно Хелене Тамм увидела в местной газете имя врача по фамилии Поска. Она вспомнила, что зятем Айно Каллас был Яан Поска (младший). Наудачу она написала Ксении. И действительно оказалось, что та является сестрой Яана. Тётя Ксения помогла Хелене починить крышу и впоследствии поддерживала её материально, а также помогала её подруге Хельге Пятс. Хелене Тамм оформила завещание на тётю Ксению, так как близких родственников у неё не было.

Незадолго до своей смерти тётя позвала меня к себе. Она всегда думала, что умрёт на больничной койке. В последние дни Ксения с трудом добиралась до больницы, силы закончились, и она уже не поднималась с постели. Я спросил её, как она стала врачом. Ксения ответила: «Мне было девять лет, когда мой любимый брат Георг умер. Тогда я решила стать врачом, чтобы помогать людям».

Тётя умерла. Её похоронили рядом с отцом, Яаном Поска. С другой стороны, рядом с её мамой Констанцией, лежал младший брат Георг, чья жизнь и смерть оказали такое влияние на сестру.

А я, не прилагая к этому никаких усилий, неожиданно стал владельцем летнего домика Айно Каллас.

Айно Каллас

Айно вышла замуж в 1900 году за эстонского учёного, доктора Оскара Калласа. Оскар был родом из Сааремаа, где молодая пара провела первые месяцы после свадьбы. Там Айно услышала от дяди своего мужа рассказы о трагическом прошлом эстонского народа. Это оказало большое влияние на её будущее творчество. Став известным литератором, Айно много писала о страданиях эстонского народа.

В годы независимости Республики Оскара Калласа назначили эстонским послом сначала в Финляндию, а затем в Великобританию. Хотя Айно была женой посла маленькой страны, её красота и обаяние помогли занять их семье видное место среди иностранных дипломатов в Лондоне.

Такая жизнь, впрочем, быстро наскучила Айно, и она захотела отдохнуть в Эстонии. Летом 1924 года они вместе с мужем отправились на Хийумаа. Оскар взял у кого-то вороную лошадь, и супруги объездили на ней весь остров. Прибыв на Кассари, Айно воскликнула: «Что за чудо!» О расположенном по соседству луге Болманна она сказала: «Это самое красивое место в мире».

На острове Кассари Айно Каллас проводила каждое лето с 1924 по 1938 год. Здесь она написала свои лучшие произведения и, наслаждаясь видами природы, готовилась к европейской городской жизни в зимний период. Айно посещала разные страны, где читала лекции об Эстонии, неизвестной многим людям. Но самым большим успехом в её жизни стали книги, посвящённые эстонской тематике, которые ныне переведены на многие языки.

Ни одно финское сердце не любило так горячо Эстонию, как сердце Айно Каллас, что очевидно из её произведений.

И ни одно эстонское сердце не любило так финское, как Оскар Каллас любил свою Айно. Незадолго до смерти он сказал жене: «Айно, я буду любить тебя даже из могилы!»

Теперь забота об эстонском домике этой удивительной четы была доверена мне и моей семье.

Христос церкви Каарли

Ещё одна интересная история связана с островом Кассари. Она началась во второй половине XIX века. В то время эстонцы строили в Таллине церковь Каарли, самую красивую лютеранскую церковь в своей стране. До этого церкви у нас в основном строили немцы.

Написать картину для церковного алтаря заказали эстонскому художнику Йохану Кёлеру. Он был академиком Императорской академии художеств в Петербурге. Всегда оставаясь эстонцем, он не забыл свой народ и заботился о нём.

Кёлер согласился выполнить эту работу. Алтарную картину задумали поместить в полусферу, в центре которой должен был находиться Христос. Кёлер путешествовал по России и Европе, но нигде не мог найти хорошего натурщика для будущего изображения Христа.

Как-то раз помещик из Ваемла в Хийумаа пригласил Кёлера отдохнуть в его имении. По старому обычаю, все бароны Хийумаа приехали поприветствовать гостя. В их числе был и барон фон Штакельберг с острова Кассари. Кёллер увидел подъезжавшего в коляске барона, но обратил внимание не столько на него, сколько на кучера. «Вот Христос!» – подумалось ему. Так простой кучер Вильем Тамм, которого называли «красивый Вильем», стал натурщиком для знаменитой алтарной картины.

Я часто заходил в пустующую церковь Каарли, чтобы ещё раз взглянуть на протянутые к людям руки Христа. Над этой изумительной картиной были начертаны слова: «Придите ко Мне, все измученные и обременённые, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

Кассари является для меня местом отдыха от труда и забот, а также подарком моего Царя. Одновременно это и любовь тёти Ксении, которая не прекращает изливаться на нас и после её смерти. Сказка минувших дней продолжается.

Наша семья получила возможность отдыхать летом в доме Айно Каллас, который был построен руками человека, избранного Кёлером для святого изображения Иисуса Христа.

Господь, не переставая, заботился обо мне. Перед первым отпуском, проведённым на острове Кассари, я получил бандероль из Будапешта, города, в котором родился. Мне прислали книгу Вочмана Ни «Нормальная жизнь христианина» на немецком языке. В ней рассказывается о плодотворной духовной жизни во Христе. Эта книга помогла мне во многих жизненных обстоятельствах найти ответ, как поступить по-христиански правильно. Можно сказать, что эта книга стала для меня второй после Библии.

Христос всегда заботился обо мне, даруя пищу для души и тела. Его милость совершенна, многообразна и величественна.

Окно в Европу

Летом 1966 года неожиданно открылась новая возможность для работы на Божьей ниве. Моя семья тогда находилась в отпуске на острове Кассари, куда и пришла

срочная телеграмма. В Закарпатье, в городе Мукачево, меня ожидал какой-то верующий человек из Будапешта. Я вылетел в тот же день и ночью прибыл на место. Утром встретился с этим человеком и, приветствуя по нашему братскому обыкновению, расцеловал его. Он, испугавшись, отскочил от меня и воскликнул:

– Я еврей!

– Тогда ещё разок тебя поцелую! – пошутил я.

Мы с ним стали друзьями на всю жизнь. Его живая церковь в основном состояла из евреев. Каким-то образом братья в его церкви узнали, что в Эстонии живёт некто Арпад, который родился в Венгрии. Они решили отправить ко мне своего посланника, чтобы установить связь. Мы беседовали три дня о Божьих делах и во всём нашли общий язык. Прощаясь со мной, мой новый друг сказал: «Я буду для тебя окном в Европу».

И открытия этого окна не пришлось долго ждать. Вскоре я получил письмо из Восточной Германии, из города Бургштедта, от руководителя Библейской школы. Он предложил мне Библию на немецком языке и другую христианскую литературу. Все книги от него мы получили очень быстро.

Осенью того же года в Москве проходил Всесоюзный съезд евангельских христиан-баптистов. Там меня ожидал сюрприз. У эстонцев во ВСЕХБ всегда имелся только один представитель, старший пресвитер по республике. Но тут на съезде представитель немецких баптистов неожиданно предложил, чтобы и меня избрали во Всесоюзный совет. Я в то время только окончил четырёхлетние Библейские курсы в Эстонии, и братья решили, что я смогу быть полезным в организации подобных курсов в Москве.

Так я стал кандидатом в члены ВСЕХБ¹. Я чувствовал возложенную на меня ответственность и хотел оправдать

---

¹ А. Ардер был кандидатом в члены ВСЕХБ в 1966–1969 гг.

Я за кафедрой московской
баптистской церкви,
Маловузовский пер. 3

оказанное доверие. Особенно меня поддерживали братья-немцы. Их группа на съезде состояла из тридцати человек, они сетовали на острую нехватку христианской литературы на немецком языке. У меня же в то время уже была налажена связь с Восточной Германией, что давало надежду на разрешение проблемы с литературой. Мы с братьями обменялись адресами, и начался новый этап моего духовного труда.

В декабре того же года я получил приглашение от

Херманна Ам Эндэ и впервые после Второй мировой войны выехал за границу. В течение шести дней я выступал в различных городах Восточной Германии, рассказывая немецким братьям о нашем труде в СССР, а также о большой нужде в христианской литературе. Новости о духовном служении немецких верующих в Советском Союзе были восприняты с воодушевлением. Мы вновь обменялись адресами с братьями, и к нам пошла помощь.

В следующем году я получил из Восточной Германии восемьсот Библий на немецком языке и несколько тысяч других христианских книг. Одновременно со всего Советского Союза ко мне приходили тысячи писем с просьбами выслать духовную литературу. Вероника взяла на себя переписку приблизительно с 700 верующими из Восточной Германии.

Большая часть христианской литературы поступала к нам от лютеран, но в этом щедром пожертвовании

участвовали и представители свободных церквей. Один Господь знает, сколько благословений принёс этот труд душам людей и сколько чудес Господь совершил через эти книги.

Лазло Тимар, тот самый еврей-христианин из Будапешта, уже давно перешёл в вечность, но распахнутое им окно в Европу остаётся открытым и по сей день.

Мой двойник и брат во Христе

Однажды я узнал о существовании верующего человека по имени Эдгар Суурвяли, с которым мы внешне очень похожи. Нас с ним много раз путали. Когда мы в Раквере впервые встретились, произошла забавная история. Это был воскресный день, и я решил надеть свой лучший серый костюм. Он был сшит из довольно редкого клетчатого материала. Встретившись с Эдгаром, мы с удивлением обнаружили, что не только похожи с ним, как близнецы, но ещё и одеты в одинаковые костюмы. В тот день мы с ним много фотографировались, от души веселясь. Когда я спросил у своего двойника, как звали его отца, он ответил: Александр!

Рассказывая об Эдгаре, нельзя не упомянуть историю его знакомства со своей будущей супругой. В Тартуской сельскохозяйственной академии училась верующая девушка по имени Урве. В те времена верующих студентов часто исключали из высших учебных заведений. Но Урве всё-таки позволили окончить академию, и она затем нашла себе работу на острове Хийумаа. Там она, по своему обыкновению, продолжала посещать

христианские собрания. На острове в то время имелось шестнадцать молитвенных домов – больше, чем где бы то ни было в Эстонии, не говоря уже о других местах в СССР.

Кто-то заметил, что Урве ходит в церковь, и её вызвало начальство. Девушке объяснили, что она, будучи человеком с высшим образованием, подаёт плохой пример другим людям и компрометирует свою сельхозакадемию. Урве ответила, что всегда верила в Бога и ходила в церковь, поэтому так будет поступать и впредь. Тогда ей пригрозили увольнением и стали высмеивать: «Как ты выйдешь замуж, если ходишь молиться в церковь, где одни старые бабки?» Урве спокойно ответила, что замужество – это не её проблема. Если Бог захочет, чтобы она вышла замуж, значит, так и будет, а если не захочет – тут ничего не поделаешь.

Этот ответ так позабавил её начальников, что они решили написать об отсталой Урве в газете. Журналист из республиканского «Голоса молодёжи» настроил статью о молодой работнице с высшим образованием, которая, хоть и хорошо справляется с работой, до сих пор верит в Бога и ходит по воскресеньям в церковь...

Статью об Урве случайно прочитал мой двойник Эдгар, молодой верующий капитан транспортного судна прибрежного плавания, который искал себе спутницу жизни. Он решил написать письмо смелой девушке из Хийумаа. Урве ему ответила. Так зародилась дружба, которая переросла в любовь. И сегодня Урве и Эдгар являются не только супругами, но и счастливыми бабушкой и дедушкой.

В те времена объявления о знакомствах в газетах не печатались, но данная статья идеально послужила для этой цели. В жизни Урве и Эдгара вновь подтвердились слова Христа: «Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6:33).

Подполье

Съезд в Москве дал мне и другое задание. В то время была сформирована Комиссия по примирению, в задачи которой входило установление контактов с верующими, ушедшими в подполье. Это христианское движение обрело силу после того, как атеисты попытались ликвидировать церкви при помощи жёсткого давления на них. В частности, верующим запретили брать с собой детей на богослужения. В Эстонии этот запрет не привели в действие, и она стала единственной союзной республикой, в которой не существовало нелегальных христианских общин. В других же частях СССР власти сильно притесняли верующих.

Известность получил случай, когда пресвитер евангельской общины за руку выводил своих детей во время

Комиссия по примирению в Москве, 1966 год.
Все вместе мы провели в тюрьме 120 лет

собрания на улицу, боясь, что его церковь закроют. В такой сложной ситуации часть советских верующих перешла на нелегальное положение. Преследования христиан властями в какой-то мере сыграли на руку подпольному движению, и оно росло. Окрылённые успехом, «отделённые» стали превозноситься над остальными верующими, которые остались в общинах, зарегистрированных в государственных органах власти. Особенно сильным нападкам в то время подвергался наш замечательный брат Александр Карев. Такое поведение отдалило «отделённых» от эстонского братства ЕХБ, которое поначалу относилось к ним с сочувствием. И вот теперь братья в Москве сочли необходимым искать пути к примирению.

Мы ездили по стране с Освальдом Тярком, посещая незарегистрированные евангельские группы в России, Украине и Казахстане. Но верующие в этих общинах нам не доверяли, считали «соглядатаями». Больно было смотреть, как грубо некоторые христиане обходились с почтенным ветераном эстонского братства Оскаром Тярком, который с любовью и кротостью желал им помочь.

Лишь в одном месте наш труд примирения принёс плоды. Это случилось в Казахстане, в городе Семипалатинске, где незарегистрированная церковь в конечном итоге легализовалась. Пресвитер этой общины затем стал одним из руководителей нашего братства.

Второе детство

Осенью 1967 года исполнилась моя давняя мечта – я посетил свою маму в Швеции. Осенью 1944 года ей удалось оформить документы на выезд в Шведское

королевство вместе с двумя дочерьми. Моя бабушка, в девичестве Констанс Экстрём, была шведкой, дочь таллинского купца, торговца стеклом и зеркалами Ивара Экстрёма. Когда ей сделали предложение, перед купцом Иваром встал вопрос, отдавать ли свою красавицу дочь в жёны какому-то неизвестному эстонскому адвокату. В итоге он всё-таки дал согласие, и в Эстонии появилась новая счастливая семья. На похоронах моего дедушки премьер-министр Яан Тыниссон, вспоминая прошлое, сказал, что это была самая счастливая пара во всей стране.

Незадолго до моего рождения мама какое-то время жила в Швеции. Папа, сопровождавший её в этой поездке, пользуясь случаем, брал уроки пения у маэстро Карла Нюгрена. Поскольку моя мама хорошо говорила на шведском языке, ей было гораздо легче адаптироваться к жизни в Швеции, чем другим беженцам.

Долгое время мы с мамой ничего не знали друг о друге. Тогда тётя Ксения отправила фотографии моих детей своей подруге по переписке в Венгрию, а та в свою очередь переслала их моей маме. Так мама узнала о том, что у неё есть внуки, но ещё ничего не знала о моей жене. Мама боялась нам повредить, поэтому только три года

Первый телефонный разговор с мамой в 1958 году

спустя после смерти Сталина она отправила мне первое письмо по почте.

Это стало большим событием в нашей жизни. У меня были тогда какие-то дела в Раквере, а когда я возвращался домой, на улице встретил Веронику с детской коляской. В ней спала полуторагодовалая Мадличка. У Вероники же было такое лицо, что я сразу понял: пришло письмо от мамы. Мы пришли домой, встали на колени вместе с шестилетним Оттом и четырёхлетним Яном и в молитве поблагодарили Бога. Затем открыли письмо и прочитали его. Среди прочего мама писала, что пастор Ханс Бранденбург не перестаёт о нас молиться. (Как оказалось, после нашей памятной встречи с ним он каждый день молился обо мне и продолжает делать это до сих пор, будучи уже девяностолетним старцем. Сорок три года молить!)

С тех пор мы с мамой регулярно переписывались. Несколько раз созванивались. И вот по прошествии одиннадцати лет после того первого послевоенного письма нам предстояло с ней встретиться.

Утром 28 августа 1967 года на палубе корабля «Надежда Крупская» стояла группа эстонцев, у которых после долгих лет разлуки появилась возможность встретиться со своими родными. Корабль приближался к Стокгольму. Тучи рассеялись, и выглянуло солнце. Вдалеке можно было разглядеть причал. Через некоторое время стали различимы маленькие точки – это были люди. Мама писала, что приедет меня встречать вместе с майором Армии Спасения Лилли Лютер. Майор, по её описаниям, была высокой женщиной, а мама – небольшого роста. Я увидел издали одну такую пару. Только та женщина, которая поменьше, суетливо металась по причалу. Неужели это моя шестидесятилетняя мамочка?

Вскоре я разглядел, что так и было. У мамы на шее – фотоаппарат и видеокамера. Оказывается, причиной

её забавного поведения было желание найти наилучший ракурс, чтобы запечатлеть белый корабль, доставивший к ней любимого сына. Мама отвезла меня домой в Упсалу. Мы вошли в спальню. Там была кровать, на которой лежали две подушки: одна большая, а другая совсем маленькая. На этой подушечке я спал, когда мама привезла меня из Венгрии в возрасте одного месяца. Маме пришлось бросить много ценных вещей на родине, но эту подушечку она взяла с собой. Я тут же положил её себе под голову и радовался, как ребёнок. Пока я гостил у мамы, она каждый вечер приходила пожелать мне спокойной ночи и убедиться, что с меня не сползло одеяло.

Мы с мамой проехали по местам, где они бывали с отцом ещё до моего рождения. В то время маме, недавно вышедшей замуж, был всего двадцать один год, и вот теперь она прогуливалась под руку со своим сорокачетырёхлетним сыном. В Альвесте сохранился дом, где они с отцом проживали во время его занятий пением. Мы попросили у хозяев разрешения войти и посмотреть комнату, где мои родители когда-то жили. Там в тихой молитве я стоял на месте, где зародилась моя жизнь.

Лучший шведский друг моей мамы

После моего обращения к Иисусу Христу я виделся с мамой всего несколько раз. Поэтому моей постоянной молитвенной просьбой было, чтобы Господь послал на её пути хороших верующих людей. И Бог отвечал на мои молитвы по-царски.

Уже первые шаги по шведской земле привели мою маму к верующим. По прибытии в Швецию её с дочерьми поселили в молитвенном доме свободной церкви, где на стене был крест с надписью *In hoc signo vinces!* (В переводе с латинского языка: *под этим знаком победишь!*) Верующие с любовью заботились о них.

В порт мама пришла встречать меня с майором Армии Спасения Лилли Лютер, которая тоже была доброй христианкой.

Когда я уже какое-то время находился в Швеции, однажды утром мама вдруг спросила меня:

– Ты знаешь, кто мой самый лучший друг в Швеции?

– Ты мне об этом ничего не писала, – ответил я.

– Об этом и нельзя было писать, ведь этот человек – пастор свободной церкви Эйнар Риммерфорс!

С благодарностью Богу я сказал:

– Почему же ты мне об этом даже не намекнула раньше? Я был бы очень рад за тебя.

– Он же политик! – посетовала она. – Для тебя было бы опасно иметь связь с политиком.

– Сталин давно умер, не нужно больше бояться!

Но мама всегда думала, что я в жизни слишком большой оптимист и недостаточно осторожен. Прошло немало времени, прежде чем я смог убедить её познакомить меня с Риммерфорсом.

Наша встреча состоялась в риксдаге (шведском парламенте). Меня там, как советского человека, удивило отсутствие охраны. Никто не требовал предъявить паспорт, но первый же встречный охотно помог найти кабинет Эйнара Риммерфорса. Мы с первой минуты общения с ним подружились, так что Эйнар стал и моим шведским другом номер один.

Вскоре я узнал подробности их знакомства с моей мамой. После войны Эйнар находился в Гамбурге, помогая распределять там гуманитарную помощь из Швеции.

Туда прибыл и мой дорогой пастор Ханс Брандербург, который долго находился в американском плену и голодовал. Эйнар и Ханс, будучи пасторами, быстро нашли общий язык. Ханс вспомнил, что я просил его передать весточку моей маме, сообщить ей, что со мной всё в порядке, а также, если это возможно, духовно позаботиться о ней. С этой просьбой он обратился к Риммерфорсу. После долгих поисков Эйнар нашёл мою маму и вскоре действительно стал её духовным наставником и помощником на шведской земле. Также и Бранденбург поддерживал связь с моей мамой через письма и личное общение.

Жена моего дяди Хельве Поска и её дочь Мария тоже обратились к Богу. Они ухаживали за моей мамой до самой её смерти и делали это особенно усердно после смерти пастора Риммерфорса. Они были последними верующими, которые навестили маму за несколько дней перед её уходом в вечность. Бог чудесным образом ответил на мои молитвы о маме: куда не дотягивались мои руки, там всё нужное совершала Его сильная рука.

С Эйнаром Риммерфорсом мы встречались ещё много раз, в основном в ригсдаге, так как он там работал. Мы вместе обедали, и он часто приглашал за наш стол интересных собеседников. Однажды вместе с нами обедал брат Виклунд из свободной церкви, который был помощником государственного чиновника, отвечавшего за все тюрьмы Швеции. Я сказал Виклунду, что он теоретик пенитенциарной системы, а я практик, поскольку сидел в тюрьмах при двух жесточайших политических режимах. Затем я добавил, что мне было бы интересно посетить шведские тюрьмы, о которых здесь так много говорят. Господин Виклунд ответил, что им туристы в тюрьмах уже изрядно надоели. Тогда я уточнил, что хотел бы посетить тюрьму не как турист, а в качестве проповедника. «Об этом можно будет подумать», – согласился Виклунд.

Вскоре мне позвонил Эйнар Риммерфорс и сказал, что я могу посетить тюрьму Лонгхолмен с проповедью Евангелия. И вот в воскресный день мы с Эйнаром отправились в эту тюрьму. Там я спросил у дежурного, есть ли среди заключённых эстонцы. Он ответил, что был один, но его уже увезли.

Мы прошли в тюремную церковь. В этот день сюда на служение пожелали прийти тридцать-сорок заключённых (всего в тюрьме находилось около трёхсот человек). Я говорил на немецком языке, а Риммерфорс переводил меня. Я сказал: «Сегодня день Господен. Именно в воскресенье апостол Иоанн получил великое откровение. Он тогда был заключённым на острове Патмос. Там Иисус открылся ему по-новому, и на основе этого откровения была написана книга, в которой сказано: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит...» (Откр. 2:7). Заключённых эти слова мало заинтересовали. Тогда я спросил: «Есть ли среди вас финны?» Один нашёлся. Я прочитал это же место Писания на финском языке и пожелал ему Божьих благословений.

Затем я продолжил: «Мы часто думаем о том, чего у нас нет. Но здесь нам Господь предлагает помыслить о том, что у нас есть. Мы имеем ухо, даже два. Нам ими велено слушать. Мы можем не использовать наши возможности. Наверное, многие предпочли бы быть учителями и толкователями, а не слушателями. Что значит *слушать*? Этот урок я хорошо выучил, находясь в тюрьме. В нашей камере был заключённый по фамилии Адлер. Его слух граничил с ясновидением. Когда нам очень нужно было узнать, что происходит за дверями камеры, Адлер подходил к двери. Он прикладывал к ней ухо. Мы в этот момент сидели тихо как мыши, потому что на весах взвешивалась чья-то жизнь и смерть: кого-то ждал только допрос, а кого-то – расстрел. Адлер всегда мог понять, из какой камеры и сколько людей увели. Особо важно нам было узнать о «шмонах», обысках в камерах. Когда нас

вовремя предупреждали, мы успевали спрятать все запрещённые предметы: ножи, карандаши, часы и прочее. В большинстве случаев заключённые оказывались умнее охранников. А когда наступало время обеда, Адлер безошибочно информировал нас, что мы будем сегодня есть: картошку, рыбу, суп или только хлеб».

После такой речи заключённые почувствовали во мне «своего парня», и контакт был налажен. Затем я говорил им об Иисусе Христе, о том, что евангельская весть является для них сегодня вопросом жизни и смерти. И в тюрьме у каждого есть возможность услышать тихий голос Святого Духа. Когда-то я сам в тюремной тишине читал Библию и обрёл Христа.

После проповеди Риммерфорс почему-то шепнул мне на уху: «А теперь помолись на эстонском!» Я протестовал в душе, помня, что здесь нет ни одного эстонца, но послушался старшего брата. Понимая, что меня слышал в этот момент только Бог, я по-эстонски сказал в молитве всё, что у меня было на сердце. После собрания я решил каждому из присутствующих пожать руку. Я встал в дверях и приветствовал их, говоря какие-то слова ободрения. Один из заключённых был иорданцем, и я напомнил ему, что он является потомком Авраама (Ибрагима). Последним ко мне подошёл высокий мужчина, который вдруг в большом волнении заговорил со мной на чистом эстонском языке: «Передайте привет моему брату!» (Тут он назвал имя знакомого мне человека.) Из разговора выяснилось, что этот заключённый получил большой срок за то, что потопил какое-то судно с целью получения страховой выплаты. Позднее он писал мне, что наше тюремное богослужение стало самым светлым событием за многие годы его пребывания за решёткой. Так мой Царь провёл меня через многие закрытые двери к этой несчастной душе, чтобы она могла слышать слова вечной жизни на своём родном языке.

С Эйнарсом Риммерфорсом мы также посетили самую лучшую психиатрическую больницу Швеции. Главврач в ней был верующим человеком. Во всей больнице я не увидел ни одного обычного белого халата. Как персонал, так и больные там были одеты в одинаковую, радующую глаз разноцветную одежду. Трудно было разобрать, кто в этой больнице врач, кто медсестра. Они вместе трудились, помогая больным, а на досуге играли с ними в различные игры. Эта чудесная картина напомнила мне о Том, Кто «будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным людям и по виду став как человек» (Флп. 2:6–7).

Наш Царь надел на Себя вретиче раба, чтобы лучше понять нашу беду.

Царь

Я гостил в Швеции уже три месяца, но одно моё заветное желание по-прежнему оставалось неисполненным: я ещё не видел короля. В один из последних дней, проведённых с мамой, она решила показать мне королевский дворец. Мы подошли к нему и ожидали гида, который должен был завести нас внутрь. И в это время сам король Швеции вышел из дверей, всего в четырёх метрах от нас. Одна старушка на улице явно его ждала. Она быстрым шагом приблизилась к королю, сделала два реверанса и начала что-то быстро говорить ему. Густав Адольф VI был высоким мужчиной, старушка же – низенькая. Король наклонился к своей подданной и положил ей руку на плечо. Эта трогательная картина напомнила мне песнь Давида: «Он приклонился ко мне и услышал вопль мой»

(Пс. 39:2). Старушка, по-видимому, была обычной гражданкой, но у неё была возможность рассказать о своём переживании самому королю. Это большое счастье – иметь такую близость с монархом. И тут я снова вспомнил, что мой Царь всегда слышал прошения Своего немощного подданного, в том числе – его молитвы о маме.

Пятидесятилетие Финляндии

Дорога домой пролегла через Финляндию. Я оказался там накануне празднования пятидесятилетия независимости этой страны. В тот день хоронили великого финского христианина Эйно Маннинена. Представители всех конфессий во главе с архиепископом Финляндии присутствовали на церемонии прощания. Мне выпала честь передать соболезнования от имени маленькой Эстонии, а Хилья Ахелик положила цветы к гробу покойного, перед этим поцеловав их в знак уважения.

На следующий день праздновалось пятидесятилетие независимости Финляндии. А я впервые отмечал свой день рождения (сорокапятилетие) на финской земле. Это происходило под гром салютов и фейерверков.

Самые радостные минуты тогда я пережил во время встреч со своими верующими друзьями. Христианский вечер, на котором присутствовали в основном мои друзья из пятидесятнической церкви, проводил Вейкко Маннинен, сын Эйно. Во время этого радостного общения мы вдруг все почувствовали, что Господь хочет нам что-то сказать. Повинуясь внутреннему побуждению, мы преклонили колени, и наша сестра Рауни, жена Вейкко, получила откровение, что меня ждут тяжёлые испытания,

но, если я буду верен, не останусь без Божьего благословения.

С этой пророческой вестью на следующий день я продолжил свой путь домой. Уже на границе я почувствовал, что предупреждение о предстоящих мне трудностях было обоснованным. Я приобрёл в Швеции миниатюрную печатную машинку. Поскольку мне приходилось по роду своей деятельности много путешествовать, такая машинка виделась мне очень полезной. В тот день я только закончил писать письма, и машинка стояла на столе в купе поезда. В Выборге в наш вагон вошли три таможенника. Подойдя ко мне, они спросили, кто я по профессии. Я ответил. Решив, что поп может писать свои проповеди от руки, таможенники забрали у меня печатную машинку.

Тучи сгущаются

Перед праздником Троицы в Раквереской церкви меня навестил эстонский уполномоченный по делам религий Мейнхард Тедер. Он строго сказал:

– Я запрещаю вам проводить праздничные собрания на финском языке! Ваша территория – Раквереский район. Кто вам разрешил проводить всесоюзные финские собрания?!

– Нужда уполномочила меня, – ответил я. – У финнов нет другого места, чтобы собираться и слушать Божье Слово на родном языке. Неужели наш съезд один раз в год – это много?

– Я не разрешаю такое празднование Троицы!

– Тогда начните в Ленинграде или в области работу среди финнов, помогите им, и я перестану проводить наши христианские встречи в том виде, как они проходят.

– Я запрещаю вашу встречу на Троицу!

– В течение нескольких лет я приглашал людей сюда и уже не могу этого отменить.

Никакого письменного запрета, впрочем, я тогда не получил, и праздничное собрание для финнов мы всё равно провели, но наши отношения с уполномоченным окончательно испортились. Настоящий гром грянул осенью. Меня вызвали в райисполком, где для встречи со мной собрались следующие лица: представитель Совета по делам религий из Москвы (его фамилию я не запомнил), уполномоченный Совета по религиозным культам ЭССР Мейнхард Тедер, председатель Раквереского горисполкома Миккер и сотрудник КГБ Тинт.

Беседу начал гость из Москвы. Его звали Игорем, и его речь в целом звучала доброжелательно. Он был единственным вежливым человеком на этой встрече. Эстонцы же горячились всё больше и больше. Мне поставили в вину обширную переписку с Германией и контакты с нелегальными общинами верующих. По первому вопросу я спросил, ограничивает ли советское законодательство объём получаемой и отправляемой гражданином почты. Если нет, то в чём моя вина? Я же не могу только для удовольствия атеистов прекратить переписку со своими братьями. Среди советских немцев есть большая нужда в духовной литературе. Я сам с удовольствием отказался бы от роли посредника, если бы нам гарантировали, что посылки с книгами из ГДР беспрепятственно дойдут до Сибири и Центральной Азии. Поскольку очень часто такие посылки до адресатов не доходили (а в Эстонии с этим проблем не было), мне пришлось взять на себя функции почтальона. При обсуждении этой темы мы так и не пришли к какому-то заключению.

По второму вопросу мне предложили написать подробный отчёт для соответствующих инстанций о моих встречах с верующими из незарегистрированных общин.

Я на это ответил, что если бы выполнил такую просьбу, то христиане из этих общин оказались бы правы в своих обвинениях, что верующие из зарегистрированных церквей являются пособниками атеистов. Совесть не позволяет мне пойти на это. На что работник КГБ сказал: «Вы не доверяете нам, поэтому мы не доверяем вам». Этой фразой наша непростая двухчасовая встреча и завершилась. Единственным светлым воспоминанием о ней у меня остаётся московский гость Игорь.

Недовольные результатом беседы со мной, местные власти начали делать всё возможное, чтобы я покинул Раквере. Старшего служителя нашего братства заставляли отнять у меня удостоверение пресвитера. В те годы пастор зарегистрированной церкви в СССР должен был иметь два удостоверения: одно – от властей, а второе – от братства. Старец Александр Сильдос, наш старший пресвитер, оказался с инфарктом в больнице, но не сдался. Освальд Тярк тоже заступался за меня. Он убеждал уполномоченного, что у нашего братства нет никаких оснований отнимать у меня пресвитерское удостоверение. Тогда уполномоченный пошёл на хитрость. Он вызвал меня к себе и спросил, с собой ли у меня удостоверение? Я ответил, что с собой.

– Покажите мне его, – попросил он.

Я показал. Он взял моё удостоверение и тут же спрятал руку за спиной:

– Я изымаю его у вас!

Так я на несколько месяцев остался без работы, а власти сказали мне, что ни в одном населённом пункте Эстонии я не смогу больше стать пресвитером. В самый трудный период я получил письмо из Москвы от нашего старшего брата Александра Карева, в котором тот в утешение мне написал такие слова: «Христос – твоё будущее!»

И наконец в один прекрасный день мне вернули удостоверение пресвитера и отправили на служение в маленькую общину в Сууре-Яани, в Вильянди.

По следам Кастрена

Во времена жёстких административных гонений Господь, ободряя меня, дал возможность поехать в научную командировку.

В прошлом веке финский лингвист Матиас Александр Кастрен (1813–1852) обнаружил камасинцев, малочисленное племя самоедов, родственное финнам, но отличавшееся от них своим языком. В начале XX века их изучал Кай Доннер¹. После Второй мировой войны это племя считали вымершим. Когда я находился в Швеции, большой знаток финно-угорцев Бьёрн Коллиндер² показывал мне «последнюю песню последнего камасинца».

Исследователи финно-угорских языков и историки всегда хотели узнать больше об истоках этой семьи народов. Одна из новых методик, предложенная для данной цели специалистами, учитывала старинные названия географических мест. Если древний народ давал какое-то имя своей местности, то и новые народы, переселившиеся туда, обычно использовали старое название. Оно сохранялось дольше, чем жили там древние обитатели, которые нередко вымирали или перекочёвывали на новые места. В последнее время на просторах Евразии обнаружено много географических названий, имеющих финно-угорские корни. Нанеся их на карту, можно определить пути миграции предков, а место пересечения этих путей должно указывать на прародину всего народа.

Одна исследовательская группа по изучению финно-угорских географических названий побывала у подножия

---

¹ К. Р. Доннер (1888–1935), финский лингвист и этнограф.

² Б. Коллиндер (1894–1983), шведский лингвист.

Саянских гор, в деревне Абалаково¹. Однажды учёным понадобилось купить масло. В местном магазине его не оказалось. Тогда жители деревни посоветовали обратиться к одной татарке, у которой имелась белая корова. Две участницы экспедиции разыскали эту женщину. Та стала их расспрашивать, кто они такие. Услышав, что перед ней лингвисты, хозяйка решила испытать их и произнесла несколько слов на своём языке. Элина, ученица академика Аристэ², сразу поняла, что это был не татарский, а, возможно, камасинский язык. Хозяйка это подтвердила. Так был найден действительно последний камасинец в мире. Это стало большой новостью, и в деревню Абалаково зачастили лингвисты. Среди них был Аго Кюннап, ученик Аристэ, который впоследствии защитил докторскую диссертацию по камасинскому языку.

Эту «татарку» из Абалаково звали Клавдия Плотникова (баба Клава). С её помощью учёные разыскали ещё одну девяностолетнюю камасинку, но та совсем забыла родной язык, так как ей не с кем было на нём разговаривать. А вот баба Клава сохранила знание своего языка, потому что, будучи верующим человеком, всегда разговаривала на нём с Богом.

Последняя камасинка
баба Клава в Кохила, 1970 год

¹ Это село находится в Саянском районе Красноярского края.

² П. А. Аристэ (1905–1990), эстонский лингвист и этнограф.

Когда мы говорили с академиком Аристэ на эту тему, он спросил меня: «Вы знаете народ, пятьдесят процентов которого составляют баптисты?» Я ответил, что такого народа не существует. И тогда академик рассказал мне данную любопытную историю и добавил: «Вера спасла нам этот язык». Я попросил адрес бабы Клавы и решил проверить удивительные сведения, полученные от учёного. Начав переписку с пресвитером баптистской церкви, членом которой являлась Клавдия Плотникова, я вскоре получил утвердительные ответы на свои вопросы. А затем умерла забывшая свой родной язык девяностолетняя камасинка, и на земле появился народ, состоявший на 100% из баптистов. И этот народ жил в Советском Союзе.

Научные и религиозные деятели Эстонии очень хотели познакомиться с бабой Клавой. Однако из-за своей белой коровы она отклоняла все приглашения. Летом 1970 года от неё пришла короткая телеграмма: «Корову продала. Пусть Агафон Иванович приезжает». В это время Аго Кюннап («Агафон Иванович») читал лекции в Хельсинки. Я позвонил академику Аристэ в Тарту, и тот сразу решил организовать тем же летом в Таллине международную финно-угорскую конференцию. Мы договорились с Аристэ, что верующие привезут бабу Клаву в Эстонию, а учёные отвезут её назад домой.

Так я отправился в своё самое далёкое путешествие в жизни. Самолёт доставил меня в город Красноярск, и я пошёл искать местный молитвенный дом баптистов. В это время произошёл забавный случай. Я подошёл к зданию церкви в полдень, богослужения тогда не было. Вокруг молитвенного дома возвышался двухметровый деревянный забор. Я стучал в ворота, пока не появился сторож, сестра Анна. Я представился и назвал себя братом по вере из Эстонии. Сестра-сторож с сомнением окинула меня взглядом через небольшое окошко в воротах и сказала: «Какой же вы брат, если носите портфель!» Я попытался

объяснить ей, для чего мне нужен портфель, но это её не убедило: «Какой же вы брат, если у вас на пальце кольцо!» Такого рода диалог продолжался довольно долго, прежде чем сестра Анна всё же решилась открыть мне ворота. Правда, она и после этого ещё сильно сомневалась во мне. Только вечернее богослужение, на котором и мне дали слово, наконец развеяло её подозрения, и она по-сестрински угостила меня чаем с вареньем.

Из Красноярска до деревни Абалаково – около 300 км. Сначала нужно ехать на поезде, затем на автобусе, а потом ещё на автомобиле. И всё же я добрался в эту деревню у подножия гор и нашёл бабу Клаву. Она оказалась семидесятилетней, трудолюбивой, подвижной женщиной с ясным умом, к тому же приятный собеседник. Баба Клава рассказала мне, как уверовала в Бога.

К ним в деревню однажды заехал торговец дёгтем. Днём он продавал свой товар, а по вечерам делился Словом Божьим на молитвенных собраниях. Клавдия решила сходить и послушать его. И на первом же собрании рассказала в своих грехах. Торговец дёгтем и проповедник в одном лице говорил тогда о встрече Иисуса с самарянкой у колодца. Иисус сказал ей: «У тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе» (Ин. 4:18). Эти слова обличили Клавдию, словно речь шла о ней самой: она жила тогда со своим шестым мужем, не вступая с ним в законный брак. И тогда Клавдия отдала свою жизнь Иисусу Христу, знавшему её жизнь.

В школу она ходила только один день. Дело было так. Всесоюзная кампания по борьбе с неграмотностью добралась и до деревни Абалаково. Всех собрали на учёбу. За день Клавдия выучила алфавит и начала читать по слогам. Председатель сельсовета торжественно поздравил её перед всей деревней и сказал: «Отныне, Клавдия, ты образованный человек, и тебе легче теперь будет бороться с религиозными предрассудками!» Она же ответила:

«Если вы меня только для этого учили грамоте, то я больше не хочу заниматься». Сказала это и ушла. Поэтому Клавдия научилась только читать, а писать не могла.

По прибытии в Эстонию мы с бабой Клавой первым делом посетили академика Аристэ. Он отвечал за предстоящую финно-угорскую конференцию и должен был в расписании выделить для сибирской гостьи необходимое количество времени. Когда мы пришли к Аристэ, у него дома находились коллеги и друзья. Нас пригласили вместе с ними выпить кофе. Все сели за стол, но баба Клава осталась стоять. Хозяин дома попросил её присесть, но она отказалась. Аристэ недоумённо спросил, почему она не садится. Клавдия вежливо, но твёрдо ответила: «Я не могу сесть за накрытый стол, пока не будет произнесена молитва». (Русские верующие всегда молятся перед едой стоя.) Тогда Аристэ попросил всех своих учёных гостей встать и, обращаясь ко мне, сказал: «Вы, пожалуйста, помолитесь!»

Затем за столом началась живая и непринуждённая беседа. Баба Клава была в центре внимания и держалась очень достойно. В конце этой встречи одна молодая женщина, жившая по соседству, вдруг вспомнила, что оставила на плите вариться картошку. С криками она бросилась к дверям. Однако Аристэ остановил её: «Из-за стола сегодня тоже никто не выйдет без молитвы!» Так забывчивой женщине пришлось ещё немного задержаться, пока гости в заключение беседы снова молились.

Хозяин дома попросил бабу Клаву оставить отзыв в своей гостевой книге. Он открыл для этого чистый лист, ещё не зная, что та не умеет писать. Вышла заминка, потом Клавдию спросили, чего она хотела бы пожелать семье Аристэ. Она ответила: «Здоровья и Божьего благословения». Я написал за неё эти слова в книге, после чего гостья с нашей помощью кое-как поставила свою подпись. Присутствовавшие при этом событии люди

удостоверили истинность автографа бабы Клавы своими подписями.

Тем не менее Аристэ убедился в том, что Клавдии можно доверить вступительное слово в день конференции, посвящённый самоедским языкам. Когда пришло время, баба Клава действительно произнесла перед учёными мужами трёхминутную речь на камасинском языке, который понимали только два человека в зале. Позднее я её спросил, о чём она говорила. Клавдия тогда сказала, что исследователи – хорошие люди, их нужно только немного подучить... Баба Клава привыкла, что учёные благоговейно сидят перед ней и записывают каждое камасинское слово, исходящее из её уст.

После речи Клавдии все хотели ей что-то сказать. В их числе была известная венгерская лингвистка Ирен Шебештьен-Немет, которой во время нашей конференции исполнилось восемьдесят лет. Я спросил Клавдию, чего она хотела бы пожелать этой пожилой исследовательнице. «Благословения Божьего!» – ответила она. Я перевёл эти слова на немецкий язык, добавив, что Клавдия – христианка. Венгерка воскликнула: «Прекрасно, я тоже верующая, кальвинистка!» – и бросилась обнимать бабу Клаву. Так началась их дружеская переписка, которая при великодушной помощи сельского учителя из Абалаково продолжалась до смерти Ирен.

Шведский лингвист Бьёрн Коллиндер попросил Клавдию о встрече. Представляя их друг другу, я шутливо сказал, что шведское имя *Бьёрн* переводится как «медведь», но он хороший, его не надо бояться. «Я медведей не боюсь, я их ем!» – ответила Клавдия. Господин Коллиндер смеялся от души.

Наконец и «Московское радио» проявило интерес к нашей сибирской гостье. Баба Клава пришла ко мне посоветоваться. «Журналисты просят народную песню, но все они про веселье и выпивку. Я не буду такие петь! Может

быть, я спою какую-нибудь духовную песню на камасинском?» Клавдия сама перевела несколько христианских гимнов и пела их Богу. Мы с ней решили, что это самые подходящие песни для советских граждан.

На следующий день уже финское радио вместе с известными учёными более четырёх часов интервьюировало бабу Клаву. Когда эта большая работа была сделана, сибирячку спросили, какой подарок она хотела бы получить в качестве благодарности за эту встречу. Клавдия, недолго думая, ответила: «Тёплые шерстяные рейтузы». И она вскоре получила желаемое (и ещё много других подарков). В обратный путь Клавдия отправилась с большими сумками. На память о конференции в Эстонии она приобрела для своих односельчан расчёски, сделанные на Тартуской гребёночной фабрике. Судя по количеству расчёсок, в их деревне тогда проживало пятьдесят семей.

Осенью 1989 года Клавдия Плотникова, последний камасинец на земле, ушла в вечность.

Встреча Ирен Шебештген-Немет,
известной лингвистки Венгрии, с Клавдией Плотниковой

Сууре-Яани

В течение десяти лет (1968–1977) я совершал пресвитерское служение в маленькой общине в Сууре-Яани. В этом селении у меня возникла проблема с жильём. Мне сказали в местном исполкоме, что не могут расселить даже школьных учителей, поэтому мне надеяться не на что.

Но у Бога был другой план. Он расположил сердце одного брата из лютеранской церкви помочь мне. Это был замечательный цветовод по фамилии Сёёнурм, почти слепой. Он сразу же пожертвовал мне шесть тысяч рублей и позднее ещё помогал. Узнав о нужде нашей семьи, средства собирали и другие верующие. Я получил тогда помощь от членов Раквереской общины, в которой прежде нёс служение: от Напитса, Аугусте Нылва и Паурсона, – от каждого по четырёхзначной сумме в рублях. Кроме того, Карагандинская община заняла мне нужную сумму на выгодных условиях. Так мы смогли приобрести половину дома в соседнем городе Вильянди.

Богослужebные собрания у нас проводились на трёх языках. Община состояла из шестидесяти эстонцев, тридцати немцев и около десятка финнов.

Уполномоченный по-прежнему не оставлял меня своим вниманием. Дважды по его распоряжению мне выписывались денежные штрафы. И он искал повод, чтобы сделать это в третий раз. Тогда меня можно было бы привлечь и к уголовной ответственности.

Первый штраф я получил за то, что ездил проповедовать в Ракверескую общину. Мне было запрещено участвовать в богослужениях за пределами Сууре-Яани.

Наши добродетели: справа
в первом ряду доктор Ксения Поска,
во втором ряду Аугусте Нылва (слева)
и Эльфриде Нейдер (справа)

Я полагал, что, будучи членом Раквереской баптистской церкви, имею право проповедовать и там. Однако местные власти этот вопрос понимали иначе, и меня оштрафовали.

Второй штраф мне выписали за проведение богослужения на немецком языке при праздновании очередной годовщины церкви в Сууре-Яани. Наш небольшой молитвенный дом, принадлежавший в прошлом

Братской церкви, имел уже более чем вековую историю. В честь праздника мы решили провести два богослужения: в субботу на немецком языке и в воскресенье – на эстонском. Во время субботнего собрания пришёл уполномоченный, нашёл меня в братской комнате и поднял крик. Я в это время раскладывал слайды для показа верующим. Он забрал эти слайды и не захотел выслушать мои объяснения. В итоге мне назначили штраф в размере пятидесяти рублей за «организацию всеэстонского богослужения для верующих немецкой национальности».

В связи с этим произошла интересная история. В тот день, когда я пошёл на почту, чтобы оплатить штраф в пятьдесят рублей (моя месячная зарплата тогда была шестьдесят рублей), в другом почтовом окошке я получил перевод – ровно пятьдесят рублей. Эти деньги, как вскоре выяснилось, мне отправил один человек из Крыма.

Мой знакомый пастор и друг из Восточного Берлина проводил свой отпуск в Сочи. Несмотря на недовольство жены, он взял с собой потёртые американские джинсы, в которых было удобно лазать по горам. Пастор в ковбойских штанах гулял по Сочи в сопровождении двух молодых людей, и они попросили его продать им эти джинсы¹. Пастор отказался, но ребята продолжали просить. Один из этих парней говорил, что он гитарист. И в последний день отпуска пастор решил им подарить свои джинсы. Однако гитарист настаивал, что он должен заплатить, и оценил заграничные штаны в пятьдесят рублей. Поскольку пастору уже не нужны были советские рубли, он вспомнил обо мне. Так я получил пятьдесят рублей, которые пришли ко мне именно в тот день, когда я оплачивал штраф за проведение богослужения на немецком языке. Для моего Царя это не составило никакого труда, нужно было только отправить к Чёрному морю брата в потёртых джинсах.

Уполномоченный пристально следил за мной, чтобы оштрафовать меня в третий раз, но тут его самого сняли с занимаемой должности. И начался новый этап в моей жизни.

В Гернгуте

Двери на Запад вновь приоткрылись, и не только лично для меня, но и для других христиан. Нашему братству разрешили послать трёх молодых братьев в ГДР для изучения теологии. Поскольку я имел с немцами тесные связи, меня отправили на поиски подходящего учебного

---

¹ В те годы джинсы в СССР были большим дефицитом.

заведения. Поездка состоялась весной 1977 года. На этот раз у меня была даже возможность взять с собой личную секретаршу – мою жену Веронику.

Главным пунктом нашего путешествия стал центр братских общин в Гернгуте. Мы прибыли туда в тот день, когда они в двухсотпятидесятый раз выбирали путём жеребьёвки пророческие библейские тексты, на сей раз – на 1980 год. Я сам на протяжении десятилетий имел подобную практику, находя в ней утешение и благословение. Поэтому я попросил разрешения наблюдать за этим таинственным действием хотя бы издалека. Братья, выслушав мою просьбу, позволили нам присутствовать при этом событии. Нам сказали, что мы являемся первыми не гернгутерами, которые удостоены такой чести за все 250 лет существования данной церемонии.

Мне запомнилась благоговейная атмосфера, в которой выбирались стихи из Ветхого Завета. Их доставали из большой хрустальной вазы, и некоторые листы были настолько старыми, что надписи на них оказались сделаны ещё гусиными перьями. Стихом, выпавшим на 1 января 1980 года, стал следующий: «И убоятся имени Господа на западе и славы Его – на восходе солнца» (Ис. 59:19). Удивительно, что именно на этой жеребьёвке впервые находились вместе верующие с Запада и Востока.

Распрашивая всюду о лучших теологических факультетах, мы побывали в университетах Галле и Лейпцига, общались с лютеранскими пасторами и служителями свободных церквей. Один почтенный пастор дал нам совет: «Если вы хотите, чтобы ваши братья вернулись в Эстонию верующими, отправьте их в Букковскую баптистскую семинарию».

Услышав это, мы с женой поспешили в Букков и прибыли туда как раз в день выпуска. У нас сложилось впечатление, что атмосфера в этом учебном заведении была радостной и свободной, но не либеральной. Руководитель

семинарии Клаус Фурманн радушно принял нас. Мы познакомились с учителями. Особенно нам понравился преподаватель Нового Завета Адольф Похл, который очень напомнил нам Освальда Тярка.

Семинария в Буккове охотно согласилась принять трёх студентов из Эстонии. Таким образом, мы вернулись из нашей ознакомительной поездки с добрыми новостями. Старшие братья согласились с нашей рекомендацией Букковской семинарии, и через два года мы смогли отправить туда трёх способных юношей: Пеетра Роосимаа, Йоосепа Таамо и Эрмо Юрма.

Тогда в Букковской семинарии перед началом нового учебного года с напутственной речью выступил старший пресвитер Эстонского союза ЕХБ Роберт Вызу. Затем мы с братом Вызу совершили поездку по Германии. Роберт был историком, его дипломная работа в своё время называлась «Университет в Галле и влияние Гернгута в Эстонии в XVIII веке».

В глубоком волнении Роберт стоял в Галле перед памятником Херманну Франке, на постаменте которого мы прочли надпись: «Господь был его упованием».

В Гернгуте нас ожидал приятный сюрприз. Роберт в архиве моравских братьев подошёл к шкафам, где хранились документы, касавшиеся Эстонии. Там он нашёл объёмную рукопись, написанную мелкими готическими буквами. Роберт попросил архивариуса прочитать первую страницу этой рукописи. Там было написано рукой плотника Христиана Давида, руководителя гернгутского движения: «В день Матфея, 21 сентября 1729 года, мы прибыли в Ливонию...» Так называли тогда южную часть Эстонии и север Латвии. Спустя ровно 250 лет, 21 сентября 1979 года, мы стояли перед этим шкафом в архиве и были живыми свидетелями того, что святое семя, некогда посеянное гернгутерами в Эстонии, до сих пор приносит свой плод.

Через четыре года эстонские студенты, окончив обучение в Буккове, вернулись домой, чтобы служить своей церкви и народу. Все трое сегодня преподают в нашей Тартуской теологической семинарии.

Уже несколько лет я не был в Сууре-Яани. Я помогаю в служении тем братским общинам (их у нас сейчас восемьдесят), где наибольшая нужда.

Вторая поездка в Швецию

Через четырнадцать лет, в течение которых я многократно обращался с ходатайствами о поездке в Швецию для посещения пожилой мамы, весной 1981 года мне наконец дали разрешение. Веронике выезд закрыли, мотивируя это тем, что свекровь не является близким родственником. В итоге я опять поехал один, хотя мне очень хотелось познакомить маму с её невесткой.

Моё второе путешествие в Швецию, по сравнению с первым, проходило более обыденно. Мама не смогла встретить меня в порту. Мой дядя Юри Поска в то время уже умер, лучший друг нашей семьи Эйнар Риммерфорс тоже ушёл в вечность. И мы с мамой ходили на кладбище, где она уже присматривала место и для себя. Много пережившая на своём веку, мама постепенно угасала.

Швеция относилась к ней благожелательно. Здесь она смогла вырастить двух своих дочерей и продолжить научную работу. Уже в преклонном возрасте, в 1967 году, она защитила докторскую диссертацию в Сорбонне.

С грустью в сердце я попрощался с мамой, доверив её Господу.

Встреча мамы с невесткой

Третья поездка в Шведское королевство состоялась уже в годы перестройки. Впервые за тридцать восемь супружеских лет у меня появилась возможность представить маме (ей тогда было 87 лет) единственную невестку.

Меня очень тронуло, что мама попросила меня помолиться о ней. Она уже не могла сама складывать слова в молитву, но повторяла их за мной. Мы помолились вместе с ней молитвой покаяния. Этот был самый трогательный момент нашей поездки и большое утешение для нас.

В четвёртый раз я поехал в Швецию уже через год – на похороны мамы. Мы тогда прибыли втроем: Вероника, я и наша старшая дочь Мадли. Похороны проходили по традиции Эстонской апостольской православной церкви. На видном месте стоял венок с сине-чёрно-белой лентой¹. Похоронную службу проводил священник Суурсёет. Мою маму, Татьяну Яановну Лааман, похоронили на Лесном кладбище в Стокгольме.

Ради меня она была готова пожертвовать жизнью ещё до моего рождения. Она уповала на Бога, и Он по-царски благословил её. Мама прожила дольше всех своих братьев и сестёр.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, упав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода. Любящий душу свою погубит её, а ненавидящий душу свою в мире этом сохранит её в жизнь вечную» (Ин. 12:24–25).

---

¹ Цвета национального флага Эстонии.

Летние ветра

Летом 1988 года в жизни маленькой Эстонии происходило одно чудо за другим. Одновременно и у христианских общин открывались всё новые возможности. Власти столицы по собственной инициативе предложили нам ледовую арену Дворца культуры и спорта имени В. И. Ленина для проведения евангелизационных служений. Мы охотно согласились, и 24 июля в рамках празднования 1000-летия Крещения Руси провели большое торжественное богослужение. Собралось около семи тысяч человек, большинство из которых были русскоязычными.

Тема моего выступления звучала так: «Что за свою тысячелетнюю историю православие дало эстонскому народу?» Сначала я говорил на эстонском языке, а затем на русском. Я рассказал слушателям, какое большое значение имел тот факт, что Российская православная церковь к началу судьбоносного XX века подготовила для Эстонии около одной тысячи образованных молодых священников.

На рубеже XIX и XX столетий в Риге успешно работала духовная семинария, в которой прибалтийская молодёжь могла получить прекрасное бесплатное образование. Семинария давала хорошие знания в области гуманитарных наук. В ней изучались греческий язык и латынь, философия и история. Многие выпускники этой семинарии впоследствии внесли большой вклад не только в духовную жизнь нашего общества, но и повлияли на эстонскую историю и культуру. Например, Константин Пятс стал первым президентом независимой Эстонии. Яан Поска – первый министр иностранных дел нашей

страны, заключивший знаменитый Тартуский мирный договор. Константин Рамул – прославленный профессор психологии Тартуского университета. Александр Ардер – талантливый певец и преподаватель. Я коротко напомнил слушателям о наиболее ярких страницах из жизни этих людей.

Из той тысячи семинаристов на сегодняшний день в живых остался только один. Это Яан Краав, которому уже за девяносто лет. В день его последнего юбилея в газете «Путь к коммунизму» можно было прочитать следующее: «Каждый приход агронома Краава в колхоз становился словно воскресным днём в череде серых будней».

Хотя многие выпускники Рижской семинарии в свою революционную эпоху не стали священниками, они всё же принесли эстонскому народу большие благословения. И за это мы все в долгу перед тысячелетней Русской православной церковью.

Но и в годы революций деятельность православных священников вызывает восхищение. Например, во время революции 1905 года в Эстонии свирепствовали конные отряды генерала Безобразова¹. Сотни эстонцев были расстреляны, большинство из них – без всякой вины. Против этих массовых убийств выступило православное духовенство. Особенно мужественно себя повёл священник Бежаницкий². Однажды ночью его позвали в городскую тюрьму Вильянди, чтобы причастить осуждённого на смерть православного человека. Священник поспешил в темницу и выполнил свой пастырский долг. Остальные осуждённые на смерть были лютеранами. Они обратились к батюшке с просьбой, чтобы он причастил и их. Священник не отказал им.

---

¹ В. М. Безобразов (1857–1932), русский военачальник, генерал от кавалерии.

² Н. С. Бежаницкий (1859–1919), протоиерей, мученик, причисленный к лику святых РПЦ в 2000 г.

Когда Бежаницкий уже собирался покинуть тюрьму, к нему подошёл офицер, который должен был утром привести смертный приговор в исполнение. Этот офицер спросил:

– Что делал священник в тюрьме в столь поздний час?

– Выполнял свой долг, причащал приговорённых к казни.

– Кого из них?

– Всех.

– В таком случае мы не можем никого утром казнить...

В России тогда действовало негласное распоряжение, запрещавшее лишать жизни человека после принятия им причастия («пока святыня не покинет тела»). И тогда священника осенило: он срочно телеграфировал епископу, который передал ходатайство губернатору в Риге, и в итоге все приговорённые к смертной казни в тюрьме Вильянди были помилованы. Друг познаётся в беде! И в трудные времена русские священники показали себя как друзья эстонского народа.

Основную проповедь на этом торжественном служении произнёс выехавший из Советского Союза в Восточную Германию российский немец Виктор Гамм. Он хорошо говорил по-русски, и его речь коснулась как разума, так и сердца слушателей. Около двухсот человек вышло на молитву покаяния, выразив желание примириться с Богом. Это была очень трогательная картина.

Осенью того же года городская управа в Раквере позвала меня в Дом культуры, чтобы рассказать местным жителям об истории Библии. В ноябре представителей нескольких христианских деноминаций пригласили в таллинский Дом радио. На передачу пришли: два лютеранских пастора, епископ методистской церкви, старший служитель адвентистов, католический священник и я (как представитель евангельских церквей). Наша беседа в радиоэфире длилась почти полтора часа.

В заключение каждого из нас попросили кратко сказать нечто самое важное. Я тогда процитировал слова Христа из Нагорной проповеди: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5).

Пока мы ещё находились в Доме радио, журналисты спросили, владеет ли кто-нибудь из нас шведским языком. Я был одним из тех, кто признался, что немного говорит на этом языке. И мне, как человеку, который на четверть является шведом, предложили 29 ноября принять участие в программе «Вечерняя молитва» в прямом эфире Шведского радио. За те пять минут, которые мне выделили, я успел сказать следующее:

Дорогие шведские друзья, да благословит Бог вашу землю! Мы в Эстонии с благодарностью вспоминаем роль шведов в жизни нашего народа на протяжении многих столетий. Мы в долгу перед Бенгтом Готфридом Форселиусом¹, основавшим первые эстонские народные школы. Как раз в этом месяце исполняется триста лет со дня его смерти.

Мы в долгу перед Густавом II Адольфом², который триста пятьдесят лет назад основал Тартуский университет. Это учебное заведение по сей день является культурным центром всей Эстонии.

У нас, членов евангельской церкви Олевисте, есть свои причины для благодарности. Духовное пробуждение пришло в Эстонию около ста лет назад благодаря служению двух шведских учителей в народных школах. Этих учителей звали Ларс Ёстерблом и Франс Эммануэл Торен. Они были посланниками Лютеранской евангелической миссии и работали среди шведов Эстонии на острове Вормси и полуострове Ноароотси. Это были святые Божьи мужи, в силе Духа совершавшие дела милосердия. На острове Вормси до них имелось двенадцать трактиров, и все они закрылись в годы духовного пробуждения. Позднее Божий огонь охватил

---

¹ Б. Г. Форселиус (1660–1688), эстонский педагог шведского происхождения.

² Густав II Адольф (1594–1632), король Швеции.

и эстонцев. На сегодняшний день в нашем евангельском братстве семьдесят церквей, из которых самая большая – община Олевисте, состоящая из тысячи трёхсот членов. И пятидесятническое движение также пришло в Эстонию через шведских верующих, руководил которыми дорогой брат Ёльвингссон.

У эстонского народа есть ещё одна причина для благодарности. Во время Второй мировой войны тысячи наших граждан бежали от террора Гитлера и Сталина в Швецию, и Мать Свевя¹ приняла их всех. Особенно хочу поблагодарить шведских христиан за их дела милосердия.

Швеция дала эстонской культуре возможность развиваться даже в изгнании. При финансовой поддержке Шведского королевства вышел в свет объёмный «Толковый словарь эстонского языка» Андруса Сааресте².

Мы надеемся, что у Швеции хватит политической воли и в будущем помогать другим народам и стоять за мирное развитие человечества – в духе Дага Хаммаршёльда³, а прежде всего – в духе Иисуса Христа.

Желаем вам благословенного Адвента, большего сопричастия со Христом и такого Рождества, Царём которого был бы Сам Иисус.

Мы очень рады тому, что впервые в истории советской Эстонии у нас сегодня есть возможность открыто праздновать Рождество, возвещая о нём в радио- и телеэфире. Мы благодарим Бога за эти новые возможности проповеди Евангелия, которые дарованы нам в год тысячелетия принятия христианства на Руси.

Давайте помолимся: «Дорогой Господь, благослови шведскую землю, короля и королеву Швеции, весь шведский народ! Благослови шведскую христианскую миссию и стремление этого народа достичь мира и благоденствия на всей планете. Благослови эстонский и русский народы через Твоё

---

¹ Мать Свевя – легендарная прародительница шведского народа, собирательный образ Швеции.

² А. К. Сааресте (1892–1964), эстонский лингвист.

³ Д. Хаммаршёльд (1905–1961), шведский политический деятель, лауреат Нобелевской премии мира.

Святое Евангелие! Tillkomme ditt rike!¹ Да придёт Царство Твоё! Аминь».

Городские власти Таллина обратились с просьбой к молодёжи свободных церквей, чтобы они в составе сводных хоров выступили перед горожанами на рождественском богослужении на Ратушной площади. Посреди этой площади установили сцену, подключили колонки, так что всех выступающих было хорошо видно и слышно. Мне поручили там прочесть рождественские тексты из Евангелия. И я с радостью читал Божье Слово и на эстонском, и на русском языках, потому что Евангелие принадлежит всем людям.

В первый день Рождества я снова был в Раквере. В зале местного театра вместе со мной возвещал рождественскую весть виртуозный камерный хор «Глория». Мы к тому времени смогли напечатать две тысячи экземпляров замечательных «Рождественских проповедей» Освальда Тярка и один мой рождественский рассказ, переложение старой истории, которую я когда-то давно услышал по радио. Эта история стоит того, чтобы её здесь вспомнить.

Одного финского деда спросили, какое у него самое доброе воспоминание о Рождестве. И старец рассказал следующее. Его семья была очень бедной. Они жили в карельских лесах. Однажды, в канун Рождества, он сильно заболел и лежал на кровати. В это время отец вернулся из города и привёз ему и его брату по большому перцовому прянику, покрытому глазурью. Для детей это был лучший подарок в то время. Больной мальчик был настолько слаб, что не мог сразу съесть свой пряник и поэтому положил его на стул рядом с кроватью, чтобы любоваться на него. Ночью сквозь сон мальчик услышал, как его брат подкрался к этому прянику. Первой мыслью было, что ему так и не удастся попробовать подарок отца. Однако,

---

¹ Да придёт Царство Твоё! (*швед.*)

когда рассвело, больной мальчик увидел, что вместо одного пряника у него на стуле теперь их лежало два. Его брат хотел, чтобы он съел один пряник, а второй оставил себе для любования. И это было самое лучшее Рождество в жизни старца. Карелы продолжали нести другим людям радость рождественских праздников, и теперь весь мир наполнен этим светлым чувством. Так и нам нужно делиться своими пряниками в жизни, особенно с теми людьми, кто живёт в нужде и одиночестве!

В таком духе проходил замечательный рождественский вечер в Раквереском театре.

Двери перед нами продолжали открываться. Верующих людей стали звать в школы. Директора и учителя звонили пресвитерам и проповедникам, приглашая провести для детей библейские занятия. Меня в то время позвали в шесть учебных заведений.

В одной из школ я говорил детям о рождении Спасителя, чередуя свой рассказ с рождественскими песнями. С горящими свечами в руках школьники пели: «Тихая ночь, дивная ночь...» Затем я рассказал им, что означало это великое событие для всего человечества и для нашей маленькой страны. В конце занятия дети исполнили гимн Эстонии.

Во время пения национального гимна они одновременно заучивали и молитву: «Да хранит тебя Бог, дорогая Отчизна моя! Да будет Он твоим заступником и благословит тебя во всех делах твоих, дорогая Отчизна моя!» Наша обязанность – молиться о родине. Мечты эстонского народа исполнятся только тогда, когда Бог дарует нам Своё благословение.

Не только моя жизнь, но и жизнь всего нашего народа тесно связана с песней. В 1816 году крепостное право было отменено на севере Эстонии, а в 1819 году – на юге. На это историческое событие большое влияние оказала деятельность Людвига Рейнхольда Самсон фон

Гиммельшерна¹, чьими крепостными были и мои предки. В 1869 году в честь пятидесятой годовщины отмены рабства в Эстонии впервые провели певческий праздник. Затем ставший ежегодным, этот праздник более ста лет является объединяющей силой эстонского народа. Говорят, что эстонцы во время пения стали самостоятельной нацией.

Ранней осенью 1988 года вновь зазвучала песня. Тогда каждый третий житель Эстонии (более трёхсот тысяч человек) посетил певческий фестиваль. Люди приходили не столько послушать сводные мужские хоры, сколько сами пели – как на сцене, так и по всей округе. Голоса, звучавшие со всех сторон, сливались воедино. Пели даже коммунисты. Это было ещё одним чудом.

В Эстонии произошла «поющая революция». Наверное, нигде перестройка и гласность не имели такой благодатной почвы, как в нашей стране. И это доставляло христианам огромную радость.

Такие события имели место в Эстонии и в других республиках Советского Союза в год 1000-летнего юбилея Крещения Руси. Это было ответом Царя царей на предшествующие многолетние гонения и дискриминацию верующих. Однако это, несомненно, только начало Божьих чудес. Лучшее нас ещё ждёт впереди.

Когда я уже приготовил к печати эстонский текст своих мемуаров, ко мне пришли в гости брат и сестра Леонида Ладушева, того самого разведчика, который вместе с Библией в своём вещмешке попал к нам в тюремную камеру в канун Рождества 1943 года. Моя книга воспоминаний сначала вышла на финском², а затем на немецком

---

¹ Л. Р. Самсон фон Гиммельшерна (1778–1858), юрист и литератор.

² Missä on Arpadin Kuningas? Virolainen elämäkertä. Päivä OY, 1989.

языках¹, и Вайма Кабур, писавшая рецензии на них в журнале «Леоминг» и знавшая Ладушевых, познакомила меня с этой семьёй. Это произошло 4 сентября 1991 года. От родственников Леонида я узнал, что его чудесным образом освободили из немецкой тюрьмы, после чего он женился на латышской немке и эмигрировал в Великобританию. Во время Олимпийских игр 1980 года Леонид слушал прямую трансляцию по радио и, как только сказал своей жене: «Сейчас пойдёт мой Таллин», – сразу умер. Его брат сообщил, что в своих последних письмах Леонид часто упоминал Бога.

Сегодня, 6 сентября, когда я заканчиваю подготовку этой книги к печати, пришло известие, что независимость Эстонской Республики, наряду с другими странами, признал и Советский Союз. Это настоящее чудо! Другие чудеса ещё ждут своей очереди.

Достоевский в своё время писал, что Россия первой придёт к братству и гармонии и научит этому другие народы. Но это станет возможным только тогда, когда Христос пробудит и обновит Свой народ. Бог дал обещание: «Се, творю всё новое!»

Это несомненная истина, что Иисус Христос, Царь царей, может обновить как нашу личную жизнь, так и жизнь целых народов и государств. Он решает все социальные и экономические проблемы, творя нового человека.

Через пробуждение России воссияет новый свет всему миру. Волей народа маленькой Эстонии и всех людей доброй воли готовился путь этому пробуждению. Местоположение Эстонии – между Западом и Востоком – определяет её роль посредника. Где Царь Арпада? (Ис. 37:13).

Он станет и твоим Царём, дорогой читатель, если ты смиришься под Его сильную руку. Он проведёт тебя чудесными путями в Свою вечную славу.

---

¹ Grenzgänger zwischen Ost und West. Ein Leben im Baltikum. Oncken Verlag Wuppertal und Kassel, 1990.

И в конце ещё одна песня

Апостол Иоанн пишет: «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнём; и победившие зверя, и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божьего, и песнь Агнца, говоря: „Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!“» (Откр. 15:2–3).

*Раквере, 22 марта 1961 г. – Таллин,
6 сентября 1991 г.*

100 ЛЕТ СВЕТ НА ВОСТОКЕ 1920 - 2020

www.lio.org

www.lio.ru

Дорогие читатели!

На нашем сайте www.lio.org и на сайтах наших партнёров можно найти книги и журналы на разных языках, скачать их бесплатно для чтения или прослушивания, познакомиться с нашей историей и принять участие в наших проектах. Или просто послушать христианское радио.

Добро пожаловать!

www.sns.org.ua

www.radiomcc.ru

www.radioeli.ru

В издательстве «Свет на Востоке» вышло второе издание этой замечательной книги известного во всём евангельском мире проповедника и автора. На русский язык её перевёл поэт Александр Сибилев. Когда один из моих друзей спросил, какие десять книг нужно обязательно прочитать христианину, мне сразу вспомнилась эта книга. Она преобразила меня, ответила на многие мои вопросы. Надеюсь, она станет благословением и для вас, уважаемые читатели.

В. Цорн

Книгу можно заказать на сайтах нашей миссии.

Арпад Ардер

Где Царь Арпада?

В поисках цели жизни

Перевод *Тойво и Татьяны Утриайнен*
Редактор *Константин Прохоров*
Корректор *Эльвира Цорн*
Обложка и вёрстка *Татьяны Крук*

Изд. № 01.568. Подписано в печать 22.02.2021.
Гарнитура: Century Schoolbook, Philosopher.
Тираж 3 000 экз. Заказ 900007301-900004193.

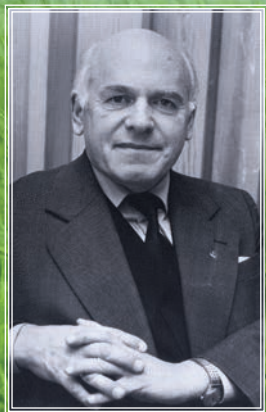
Отпечатано в типографии CPI books, GmbH, Germany.

Выросший в казахской семье, Вальдемар Клат в 17 лет узнал, что он не казах, а немец. Переехав с Урала в Киргизию, Вальдемар встретил и полюбил Ольгу, свою будущую жену. Через несколько лет он заболел лейкемией, и врачи, после бесполезных попыток вылечить его, выписали больного домой – умирать.

Он болел уже около двух лет, когда в 1975 году их семью посетил Арпад Ардер, благословенный проповедник из Эстонии. Семья собралась на вечернюю молитву. Ольга попросила брата Ардера сказать слово утешения для умирающего мужа. Арпад Ардер открыл Библию и прочёл из 5-й главы Евангелия от Луки: *«Отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова... Не бойся; отныне будешь ловцом людей»*. Эти слова вызвали смущение у Вальдемара и Ольги. Но гость повторил их ещё раз во время прощания у порога дома.

Пройдя через многие трудности и испытания, удивительные чудеса и испытав особое водительство Божье, Вальдемар Клат стал сотрудником и радиопроповедником миссии «Свет на Востоке».

После того посещения Ардера прошло 15 лет. В 1990 году в Германии, на конференции Миссионерского союза «Свет на Востоке», среди выступающих были казахский радиопроповедник Вальдемар Клат и давний друг миссии Арпад Ардер. *«Ваше пророчество исполнилось полностью»*, – сказали Ольга и Вальдемар Арпаду Ардеру. Но он ответил: *«Не моё оно было. Это Бог вам его дал»*.

В книге воспоминаний Арпада Ардера этой истории нет, и таких историй, о которых знают только Бог и немногие люди, много.

Вспоминая о своей жизни, автор разворачивает перед нами картину, на фоне которой он жил, любил, страдал, служил и верил.